

Цѣна 50 коп.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XXXII-й.

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

(1749 — 1802).

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

Текстъ произведенія.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

Александръ Радищевъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1906.

Дорогі друзя!

Представляемъ вамъ повѣсть Александра Николаевича Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» – найбільше извѣстное произведеніе автора, опублікованное въ маѣ 1790 года. Изначально работа печаталась безъ указанія автора въ домашней типографіи Радищева.

Повѣсть представляеть собой собраніе фрагментовъ, связанныхъ между собой названіями почтовыхъ станцій городовъ и деревень, черезъ которыя проѣзжаетъ авторъ. Онъ рисуеть картины современной ему Россіи, удѣляя основное вниманіе положенію крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ завершеніи изданія приведены біографическій очеркъ А. Н. Радищева, написанный его сыномъ Николаемъ Александровичемъ, и статья Пушкина о Радищевѣ.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ соотвѣтствіи съ изданіемъ отъ 1906 года¹, съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзя!

¹ Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву: Текстъ произведенія. – Санктъ-Петербургъ: И. Глазуновъ, 1906. – VIII, 215 с.; 20. – (Русская классная бібліотека, издаваемая подъ редакціей А.Н. Чудинова: Пособіе при изуч. рус. лит.; Вып. 32).

Цѣна 50 коп.

**РУССКАЯ КЛАСНАЯ БИБЛИОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. Чудинова.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XXXII-й.**

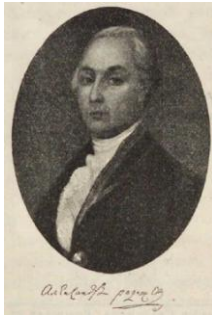
А. Н. РАДИЩЕВЪ,

(1749 — 1802).

**ПУТЕШЕСТВІЕ
ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.**

Текстъ произведенія. — Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Глазунова, Казанская ул., № 8.
1906.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ одной изъ рецензій первыхъ выпусковъ «Русской Класной Библіотеки» выражено было пожеланіе, чтобы въ составъ этого изданія вошла книга Радищева: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Въ настоящее время, оказалось возможнымъ осуществить эту мысль нашего рецензента, и мы воспроизводимъ этотъ памятникъ по тексту, напечатанному въ изданіи Суворина, представляющемъ точную копию первоначальнаго изданія 1790 года. Сохраняя въ полной неприкосновенности текстъ послѣдняго, мы сочли, однако, необходимымъ соблюсти установившуюся орѳографію и пунктуацію. Та и другая, какъ извѣстно, отличаются въ подлинномъ изданіи крайней беспорядочностью и прямо таки безграмотностью, затрудняющими чтеніе и легко объяснимыми тѣмъ обстоятельствомъ, что книга печаталась въ частной типографіи автора и набиралась его крѣпостными и таможенными служителями, по всей вѣроятности, мало грамотными. Свято сохранять, въ современномъ изданіи, столь прихотливую орѳографію, очевидно, нѣтъ никакого основанія.

Имени Радищева и его книгъ давно уже отведено подобающее мѣсто во всѣхъ курсахъ исторіи отечественной литературы, во всѣхъ энциклопедическихъ словаряхъ; о немъ успѣла образоваться цѣлая литература, а знаменитое «Путешествіе» Радищева, которому онъ обязанъ всей своей извѣстностью, до самаго послѣдняго времени, было знакомо лишь записнымъ библіофиламъ, оставаясь недоступнымъ для большой публики. Первымъ печатно заговорившимъ о Радищевѣ и открывшимъ, такъ

сказать, его для русской публики, былъ Пушкинъ, замѣтка котораго, посвященная автору «Путешествія», могла появиться въ свѣтъ однако 20 л. спустя послѣ смерти нашего поэта. Какое значеніе придавалъ Пушкинъ Радищеву, видно изъ письма его къ Бестужеву, автору статьи: «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», въ которой, равно какъ и въ «Опытѣ исторіи русской литературы» Греча, вовсе не упоминается имени Радищева: «...Жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ». Въ стихотвореніи Пушкина: «Памятникъ» сохранился слѣдующій варіантъ одной строки, въ окончательной редакціи замѣненный другимъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ;
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Въ книгѣ Радищева слѣдуетъ различать двѣ стороны: западно-европейскія вліянія и позаимствованія, и оригинальныя мысли и чувства, возникшія подъ впечатлѣніемъ современныхъ ему событій въ нашемъ отечествѣ. По откровенному признанію самого автора, въ запискѣ, написанной имъ въ тюрьмѣ и представленной Шешковскому, онъ подражалъ слогу Рейналя, въ книгѣ: «Исторія о Индіяхъ», а форму своего «Путешествія» позаимствовалъ изъ книги Стерна: «Сантиментальное путешествіе», съ которою познакомился въ нѣмецкомъ переводѣ. Часто замѣчаемая искусственность, преувеличенія, риторическія тирады и фразерство — несомнѣнные слѣды вліянія Рейналя, котораго французы называли

«декламаторомъ»). Несомнѣнны также позаимствованія изъ Гердера, Руссо, Платнера и другихъ менѣе извѣстныхъ иностранныхъ писателей. Оригинальныя мѣста «Путешествія», въ которыхъ съ такимъ яркимъ негодованіемъ описываются мрачныя стороны крѣпостного быта, отражаютъ личный характеръ Радищева, быстро и всецѣло отдававшагося впечатлѣніямъ, откуда бы ни получались они, — изъ книги или изъ жизни. Все, что поражало мысль или волновало чувство, тотчасъ же изливалось на бумагу. Отсюда отсутствіе обработаннаго цѣлаго, отрывочность картинъ, сила изображенія которыхъ зависитъ подчасъ не столько отъ значенія ихъ содержанія, сколько отъ настроенія писателя и интенсивности впечатлѣнія, оставленнаго въ немъ той или иной картиной.

Лучшимъ изслѣдованіемъ о книгѣ Радищева признается монографія акад. М. И. Сухомлинова: «А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» (Спб. 1883, 144 стр.), въ которой помѣщены весьма цѣнные матеріалы для біографіи автора и текстъ вновь открытой повѣсти его: «Филаретъ», воспроизведенный съ подлинной рукописи. Стихотворная повѣсть «Бова» и мелкія стихотворенія Радищева помѣщены въ 1 томѣ «Русской поэзіи» С. А. Венгерова (Спб., 1897).

Въ настоящемъ выпускѣ «Русской Классной Библіотеки» избраны въ качествѣ объяснительныхъ статей: біографическій очеркъ А. Н. Радищева, написанный сыномъ его Николаемъ Александровичемъ и составляющій, по отзыву М. И. Сухомлинова, до сихъ поръ, самый ценный біографическій матеріаль. Вслѣдъ за нимъ помѣщена извѣстная статья Пушкина о Радищевѣ, имѣющая важное историческое значеніе.

Нужно ли оговаривать, что текстъ книги Радищева, воспроизведенный безъ пропусковъ и

измѣненій, можетъ быть пригоденъ исключительно въ старшихъ классахъ мужскихъ среднеучебныхъ заведеній и для цѣлей самообразованія.

Къ выпуску приложенъ портретъ автора.

А. Ч.

1906.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ

А. Н. РАДИЩЕВА.

Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лайй.
Телемахида, т. II, кн. XVIII, ст. 514.

А. М. Кутузову.

Любезнѣйшему другу.

Что бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, О! сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно, и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрестъ меня — душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою — и узрѣлъ, что бѣдствіе человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Уже-ли, вѣщаль я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину на вѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. «Отыми завѣсу съ очей природнаго чувствованія, и блаженъ буду.» Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ

довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и... веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть во благоденствіи себѣ подобныхъ... Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого-либо, кто намѣреніе мое одобритъ; кто ради благой цѣли; не опорочитъ неудачное изображеніе мысли; кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей; кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ, — не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?... Почто, почто мнѣ искать далеко кого либо? Мой другъ! ты близъ моего сердца живешь... и имя твое да озаритъ сіе начало.

Выѣздъ.

Отужинавъ съ моими друзьями, я легъ въ кибитку. Ямщикъ по обыкновенію своему поскакалъ во всю лошадиную мочь, и въ нѣсколько минутъ я былъ уже за городомъ. Разставаться трудно, хотя на малое время, съ тѣмъ, кто намъ нуженъ сталъ на всякую минуту бытія нашего. Разставаться трудно: но блаженъ тотъ, кто разстаться можетъ не улыбаясь; любовь или дружба стерегутъ его утѣшеніе. Ты плачешь, произнося прости; но вспомни о возвращеніи твоёмъ, и да исчезнуть слезы твои при семъ воображеніи, яко роса предъ лицомъ солнца. Блаженъ возрыдавшій, надѣяйся на утѣшителя: блаженъ живущій иногда въ будущемъ; блаженъ живущій въ мечтаніи. Существо его усугубляется, веселія множатся и спокойствіе упреждаетъ нахмуренность грусти, распложая образы радости въ зеркалахъ воображенія... Я лежу въ кибиткѣ. Звонъ почтоваго колокольчика, наскучивъ моимъ ушамъ, призвалъ наконецъ благодѣтельнаго Морфея. Горестъ разлуки моя, преслѣдуя за мною въ смертоподобное мое состояніе, предоставила меня воображенію моему уединенна. Я зрѣлъ себя въ пространной долинѣ, потерявшей отъ солнечнаго зноя всю пріятность и пестроту зелености; не было тутъ источника на прохлажденіе, не было древесныя сѣни на умѣреніе зноя. Единъ оставленъ среди природы пустынный! Вострепеталъ... Несчастный, возопилъ я, гдѣ ты? гдѣ дѣвалось все, что тебя прельщало? гдѣ то, что жизнь твою дѣлало тебѣ пріятною? Неужели веселости, тобою вкушенныя, были сонъ и мечта?.. По счастью моему, случившаяся на дорогѣ рытвина, въ которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. — Кибитка моя остановилась. Приподнялъ я голову. Вижу, на пустомъ

мѣстѣ стоитъ домъ въ три жилья. Что такое?
спрашивалъ я у повошика моего?... Почтовый дворъ. —
Да гдѣ мы? — Въ Софіи. И между тѣмъ выпрягалъ
лошадей.

Софія.

Повсюду молчаніе. Погруженный въ размышленіяхъ, не примѣтилъ я, что кибитка моя давно уже безъ лошадей стояла. Привезшій меня извозчикъ извлекъ меня изъ задумчивости. Баринъ-батюшка, на водку! Сборъ сей хотя не законный, но охотно всякій его платить, дабы не ѣхать по указу. Двадцать копеекъ послужили мнѣ въ пользу. Кто ѣзжалъ на почтѣ, тотъ знаетъ что подорожная есть сберегательное письмо, безъ котораго всякому кошельку, генеральскаго, можетъ быть, исключая, будетъ накладно. Вынувъ его изъ кармана, я шелъ съ нимъ, какъ ходятъ иногда, для защиты своей, со крестомъ.

Почтоваго комиссара нашель я храпящаго; легонько взялъ его за плечо. Кого чортъ давить? Что за манеръ выѣзжать изъ города ночью. Лошадей нѣтъ; очень еще рано; взойди, пожалуй, въ трактиръ, выпей чаю, или усни. Сказавъ сіе, г. комиссаръ отворотился къ стѣнѣ и паки захрапѣлъ. Что дѣлать? Потрясъ я комиссара опять за плечо. Что за пропасть, я уже сказалъ, что нѣтъ лошадей; и обернувъ голову одѣяломъ, г. комиссаръ отъ меня отворотился. Если лошади всѣ въ разгонѣ, размышлялъ я, то не справедливо, что я мѣшаю комиссару спать. А если лошади въ конюшнѣ..... Я вознамѣрился узнать, правду ли г. комиссаръ говорилъ. Вышелъ на дворъ, сыскалъ конюшню, и нашель въ оной лошадей до двадцати; хотя правду сказать, кости у нихъ были видны, но меня бы дотащили до слѣдующаго стана. Изъ конюшни я опять возвратился къ комиссару: потрясъ его гораздо покрѣпче. Казалось мнѣ, что я къ тому имѣлъ право, нашедъ, что комиссаръ солгалъ. Онъ второпяхъ вскочилъ и, не продравъ еще глазъ, спрашивалъ, кто пріѣхалъ, не.... Но, опомнившись,

увидя меня, сказалъ мнѣ: Видно, молодець, ты обыкъ такъ обходиться съ прежними ямщиками. Ихъ бивали палками: но нынѣ не прежняя пора. Со гнѣвомъ г. комиссаръ легъ спать въ постелю. Мнѣ его такъ же хотѣлось попотчивать, какъ прежнихъ ямщиковъ, когда они въ обманѣ приличались; но щедрость моя, давая на водку городскому повошику, побудила Софійскихъ ямщиковъ запретъ мнѣ поскорѣе лошадей, и въ самое то время, когда я намѣрялся сдѣлать преступленіе на спинѣ комиссарской, зазвенѣлъ на дворѣ колокольчикъ. Я пребылъ добрый гражданинъ. И такъ двадцать мѣдныхъ копеекъ избавили миролюбаго человѣка отъ слѣдствія; дѣтей моихъ отъ примѣра невоздержанія во гнѣвѣ, и я узналъ, что разсудокъ есть рабъ нетерпѣливости.

Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затынулъ пѣсню, по обыкновенію, заунывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсень, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто, скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсень суть тону мягкаго. На семъ музыкальномъ расположеніи народнаго уха умѣй учреждать бразды правленія. Въ нихъ найдешь образованіе души нашего народа. Посмотри на русскаго человѣка; найдешь его задумчива. Если захочетъ разогнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, если захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ. Если что либо случится не по немъ, то скоро начинается споръ или битву. Бурлакъ, идущій въ кабакъ, повѣся голову, и возвращающійся обгаренный кровію отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить доселѣ гадательное въ исторіи Россійской.

Извощикъ мой поетъ. Третій былъ часъ по полуночи. Какъ прежде колокольчикъ, такъ теперь его пѣсня произвела опять во мнѣ сонъ. О природа объявъ человѣка въ пелены скорби при рожденіи его, влача его

по строгимъ хребтамъ боязни, скуки и печали чрезъ весь его вѣкъ, дала ты ему въ отраду сонъ... Уснулъ, и все скончалось... Несносно пробужденіе несчастному. О сколь смерть для него пріятна. А есть-ли она конецъ скорби?... Отче всеблагій, неужели отворишь взоры свои отъ скончевающаго бѣдственнаго житіе свое мужественно. Тебѣ, источнику всѣхъ благъ, приносится сія жертва. Ты единъ даешь крѣпость, когда естество трепещетъ, содрогается. Се гласъ Отчій, взывающій къ себѣ свое чадо. Ты жизнь мнѣ далъ, Тебѣ ее и возвращаю, на землѣ она стала уже бесполезна.

Тосна.

Поѣхавши изъ Петербурга, я воображалъ себѣ, что дорога была наилучшая. Таковою ее почитали всѣ тѣ, которые ѣздили по ней въ слѣдъ государя. Такова она была дѣйствительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дорогѣ, сдѣлавъ ее гладкою въ сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лѣта, и сдѣлала ее непроходимою... Обезпокоенъ дурною дорогою, я, вставъ изъ кибитки, вошелъ въ почтовую избу, въ намѣреніи отдохнуть. Въ избѣ нашель я проѣзжающаго, который, сидя за обыкновеннымъ длиннымъ крестьянскимъ столомъ въ переднемъ углу, разбиралъ бумаги, и просилъ почтоваго комиссара, чтобы ему поскорѣе велѣлъ дать лошадей. На вопросъ мой, кто онъ былъ? узналъ я, что то былъ стараго покрою стряпчій, ѣдущій въ Петербургъ съ великимъ множествомъ изодранныхъ бумагъ, которыя онъ тогда разбиралъ. Я немедля вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и вотъ моя съ нимъ бесѣда: Милостивый Государь! Я нижайшій вашъ слуга, бывъ регистраторомъ при разрядномъ архивѣ, имѣлъ случай употребить мѣсто мое себѣ въ пользу. Посильными моими трудами я собралъ родословную, на ясныхъ доводахъ утвержденную, многихъ родовъ Россискихъ. Я докажу княжеское или благородное ихъ происхожденіе за нѣсколько сотъ лѣтъ. Я возстановлю не рѣдкаго въ княжеское достоинство, показавъ отъ Владимира Мономаха или отъ самого Рюрика его происхожденіе. Милостивый государь! продолжалъ онъ, указывая на свои бумаги, все великороссійское дворянство долженствовало бы купить мой трудъ, заплатя за него столько, сколько ни за какой товаръ не платятъ. Но, съ дозволенія вашего высокородія, благородія или высокоблагородія, не вѣдаю,

какъ честь ваша, они не знаютъ, что имъ нужно. Извѣстно вамъ, сколько блаженныя памяти благовѣрный царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ российское дворянство обидѣлъ, уничтоживъ мѣстничество. Сіе строгое законоположеніе поставило многіе честныя княжескіе и царскіе роды наравнѣ съ Новгородскимъ дворянствомъ. Но благовѣрный же государь императоръ Петръ Великій совсѣмъ привелъ ихъ въ затменіе своею табелью о рангахъ. Открылъ онъ путь чрезъ службу военную и гражданскую всѣмъ къ пріобрѣтенію дворянскаго титула, и древнее дворянство, такъ сказать, затопталъ въ грязь. Нынѣ всемилостивѣйше царствующая наша мать утвердила прежніе указы Высочайшимъ о дворянствѣ положеніемъ, которое было всѣхъ степенныхъ нашихъ востревожило, ибо древніе роды поставлены въ дворянской книгѣ ниже всѣхъ. Но слухъ носится, что въ дополненіе вскорѣ изданъ будетъ указъ, и тѣмъ родамъ, которые дворянское свое происхожденіе докажутъ за 200 или 300 лѣтъ, приложится титуло маркиза или другое знатное, и они предъ другими родами будутъ имѣть нѣкоторую отличность. По сей причинѣ, милостивѣйшій государь! трудъ мой долженъ весьма быть пріятенъ всему древнему благородному обществу: но всякъ имѣетъ своихъ злодѣевъ.

Въ Москвѣ завернулъ я въ компанію молодыхъ господчиковъ и предложилъ имъ мой трудъ, дабы благосклонностію ихъ возвратить хотя истраченную бумагу и чернила: но, вмѣсто благопріятства, попалъ въ посмѣяніе, и съ горя, оставивъ столичный сей градъ, вдался пути до Питера, гдѣ, извѣстно, гораздо больше просвѣщенія. Сказавъ сіе, поклонился мнѣ объ руку и, вытянувшись прямо, стоялъ передо мною съ величайшимъ благоговѣніемъ. Я понялъ его мысль, вынулъ изъ кошелька.... и, давъ ему, совѣтовалъ, что пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ продалъ бы бумагу свою на

вѣсь разнощикамъ, для обертки; ибо мнимое маркизство
скружить можетъ многимъ голову, и онъ причиною
будетъ возрожденія истребленнаго въ Россіи зла,
хвастовства древнія породы.

Любани.

Зимою ли я ѣхалъ или лѣтомъ, для васъ, думаю, равно. Можетъ быть, и зимою, и лѣтомъ. Нерѣдко то бываетъ съ путешественниками: поѣдутъ на саняхъ, а возвращаются на телѣгахъ. — Лѣтомъ бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылѣзъ изъ кибитки и пошелъ пѣшкомъ. Лежа въ кибиткѣ, мысли мои обращены были въ неизмѣримость міра. Отдѣляясь душевно отъ земли, казалось мнѣ, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражненія духовныя не всегда насъ отъ тѣлесности отвлекаютъ; и для сохраненія боковъ моихъ пошелъ я пѣшкомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я на часы. Перваго сорокъ минутъ. Я выѣхалъ въ субботу. Сегодня праздникъ. Пашущій крестьянинъ принадлежитъ, конечно, помѣщику, который оброку съ него не беретъ. Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ. Нива, конечно, не господская. Соху поворачиваетъ съ удивительною легкостію. — Богъ въ помощь, сказалъ я, подошедъ къ пахарю, который, не останавливаясь, доканчивалъ зачатую борозду. Богъ въ помощь, повторилъ я. — Спасибо, баринъ, говорилъ мнѣ пахарь, отряхая сошникъ и перенося соху на новую борозду. — Ты, конечно, раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ. Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенные три перста. А Богъ милостивъ, съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья. Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и въ самый жаръ. — Въ недѣль-то, баринъ, шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину; да подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу

сѣно на господскій дворъ, коли погода хороша; а бабы и дѣвки, для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы и по ягоды. Дай Богъ, крестясь, чтобъ подъ вечеръ сегодня дождикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужички, такъ они того же у Господа молятъ. У меня, мой другъ, мужиковъ нѣтъ и для того никто меня не клянеть. Велика ли у тебя семья? — Три сына и три дочки. Первинькому-то десятый годокъ. — Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ? — Не одни праздники, и ночь наша. Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умретъ. Видишь ли: одна лошадь отдыхаетъ; а какъ эта устанетъ, возьмусь за другую; дѣло то и споро. Такъ ли ты работаешь на господина своего?... Нѣтъ, баринъ, грѣшно бы было также работать. У него на пашнѣ сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ для семи ртовъ, самъ ты счетъ знаешь. Да хотя растянишь на барской работѣ, то спасибо не скажутъ. Баринъ подушныхъ не заплатитъ: ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступитъ. То ли житье нашему брату, какъ гдѣ баринъ оброкъ беретъ съ крестьянина, да еще безъ прикащика. Правда, что иногда и добрые господа берутъ болѣе трехъ рублей съ души: но все лучше барщины. Нынѣ еще повѣрье заводится отдавать деревни, какъ то называется, на аренду. А мы называемъ это отдавать головой. Голой наемникъ деретъ съ мужиковъ кожу; даже лучшей поры намъ не оставляетъ. Зимой не пускаетъ въ извозъ, ни въ работу въ городъ; все работай на него, для того что онъ подушныя платитъ за насъ. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьянъ своихъ чужому въ работу. На дурного прикащика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому? — Другъ мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещаютъ. — Мучить? Правда; но небось, баринъ, не захочешь въ мою кожу.... Между тѣмъ, пахарь запрягъ другую лошадь въ соху и, начавъ

новую борозду, со мною простился.

Разговоръ сего земледѣльца возбудилъ во мнѣ множество мыслей. Первое представилось мнѣ неравенство крестьянскаго состоянія. Сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими. Тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ. Одни судятся своими равными: а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ. Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству, его охраняющему, когда нарушаетъ союзъ общественный, когда становится злодѣй! Сія мысль всю кровь во мнѣ воспалила. Страшись, помѣщикъ жестокосердый, на челѣ каждаго изъ твоихъ крестьянъ вижу твое осужденіе. Углубленный въ сихъ размысленіяхъ, я нечаянно обратилъ взоръ мой на моего слугу, который, сидя на кибиткѣ передо мной, качался изъ стороны въ сторону. Вдругъ почувствовалъ я быстрый мразъ протекающей кровь мою, и прогоняя жаръ къ вершинамъ, нудилъ его распространяться по лицу. Мнѣ такъ стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакалъ. Ты во гнѣвѣ твоемъ, говорилъ я самъ себѣ, устремляешься на гордаго господина, изнуряющаго крестьянина своего на нивѣ своей; а самъ не то же ли или еще хуже того дѣлаешь. Какое преступленіе сдѣлалъ бѣдный твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителемъ нашихъ бѣдствій, величайшимъ даромъ природы несчастному — сномъ. Онъ получаетъ плату, сытъ, одѣтъ, никогда я его не сѣку ни плетью, ни батожемъ. (О умѣренный человекъ!) и ты думаешь, что кусокъ хлѣба и лоскутъ сукна тебѣ даютъ право поступать съ подобнымъ тебѣ существомъ, какъ съ кубаремъ, и тѣмъ ты только хвастаешь, что не часто подсѣкаешь его въ его вертѣниі. Вѣдаешь ли, что въ первенственномъ уложеніи, въ

сердцѣ каждаго написано? Если я кого ударю, тотъ и меня ударить можѣтъ. Вспомни тотъ день, какъ Петрушка пьянъ былъ и не поспѣлъ тебя одѣтъ. Вспомни о его пощечинѣ. О если бы онъ тогда, хоть пьяный, опомнился, и тебѣ отвѣчалъ бы, соразмѣрно твоему вопросу! А кто тебѣ далъ власть надъ нимъ? Законъ — Законъ? И ты смѣешь поносить сіе священное имя? Несчастный.... Слезы потекли изъ глазъ моихъ; и въ такомъ положеніи почтовые клячи дотащили меня до слѣдующаго стана.

Чудово.

Не успѣлъ я войти въ почтовую избу, какъ услышалъ на улицѣ звукъ почтоваго колокольчика, и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ избу пріятель мой Ч... Я его оставилъ въ Петербургѣ, и онъ намѣренія не имѣлъ оттуда выѣхать такъ скоро. Особливое происшествіе побудило человѣка нрава крутого, какъ то былъ мой пріятель, удалиться изъ Петербурга, и вотъ что онъ мнѣ разсказалъ.

Ты былъ уже готовъ къ отъѣзду, какъ я отправился въ Петергофъ. Тутъ я препроводилъ праздники столь весело, сколько въ шуму и чаду веселиться можно. Но, желая поѣздку мою обратить въ пользу, вознамѣрился съѣздить въ Кронштадтъ и на Систербекъ, гдѣ, сказывали мнѣ, въ послѣднее время сдѣланы великія перемѣны. Въ Кронштадтѣ прожилъ я два дня съ великимъ удовольствіемъ, насыщая зрѣніемъ множества иностранныхъ кораблей, каменной одежды крѣпости Кронштадтской, и строеній, стремительно возвышающихся. Любопытствовалъ посмотрѣть новаго Кронштадта плана, и съ удовольствіемъ предусматривалъ красоту намѣреваемого строенія; словомъ, второй день пребыванія моего кончился весело и пріятно. Ночь была тихая, свѣтлая, и воздухъ благорастворенный вливалъ въ чувства особую нѣжность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамѣрился въ пользу употребить благость природы, и насладиться, еще одинъ хотя разъ въ жизни, великолѣпнымъ зрѣлищемъ восхожденія солнца, котораго на гладкомъ водяномъ горизонтѣ мнѣ еще видѣть не удавалось. Я нанялъ морскую 12-ти весельную шлюпку, и отправился на С...

Версты съ четыре плыли мы благополучно.

Шумъ весель единозвучностію своею возбудилъ во мнѣ дремоту, и томное зрѣніе едва-ли воспрядало отъ мгновеннаго блеска падающихъ капель воды съ вершины весель. Стихотворческое воображеніе переселяло уже меня въ прелестные луга Пафоса и Амаѳонта. Внезапно острый свистъ возникающаго вдали вѣтра разогналъ мой сонъ, и отягченнымъ взорамъ моимъ представлялись сгущенныя облака, коихъ черная тяжесть, казалось, стремилась ихъ намъ на главу и паденіемъ устрашала. Зерцаловидная поверхность водъ начинала рябѣть, и тишина уступала мѣсто начинающемуся плесканію валовъ. Я радъ былъ и сему зрѣлищу; соглядалъ величественныя черты природы и не въ чванство скажу, что другихъ устрашать начинало, то меня веселило. Восклицалъ изрѣдка, какъ Вернетъ: ахъ, какъ хорошо! Но вѣтръ, усиливаясь постепенно, понуждалъ думать о достиженіи берега. Небо отъ густоты непрозрачныхъ облаковъ совсѣмъ померкло. Сильное стремленіе валовъ отнимало у кормила направленіе, и порывистый вѣтръ, то вознося насъ на мокрые хребты, то низвергая въ утесистыя рытвины водяныхъ зыбей, отнималъ у гребущихъ силу шественнаго движенія. Слѣдуя поневолѣ направленію вѣтра, мы носились на удачу. Тогда и берега начали бояться; тогда и то, чтобы насъ при благополучномъ плаваніи утѣшать могло, начинало приводить въ отчаяніе. Природа завистливою намъ на сей часъ казалась, и мы на нее негодовали теперь за то, что не распростирала ужаснаго своего величества, сверкая въ молніи и слухъ тревожа громовымъ трескомъ. Но надежда, преслѣдуя челоуѣка до крайности, насъ укрѣпляла, и мы, елико намъ возможно было, ободряли другъ друга.

Носимое валами, внезапно судно наше остановилось недвижимо. Всѣ наши силы, совокупно употребленныя, не были въ состояніи совратить его съ

того мѣста, на которомъ оно стояло. Упражняясь въ сведеніи нашего судна съ мели, какъ то мы думали, мы не примѣтили, что вѣтеръ между тѣмъ почти совсѣмъ утихъ. Небо помалу очистилось отъ затмевавшихъ синеву его облаковъ. Но восходящая заря, вмѣсто того, чтобъ принести намъ отраду, явила намъ бѣдственное наше положеніе. Мы узрѣли ясно, что шлюпка наша не на мели находилась; но погрязла между двухъ большихъ камней, и что не было никакихъ силъ для ея избавленія оттуда невредимо. Вообрази, мой другъ, наше положеніе: все, что я ни скажу, все слабо будетъ въ отношеніи моего чувствія. Да и еслибъ я могъ достаточныя дать черты каждому души моя движенію, то слабы еще были бы онѣ для произведенія въ тебѣ подобнаго тѣмъ чувствованіямъ, какія въ душѣ моей возникали и тѣснились тогда. Судно наше на срединѣ гряды каменной замыкающей заливъ, до С... простирающійся. Мы находились отъ берега на полторы версты. Вода начинала проходить въ судно наше со всѣхъ сторонъ и угрожала намъ совершеннымъ потопленіемъ. Въ послѣдній часъ, когда свѣтъ отъ насъ преходитъ начинаетъ и отверзается вѣчность, ниспадають тогда всѣ степени, мнѣніемъ между человѣковъ воздвигнутыя. Человѣкъ тогда становится просто человѣкъ: такъ, видя приближающуюся кончину, забыли всѣ мы, кто былъ какого состоянія, и помышляли о спасеніи нашемъ, отливая воду, какъ кому сподручно было. Но какая была въ томъ польза? Колико воды союзными нашими силами было исчерпаемо, толико въ мгновеніе паки накоплялось. Къ крайнему сердець нашихъ сокрушенію, ни вдали, ни вблизи не видно было мимоидущаго судна. Да и то, которое бы подало намъ отраду, явясь взорамъ нашимъ, усугубило бы отчаяніе наше, удаляясь отъ насъ и избѣгая равныя съ нами участи. Наконецъ, судна нашего правитель болѣе, нежели всѣ другіе, къ

опасностямъ морскихъ происшествій обыкшій, взиравшій поневолю, можетъ быть, на смерть хладнокровно, въ разныхъ морскихъ сраженіяхъ, въ прошедшую Турецкую войну въ Архипелагѣ, рѣшилъ или насъ спасти, спасаясь самъ, или погибнуть въ семъ благомъ намѣреніи: ибо стоя на одномъ мѣстѣ, погибнуть бы намъ должно было. Онъ вышедъ изъ судна и, перебираясь съ камня на камень, направилъ шествіе свое къ берегу, сопровождаемъ чистосердечнѣйшими нашими молитвами. Сначала продолжалъ онъ шествіе свое весьма бодро, прыгая съ камня на камень; переходя воду, гдѣ она была мелка, переплывая ее, гдѣ она глубже становилась. Мы съ глазъ его не спускали. Наконецъ, увидѣли, что силы его начали ослабѣвать, ибо онъ переходилъ камни медлительнѣе, останавливаясь по часту и сядя на камень для отдохновенія. Казалось намъ, что онъ находился иногда въ размысленіи и нерѣшимости о продолженіи пути своего. Сіе побудило одного изъ его товарищей ему преслѣдовать, дабы подать ему помощь, если онъ увидитъ его изнемогающа въ достиженіи берега, или достигнуть онаго, если первому въ томъ будетъ неудача. Взоры наши стремились во слѣдъ то за тѣмъ, то за другимъ, и молитва наша о ихъ сохраненіи была нелицемѣрна. Наконецъ, послѣдній изъ сихъ подражателей Моисея въ прохожденіи, безъ чуда, морскія пучины своими стопами, остановился на камнѣ недвижимъ, а перваго совсѣмъ мы потеряли изъ виду.

Сокровенныя доселѣ внутреннія каждаго движенія, заклепанныя, такъ сказать, ужасомъ, начали являться при исчезаніи надежды. Вода, между тѣмъ, въ суднѣ умножалась, и трудъ нашъ, возрастая въ отливаніи оной, утомлялъ силы наши примѣтно. Человѣкъ яраго и нетерпѣливаго сложенія рвалъ на себѣ волосы, кусалъ персты, проклиналъ часъ своего выѣзда. Человѣкъ

робкія души, чувствовавшій долго, можетъ быть, тягость удручительныя неволи, рыдалъ, орошая слезами своими скамью, на которой ницъ распростертъ лежалъ. Иной, вспоминая домъ свой, дѣтей и жену, сидѣлъ, окаменѣлый, помышляя не о своей, но о ихъ гибели, ибо они питались его трудами. Каково было моею души положеніе, мой другъ, самъ отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу только тебѣ то, что я прилежно молился Богу. Наконецъ, начали мы всѣ предаваться отчаянію: ибо судно наше болѣе половины водою натекло, и мы стояли всѣ въ водѣ по колѣно. Нерѣдко помышляли мы выйти изъ судна и шествовать по каменной грядѣ къ берегу, но пребываніе одного изъ нашихъ спутниковъ на камнѣ уже нѣсколько часовъ, и скрытіе другого изъ виду, представляло намъ опасность перехода болѣе, можетъ быть, нежели она была въ самомъ дѣлѣ. Среди таковыхъ горестныхъ размышленій, увидѣли мы близъ противоположнаго берега, въ разстояніи отъ насъ, какомъ то было, точно опредѣлить не могу, два пятна черныя на водѣ, которыя, казались, двигались. Зримое нами нѣчто черное и движущееся, казалось, помалу увеличивалось; наконецъ, приближаясь, представило ясно взорамъ нашимъ два малыя судна, прямо идущія къ тому мѣсту, гдѣ мы находились среди отчаянія, во стократъ надежду превосходящаго. Какъ въ темной храминѣ, свѣту совсѣмъ неприступной, вдругъ отверзается дверь, и лучъ денной, влетѣвъ стремительно въ среду мрака, разгоняетъ оный, распростираясь по всей храминѣ, до дальнѣйшихъ ея предѣловъ, тако, увидѣвъ суда, лучъ надежды ко спасенію, протекъ наши души. Отчаяніе превратилось въ восторгъ, горесть въ восклицаніе, и опасно было, чтобы радостныя тѣлодвиженія и плесканія не навлекли намъ гибели скорѣе, нежели мы будемъ исторгнуты изъ опасности. Но надежда житія,

возвращаясь въ сердца, возбудила паки мысли о различіи состоянія, въ опасности уснувшія. Сіе послужило на сей разъ къ общей пользѣ. Я укротилъ излишнее радованіе, во вредъ обратиться могущее. По нѣсколькомъ времени, увидѣли мы двѣ большія рыбацьи лодки, къ намъ приближающіяся, и при достиженіи ихъ до насъ, увидѣли въ одной изъ нихъ нашего спасителя, который, прошедъ каменную грядою до берега, сыскалъ сіи лодки для нашего извлеченія изъ явной гибели. Мы, немѣшкавъ ни мало, вышли изъ нашего судна и поплыли въ пріѣхавшихъ судахъ къ берегу, не забывъ снять съ камня сотоварища нашего, который на ономъ около семи часовъ находился. Не прошло болѣе получаса, какъ судно наше, стоявшее между камней, облегченное отъ тяжести, всплыло и развалилось совсѣмъ. Плывучи къ берегу среди радости и восторга спасенія, Павелъ, такъ звали спасаго насъ сопутника, рассказалъ намъ слѣдующее.

Я, оставя васъ въ предстоящей опасности, спѣшилъ во камнямъ къ берегу. Желаніе васъ спасти дало мнѣ силы чрезвычайныя: но сажень за сто до берега, силы мои стали ослабѣвать, и я началъ отчаяваться въ вашемъ спасеніи и моей жизни. Но, полежавъ съ полчаса на камени, вспрынувъ съ новою бодростію и, не отдыхая болѣе, доползъ, такъ сказать, до берега. Тутъ я растянулся на травѣ и, отдохнувъ минутъ десять, всталъ и побѣжалъ вдоль берега къ С... что имѣлъ мочи. И хотя съ немалымъ истощеніемъ силъ, но вспоминая о васъ, добѣжалъ до мѣста. Казалось, что небо хотѣло испытать вашу твердость и мое терпѣніе, ибо я не нашелъ ни вдоль берега, ни въ самомъ С... никакого судна для вашего спасенія. Находясь почти въ отчаяніи, я думалъ, что нигдѣ не можно мнѣ лучше искать помощи, какъ у тамошняго начальника. Я побѣжалъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ. Уже былъ

седьмой часъ. Въ передней комнатѣ нашель я тамошней команды сержанта. Разказавъ ему коротко, зачѣмъ я пришелъ, и ваше положеніе, просиль его, чтобы онъ разбудиль Г....., который тогда еще почиваль. Г. сержантъ мнѣ сказалъ: другъ мой, я не смѣю. Какъ, ты не смѣешь? Когда двадцать человѣкъ тонуть, ты не смѣеешь разбудить того, кто ихъ спасти можетъ? Но ты, бездѣльникъ, лжешь, я самъ пойду.... Г. сержантъ, взявъ меня за плечо не очень учтиво, вытолкнулъ за дверь. Съ досады чуть я не лопнулъ. Но, помня болѣе о вашей опасности, нежели о своей обидѣ и о жестокосердіи начальника съ его подчиненнымъ, я побѣжалъ къ караульной, которая была версты съ двѣ разстояніемъ отъ проклятаго дома, изъ котораго меня вытолкнули. Я зналъ, что живущіе въ ней солдаты содержали лодки, въ которыхъ, ѣздя по заливу, собирали булыжникъ на продажу для мостовыхъ, я и не ошибся въ моей надеждѣ. Нашель сіи двѣ небольшія лодки, и радость теперь моя несказанна: вы всѣ спасены. Если бы вы утонули, то и я бы бросился за вами въ воду. Говоря сіе, Павелъ обливался слезами. Между тѣмъ, достигли мы берега. Вышедъ изъ судна, я палъ на колѣни, возвелъ руки на небо. Отче всесильный, возопилъ я: Тебѣ угодно да живемъ, Ты насъ водилъ на испытаніе, да будетъ воля Твоя. Се слабое мое, другъ, изображеніе того, что я чувствовалъ. Ужасъ послѣдняго часа прободаль мою душу, я видѣлъ то мгновеніе, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвѣстность. Теперь чувствую; часъ бьетъ; я мертвъ; движеніе, жизнь, чувствіе, мысль, все исчезнетъ мгновенно. Вообрази себя, мой другъ, на краю гроба, не почувствуешь ли корчущій мразъ, ліющійся въ твоихъ жилахъ и завременно жизнь пресѣкающій. О мой другъ.... Но я удалился отъ моего повѣствованія.

Совершивъ мою молитву, ярость вступила въ мое

сердце. Возможно ли, говорилъ я самъ себѣ, что въ нашъ вѣкъ, въ Европѣ, подлѣ столицы, въ глазахъ Великаго Государя, совершалось такое безчеловѣчіе! Я вспомянулъ о заключенныхъ англичанахъ въ темницѣ Бенгальскаго Субаба *.

Воздохнулъ я во глубинѣ души. Между тѣмъ, дошли мы до С... Я думалъ, что начальникъ проснувшись накажетъ своего сержанта, и претерпѣвшимъ на водѣ дастъ хотя успокоеніе. Съ сею надеждою пошелъ я прямо къ нему въ домъ. Но поступкомъ его подчиненнаго столь былъ раздраженъ, что я не могъ умѣрить моихъ словъ. Увидѣвъ его, сказалъ: Государь мой! извѣстили ли васъ, что за нѣсколько часовъ предъ симъ, двадцать человѣкъ находилось въ опасности потерять животъ свой на водѣ, и требовали ваша помощи? Онъ мнѣ отвѣчалъ, съ

* Англичане приняли въ свое покровительство ушедшаго къ нимъ въ Калкуту чиновника Бенгальскаго, подвергшаго себя казни своимъ мздоимствомъ. Справедливо раздраженный Субабъ, собравъ войско, приступилъ къ городу, и оной взялъ. Англійскихъ военноплѣнныхъ велѣлъ ввергнуть въ тѣсную темницу, въ коей они въ полсутки издохли. Осталось отъ нихъ только двадцать три человѣка. Несчастные сіи сулили стражѣ великія деньги, да возвѣститъ владѣльцу о ихъ положеніи. Вопль ихъ и стenanіе возвѣщало о томъ народу, о нихъ соболѣзнующему; но никто не хотѣлъ возвѣститъ о томъ властителю. Почиваетъ онъ, отвѣтствовано умирающимъ англичанамъ; и ни единъ человѣкъ въ Бенгалѣ не мнилъ, что для спасенія жизни ста пятидесяти несчастныхъ, должно отъять сонъ мучителя на мгновеніе.

Но чтожь такое мучитель? Или паче, чтожь такое народъ, обыкшій къ игу мучительства? Благоговѣніе-ль или боязнь тягчить его согбенна? Есть боязнь, то мучитель ужаснѣ боговъ, къ коимъ человѣкъ возсылаетъ или молитву, или жалобу, во время ночи или въ часы денные. Если благоговѣніе, то возможно человѣка возбудить на почитаніе содѣлателей его бѣдствій — чудо, возможное единому суевѣрію. Чему болѣе удивляться, звѣрству ли спящаго Набаба или подлости не смѣющаго его разбудить. Реналь. Исторія о Индіяхъ. Томъ II.

наивеличайшею холодностію, куря табакъ: мнѣ о томъ сказали недавно, а тогда я спалъ. Тутъ я задрожалъ въ ярости человѣчества. Ты бы велѣлъ себя будить молоткомъ по головѣ, буде крѣпко спишь, когда люди тонуть и требуютъ отъ тебя помощи. Отгадай, мой другъ, какой его былъ отвѣтъ. Я думалъ, что мнѣ сдѣлается ударъ отъ того, что я слышалъ. Онъ мнѣ сказалъ: Не моя то должность. Я вышелъ изъ терпѣнія. Должность ли твоя людей убивать, скарредный человѣкъ; и ты носишь знаки отличности, ты начальствуешь надъ другими!... Окончатъ не могъ моя рѣчи, плюнулъ почти ему въ рожу и вышелъ вонъ. Я волосы дралъ съ досады. Сто дѣлалъ расположений, какъ отмстить сему звѣрскому начальнику не за себя, но за человѣчество. Но, опомнясь, убѣдился воспоминовеніемъ многихъ примѣровъ, что мое мщеніе будетъ бесплодно, что я же могу прослыть или бѣшенымъ, или злымъ человѣкомъ; смирился.

Между тѣмъ, люди мои сходили къ священнику, который насъ принялъ съ великою радостію, согрѣлъ насъ, накормилъ, далъ отдохновеніе. Мы пробыли у него цѣлыя сутки, пользуясь его гостепріимствомъ и угощеніемъ. На другой день, нашедъ большую шлюпку, доѣхали мы до Ораніенбаума благополучно. Въ Петербургѣ я о семъ рассказывалъ тому и другому. Всѣ сочувствовали мою опасность, всѣ хулили жестокосердіе начальника, никто не захотѣлъ ему о семъ напомнить. Если бы мы потонули, то бы онъ былъ нашимъ убійцею. Но въ должности ему не предписано васъ спасать, сказалъ нѣкто. Теперь я прощусь съ городомъ на вѣки. Не вѣду николи въ сіе жилище тигровъ. Единое ихъ веселіе грызть другъ друга; отрада ихъ, томить слабаго до издыханія и раболѣпствовать власти. И ты хотѣлъ, чтобъ я поселился въ городѣ. Нѣтъ, мой другъ, говорилъ мой повѣствователь, вскочивъ со стула, заѣду туда, куда

люди не ходять, гдѣ не знаютъ, что есть челоувѣкъ, гдѣ
имя его неизвѣстно. Прости. Сѣлъ въ кибитку и
поскакалъ.

Спасская полѣсть.

Я вслѣдъ за моимъ пріятелемъ, скакалъ такъ скоро, что настигъ его еще на почтовомъ стану. Старался его уговорить, чтобъ возвратился въ Петербургъ, старался ему доказать, что малыя и частныя неуройства въ обществѣ связи его не нарушатъ; какъ дробинка, падая въ пространство моря, не можетъ возмутить поверхности воды. Но онъ мнѣ сказалъ на отрѣзъ: когда бы я, малая дробинка, пошелъ на дно, то бы, конечно, на Финскомъ заливѣ бури не сдѣлалось, а я бы пошелъ жить съ тюленями. И съ видомъ негодованія простясь со мною, легъ въ свою кибитку, и поѣхалъ поспѣшно.

Лошади были уже впряжены; я уже ногу занесъ, что-бы влѣзть въ кибитку; какъ вдругъ дождь пошелъ. Бѣда невелика, размышлялъ я; закроюсь цыновкою и буду сухъ. Но едва мысль сія въ мозгу моемъ пролетѣла, то какъ будто меня окунули въ прорубь. Небо, неспросясь со мною, разверзло облако, и дождь лилъ ведромъ. — Съ погодою не сладишь; по пословицѣ: тише ѣдешь — далѣе будешь — вылѣзъ я изъ кибитки и убѣжалъ въ первую избу. Хозяинъ уже ложился спать и въ избѣ было темно. Но я и въ потемкахъ выпросилъ позволеніе обсушиться. Снялъ съ себя мокрое платье и что было посуше, положивъ подъ голову, на лавкѣ, скоро заснулъ. Но постеля моя была не пуховая, долго нѣжится не позволила. Проснувшись, услышалъ я шопоть. Два голоса различить я могъ, которые между собою разговаривали. — Ну, мужъ, расскажи-тка, говорилъ женскій голосъ. — Слушай, жена....

Жилъ былъ... и подлинно на сказку похоже; да какъ же сказкѣ вѣрить, сказала жена въ полголоса, зѣвая ото сна: повѣрю ли я, что были Полканъ, Бова или

Соловей разбойникъ. — Да кто тебя толкаетъ въ шею, вѣрь, коли хочешь. Но то правда, что въ старину силы тѣлесныя были въ уваженіи, и что силачи оныя употребляли во зло. Вотъ тебѣ Полканъ. А о Соловьѣ разбойникѣ читай, мать моя, истолкователей русскихъ древностей. Они тебѣ скажутъ, что онъ Соловьемъ названъ краснорѣчія своего ради. — Не перебивай же моей рѣчи. И такъ, жилъ былъ гдѣ-то государевъ намѣстникъ. Въ молодости своей таскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы, и былъ до нихъ великій охотникъ. Пока деньжонокъ своихъ мало было, то онъ отъ охоты своей воздерживался, ѣдалъ по десятку, и то, когда бывалъ въ Петербургѣ Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его начало прибавляться. А какъ попалъ въ намѣстники и когда много стало у него денегъ своихъ, много и казенныхъ въ распоряженіи, тогда сталъ онъ къ устерсамъ какъ брюхатая баба. Спитъ и видитъ, чтобы устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою. Всѣ подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы ѣсть будетъ. Въ правленіе посылаетъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немедленно курьеръ, котораго онъ имѣетъ въ Петербургѣ отправить съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много. Гонецъ, снабженный подорожною, прогонами, совсѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчерахъ явился предъ его высокопревосходительство. — Пospѣшай, мой другъ, вѣщаешь ему унизанный орденами, поспѣшай, возьми сей пакетъ, отдай его въ Большой Морской. — Кому прикажете? — Прочти адресъ: его... его... Нетакъ читаешь... Государю моему, гос... Врешь... господину Корзинкину, почтенному лавочнику, въ С.-Петербургѣ, въ Большой Морской. — Знаю, ваше

высокопревосходительство. — Ступай-же, мой другъ, и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и ни мало не медли; я тебѣ скажу спасибо не одно.

И ну, ну, ну, ну, ну, ну, по всѣмъ, по тремъ, вплоть до Питера, къ Корзинкину прямо во дворъ. — Добро пожаловать. Куда какой его высокопревосходительство затѣйникъ, изъ-за тысячи верстъ шлетъ за какою дрянью. Только баринъ добрый. Радъ ему служить. Вотъ устерсы теперь лишь съ биржи. Скажи: не меньше ста пятидесяти бочка , уступить нельзя, самимъ пришли дѣроги . Да мы съ его милостию сочтемся... Бочку взвалили въ кибитку: поворотя оглобли, курьеръ уже опять скачетъ; успѣлъ лишь зайти въ кабакъ и выпить два крючка сивухи.

Тинь, тинь.... Едва у городскихъ воротъ услышали звонъ почтоваго колокольчика, дежурный офицеръ бѣжитъ уже къ намѣстнику (толи дѣло, какъ гдѣ все въ порядкѣ) и рапортуетъ ему, что вдали видна кибитка и слышенъ звонъ колокольчика. Не успѣлъ выговорить, какъ шастъ курьеръ въ двери. — Привезъ, ваше высокопревосходительство. — Очень кстати (оборотясь къ предстоящимъ): Право, человекъ достойный, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ, по два раза въ годъ ѣздитъ въ Петербургъ; а въ Москву сколько разъ, упомнить не могу. Секретарь, пиши представленіе. За многочисленные его въ посылкахъ труды, и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ...

Въ расходной книгѣ у казначея записано: по предложенію его высокопревосходительства, дано курьеру Н. Н., отправленному въ С. П. съ наинужнѣйшими донесеніями, прогонныхъ денегъ въ оба пути на три лошади изъ экстраординарной суммы..... Книга казначейская пошла на ревизію, но устерсами не пахнетъ.

По представленію господина генерала и проч., ПРИКАЗАЛИ: быть сержанту Н. Н. прапорщикомъ..... Вотъ, жена, говорилъ мужской голосъ, какъ добиваются въ чины, а что мнѣ прибыли, что я служу безпорочно, не подамся впередъ ни на палець. По указамъ велѣно за добропорядочную службу награждать. Но царь жалуесть, а псарь не жалуесть. Такъ-то нашъ г. казначей; уже другой разъ, по его представленію, меня отсылаютъ въ уголовную палату. Когда бы я съ нимъ былъ заодно, то бы было не житье, а масленица. — И... полно, Клементьичъ, пустяки то молоть. Знаешь ли, что онъ тебя не любитъ за то, что ты промѣнъ берешь со всѣхъ, а съ нимъ не дѣлишься. — Потихе, Кузминична, потихе; не равно кто подслушаетъ... Оба голоса умолкли, и я опять заснулъ.

Поутру узналъ я, что въ одной избѣ со мною, ночеваль присяжный съ женою, которые до свѣта отправились въ Новгородъ.

Между тѣмъ какъ въ моей повозкѣ запрягали лошадей, пріѣхала еще кибитка, тройкою запряженная. Изъ нея вышелъ человѣкъ, закутанный въ большую япанчу, и шляпа съ распущенными полями, глубоко надѣтая, препятствовала мнѣ видѣть его лицо. Онъ требоваль лошадей безъ подорожной; и какъ многіе повозики, окруживъ его, съ нимъ торговались, то онъ, не дожидаясь конца ихъ торга, сказалъ одному изъ нихъ съ нетерпѣніемъ: запрягай поскорѣй, я дамъ по четыре копѣйки на версту. Ямщикъ побѣждалъ за лошадьми. Другіе, видя, что договариваться уже было не о чемъ, всѣ отъ него отошли.

Я находился отъ него не болѣе какъ въ пяти саженьяхъ. Онъ, подошедъ ко мнѣ и не снимая шляпы, сказалъ: Милостивый государь, снабдите чѣмъ ни есть человѣка несчастнаго. Меня сіе удивило чрезмѣрно, и я не могъ вытерпѣть, чтобъ не сказать, что я удивляюсь

просьбѣ его о вспоможеніи, когда онъ не хотѣлъ торговаться о прогонахъ, и давалъ противъ другихъ вдвое. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что въ жизнь вашу поперечнаго вамъ ничего не встрѣчалось. Столь твердый отвѣтъ мнѣ очень понравился, и я не медля ни мало, вынулъ изъ кошелька.... Не осудите, сказалъ, болѣе теперь вамъ служить не могу; но если доѣдемъ до мѣста, то можетъ быть, сдѣлаю что-нибудь больше. Намѣреніе мое присемь было то, что бы сдѣлать его чистосердечнымъ; я и не ошибся. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что вы имѣете еще чувствительность, что обращеніе свѣта и снисканіе собственной пользы не затворили входъ ея въ ваше сердце. Позвольте мнѣ сѣсть въ вашей повозкѣ, а служителю вашему прикажите сѣсть на моей. Между тѣмъ, лошади наши были впряжены, я исполнилъ его желаніе, и мы ѣдемъ.

Ахъ, государь мой, не могу себѣ представить, что я несчастливъ. Не болѣе недѣли тому назадъ, я былъ веселъ, въ удовольствіи, недостатка не чувствовалъ, былъ любимъ, или такъ казалось; ибо домъ мой всякій день былъ полонъ людьми, заслужившими уже знаки почестей; столъ мой былъ всегда какъ великолѣпное нѣкое торжество. Но если тщеславіе толикое имѣло удовлетвореніе, равно и душа наслаждалась истиннымъ блаженствомъ. По многихъ сперва бесплодныхъ стараніяхъ, предпріятіяхъ и неудачахъ, наконецъ получилъ я въ жену ту, которую желалъ. Взаимная наша горячность, услаждая и чувства, и душу, все представляла намъ въ ясномъ видѣ. Не зрѣли мы облачнаго дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна, и приближался часъ ея разрѣшенія. Все сіе блаженство опредѣлила судьба да рушится однимъ мгновеніемъ.

У меня былъ обѣдъ, и множество такъ называемыхъ друзей, собравшись, насыщали праздный

свой голодъ на мои счетъ. Одинъ изъ бывшихъ тутъ, который внутренно меня не любилъ, началъ говорить съ сидѣвшимъ подлѣ него, хотя въ полголоса, но довольно громко, чтобы говоренное женѣ моей и многимъ другимъ слышно было. Неужели вы не знаете, что дѣло нашего хозяина въ уголовной палатѣ уже рѣшено....

Вамъ покажется мудрено, говорилъ спутникъ мой, обращая ко мнѣ свое слово, чтобы человѣкъ, не служащій и въ положеніи, мною описанномъ, могъ подвергнуть себя суду уголовному. И я такъ думалъ долго, да и тогда, когда мое дѣло, прошедъ нижніе суды, достигло до высшаго. Вотъ въ чемъ оно состояло: я былъ въ купечествѣ записанъ; пуская капиталъ мой въ обращеніе, сталъ участникомъ въ частномъ откупѣ. Неосновательность моя причиною была, что я довѣрилъ лживому человѣку, который, лично попавшись въ преступленіи, былъ отъ откупѣ отрѣшенъ и, по свидѣтельству будто его книгъ, сдѣлался, повидимому, на немъ большой начетъ. Онъ скрылся, я остался въ лицахъ, и начетъ положено взыскать съ меня. Я, сдѣлавъ выправки, сколько могъ, нашель, что начету на мнѣ или совсѣмъ бы не было, или бы былъ очень малый, и для того просилъ, чтобы сдѣлали расчетъ со мною; ибо я по немъ былъ порукою. Но, вмѣсто того, чтобы сдѣлать должное по моему прошенію удовлетвореніе, велѣно недоимку взыскать съ меня. Первое неправосудіе. Но къ сему присовокупили и другое. Въ то время, какъ я сдѣлался въ откупѣ порукою, имѣнія за мною никакого не было, но, по обыкновенію, послано было запрещеніе на имѣніе мое въ гражданскую палату. Странная вещь запрещать то, чего не существуетъ въ имѣніи! Послѣ того купилъ я домъ, и другія сдѣлалъ пріобрѣтенія. Въ то же самое время, случай допустилъ меня перейти изъ купческаго званія въ званіе дворянское, получа чинъ. Наблюдая свою пользу, я нашель случай продать домъ

на выгодныхъ кондиціяхъ, совершивъ купчую въ самой той же палатѣ, гдѣ существовало запрещеніе. Сіе поставлено мнѣ въ преступленіе: ибо были люди, которыхъ удовольствіе помрачалось блаженствомъ моего житія. Стряпчій казенныхъ дѣлъ сдѣлалъ на меня доносъ, что я, избѣгая платежи казенной недоимки, домъ продалъ, обманулъ гражданскую палату, назвавшись тѣмъ званіемъ, въ коемъ я былъ, а не тѣмъ, въ которомъ находился при покупкѣ дома. Тщетно я говорилъ, что запрещеніе не можетъ существовать на то, чего нѣтъ въ имѣніи, тщетно я говорилъ, что по крайней мѣрѣ, надлежало бы сперва продать оставшееся имѣніе и выручить недоимку сей продажею, а потомъ предпринимать другія средства; что я званія своего не утаивалъ, ибо въ дворянскомъ уже купилъ домъ. Все сіе было отринуто, продажа дома уничтожена, меня осудили за ложный мой поступокъ лишити чиновъ, и требуютъ теперь, говорилъ повѣствователь, хозяина здѣшняго въ судъ, дабы посадить подъ стражу до окончанія дѣла.

Сіе послѣднее повѣствую, рассказывающій возвысилъ свой голосъ. Жена моя едва сіе услышала, обнявъ меня вскричала: нѣтъ, мой другъ, и я съ тобою.... Болѣе выговорить не могла. Члены ея всѣ ослабѣли, и она упала безчувственна въ мои объятія. Я, поднявъ ее со стула, вынесъ въ спальную комнату и не вѣдаю какъ обѣдъ окончался.

Пришедъ, чрезъ нѣсколько времени, въ себя, она почувствовала муки, близкое рожденіе плода горячности нашей возвѣщающія. Но сколь ни жестоки онѣ были, воображеніе, что я буду подъ стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: и я пойду съ тобою. Сіе несчастное приключеніе ускорило рожденіе младенца цѣлымъ мѣсяцомъ, и всѣ способы бабки и доктора, для пособія призванныхъ, были тщетны и не могли воспретить, чтобы жена моя не родила чрезъ

сутки. Движенія ея души не токмо съ рожденіемъ младенца не успокоились, но, усилившись гораздо, сдѣлали ей горячку.... По что распространяться мнѣ въ повѣствованіи? Жена моя на третій день послѣ родовъ своихъ умерла. Видя ея страданіе, можете повѣрить, что я ее не оставлялъ ни на минуту. Дѣло мое и осужденіе въ горести позабылъ совершенно. За день до кончины моей любезной, незрѣлый плодъ моей горячности также умеръ. Болѣзнь матери его занимала меня совсѣмъ, и потеря сія была для меня тогда невелика. Вообрази, вообрази, говорилъ повѣствователь мой, взявъ обѣими руками себя за волосы, вообрази мое положеніе, когда я видѣлъ, что возлюбленная моя со мною разставалась навсегда! Навсегда! вскричалъ онъ дикимъ голосомъ. Но зачѣмъ я бѣгу? Пускай меня посадятъ въ темницу; я уже нечувствителенъ; пускай меня мучать, пускай лишаютъ жизни.... О варвары, тигры, змѣи лютыя, грызите сіе сердце, пускайте въ него томной вашъ ядъ.... Извините мое изступленіе, я думаю, что я лишусь скоро ума. Сколь скоро воображу ту минуту, когда любезная моя со мною разставалась, то я все позабываю и свѣтъ въ глазахъ меркнетъ. Но окончу мою повѣсть. Въ толико жестокомъ отчаяніи, лежащу мнѣ надъ бездыханнымъ тѣломъ моей возлюбленной, одинъ изъ искреннихъ моихъ друзей прибѣжалъ ко мнѣ. — Тебя пришли взять подъ стражу, команда на дворѣ. Бѣги отсель; кибитка у заднихъ воротъ готова, ступай въ Москву, или куда хочешь и живи тамъ, доколѣ можно будетъ облегчить твою судьбу. — Я не внималъ рѣчамъ его, но онъ, усилясь надо мною и взявъ меня съ помощію своихъ людей, вынесъ и положилъ въ кибитку; но, вспомня, что надобны мнѣ деньги, далъ мнѣ кошелекъ, въ которомъ было только пятьдесятъ рублей. Самъ пошелъ въ мой кабинетъ, чтобы найти тамъ денегъ и мнѣ вынести; но, нашедъ уже офицера въ моей спальнѣ,

успѣлъ только прислать ко мнѣ сказать, чтобы я ѣхалъ. Не помню, какъ меня везли первую станцію. Слуга пріятеля моего, рассказавъ все происшедшее, простился со мною, а я теперь ѣду, по пословицѣ: куда глаза глядятъ.

Повѣсть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорилъ я самъ себѣ, что бы въ толь мягкосердое правленіе, каково нынѣ у насъ, толикія производились жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судіи, что для насыщенія казны (можно дѣйствительно такъ назвать всякое неправильное отнятіе имѣнія для удовлетворенія казеннаго требованія) отнимали у людей имѣніе, честь, жизнь? Я размышлялъ, какимъ бы образомъ могло сіе происшествіе достигнуть до слуха верховныя власти. Ибо справедливо думалъ, что въ самодержавномъ правленіи она одна въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастна. Но не могу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу въ высшее правительство. Уподроблю все происшествіе и представлю неправосудіе и невинность страждущаго. Но жалобницы отъ меня не примуть. Спросятъ, какое я на то имѣю право; потребуютъ отъ меня вѣрующаго письма. Какое имѣю право? Страждущее челоуѣчество. Челоуѣкъ, лишенный имѣнія, чести, лишенный половины своей жизни, въ самовольномъ изгнаніи, дабы избѣгнуть поносительнаго заточенія. И на сіе надобно вѣрующее письмо? Отъ кого? Ужели сего мало, что страдаетъ мой согражданинъ? Да и въ томъ нѣтъ нужды. Онъ челоуѣкъ: вотъ мое право, вотъ вѣрующее письмо. — О Богочелоуѣкъ! Почто писалъ ты законъ твой для варваровъ. Они, крестясь во имя твое, кровавыя приносятъ жертвы злобѣ. Почто ты для нихъ мягкосердъ былъ? Вмѣсто обѣщанія будущія жизни, усугубилъ бы казнь настоящую, и совѣсть, возжигая по мѣрѣ

злодѣянія, не далъ бы имъ покоя денно-ночно, доколь страданіемъ своимъ не изгладятъ все злое, еже сотворили. Таковыя размышленія толико утомили мое тѣло, что я уснулъ весьма крѣпко и не просыпался долго.

Возмущенные соки мыслію, стремились, мнѣ спящу, къ головѣ, и тревожа нѣжный составъ моего мозга, возбудили въ немъ воображеніе. Несчетныя картины представлялись мнѣ во снѣ, но исчезали, какъ легкіе въ воздухѣ пары. Наконецъ, какъ то бываетъ, нѣкоторое мозговое волокно, тронутое сильно восходящими изъ внутреннихъ сосудовъ тѣла парами, задрожало долѣе другихъ на нѣсколько времени, и вотъ что я грезилъ.

Мнѣ представилось, что я царь, шахъ, ханъ, король, бей, набабъ, султанъ, или какое то сихъ названій нѣчто, сидящее во власти на престолѣ.

Мѣсто моего возсѣденія было изъ чистаго злата, и хитро искладенными драгими разнаго цвѣта каменьями блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло съ блескомъ моихъ одеждъ. Глава моя украшалась вѣнцомъ лавровымъ. Вокругъ меня лежали знаки, власть мою изъявляющіе. Здѣсь мечъ лежалъ на столпѣ, изъ сребра изваянномъ, на коемъ изображались морскія и сухопутныя сраженія, взятіе городовъ и прочее сего рода: вездѣ видно было вверху имя мое, носимое гениемъ славы, надъ всѣми сими подвигами парящимъ. Тутъ виденъ былъ скипетръ мой, возлежащій на снопахъ, обильными класами отягченныхъ, изваянныхъ изъ чистаго злата и природѣ совершенно подражающихъ. На твердомъ коромыслѣ возвѣшенные зрѣлися вѣсы. Въ единой изъ чашъ лежала книга съ надписью: Законъ Милосердія; въ другой книга же съ надписью: Законъ Совѣсти. Держава, изъ одинаго камня изсѣченная, поддерживаема была грудю младенцевъ, изъ бѣлаго мрамора изсѣченныхъ. Вѣнецъ мой возвышенъ былъ

паче всего и возлежалъ на раменахъ сильнаго исполина, воскрыліе же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змія, изъ свѣтлыя стали искованная, облежала вокругъ всего сѣдалища при его подножіи, и конецъ хвоста въ зѣвѣ держаща изображала вѣчность.

Но не единыя бездыханныя изображенія возвѣщали власть мою и величество. Съ робкимъ подобострастіемъ и взоры мои ловящи, стояли вокругъ престола моего чины государственныя. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ престола моего, толпилось безчисленное множество народа, коего разныя одежды, черты лица, осанка, видъ и станъ, различіе ихъ племени возвѣщали. Трепетное ихъ молчаніе увѣряло меня, что они всѣ волѣ моей подвластны. По сторонами на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, стояли женщины въ великомъ множествѣ въ прелестнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ одеждахъ. Взоры ихъ изъявляли удовольствіе на меня смотрѣть, и желанія ихъ стремились на предупрежденіе моихъ, если бы онѣ возродились.

Глубочайшее въ собраніи семъ присутствовало молчаніе; казалось, что всѣ въ ожиданіи были важнаго какого происшествія, отъ коего спокойствіе и блаженство всего общества зависѣли. Обращенный самъ въ себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку въ душѣ моей, отъ насыщающаго скоро единообразія происходящую, я долгъ воздалъ естеству, и ротъ разинувъ до ушей, зѣвнулъ во всю мочь. Всѣ вняли чувствованію души моей. Внезапно смятеніе распростерло мрачный покровъ свой по чертамъ веселія, улыбка улетала со устъ нѣжности, и блескъ радованія съ ланить удовольствія. Искаженные взгляды и озираніе являли нечаянное нашествіе ужаса и предстоящія бѣды. Слышны были вздохи, колющіе предтечи скорби: и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствіемъ страха стенаніе. Уже скорыми въ сердца всѣхъ стонами

шествовало отчаяніе и смертныя содроганія, самыя кончины мучительнѣе. Тронутый до внутренности сердца толико печальнымъ зрѣлищемъ, ланитныя мышцы нечувствительно стянулись ко ушамъ моимъ и, растягивая губы, произвели въ чертахъ лица моего кривленіе, улыбка подобное, за коимъ я чхнулъ весьма звонко. Подобно какъ въ мрачную атмосферу, густымъ туманомъ отягченную, проникаетъ полуденный солнца лучъ. Летитъ отъ жизненной его жаркости сгущенная парами влага, и раздѣленная въ составѣ своемъ частію улегчаяся, стремительно возносится въ неизмѣримое пространство ээира, и, частію удержавъ въ себѣ одну только тяжесть земныхъ частицъ, падаетъ низу стремительно. Мракъ, присутствовавшій повсюду въ небытіи свѣтозарнаго шара, исчезаетъ весь вдругъ, и, сложивъ поспѣшно непроницательный свой покровъ, улетаетъ на крылѣхъ мгновенности, не оставляя по себѣ ниже знака своего присутствованія. Тако при улыбкѣ моей развѣялся видъ печали, на лицахъ всего собранія поселившійся; радость проникла сердца всѣхъ быстротечно, и не осталось косога вида неудовольствія нигдѣ. Всѣ начали восклицать: да здравствуетъ нашъ великій государь, да здравствуетъ на вѣки. Подобно тихому полуденному вѣтру, помагающему листвія деревъ, и любострастное производящему въ дубравѣ шумленіе, тако во всемъ собраніи радостное шептаніе раздавалось. Иной въ полголоса говорилъ: онъ усмирить внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, расширилъ предѣлы отечества, покорилъ тысячи разныхъ народовъ своей державѣ. Другой восклицалъ: онъ обогатилъ государство, расширилъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю, онъ любитъ науки и художества, поощряетъ земледѣліе и рудоудѣліе. Женщины съ нѣжностію вѣщали: онъ не далъ погибнуть тысячамъ полезныхъ согражданъ, избавя ихъ до сосца еще гибельныя

кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: онъ умножилъ государственные доходы, народъ облегчилъ отъ податей, доставилъ ему надежное пропитаніе. Юношество, съ восторгомъ руки на небо простирая, рѣкло: онъ милосердъ, правдивъ, законъ его для всѣхъ равенъ, онъ почитаетъ себя первымъ его служителемъ. Онъ законодатель мудрый, судія правдивый, исполнитель ревностный, онъ паче всѣхъ царей великъ, онъ вольность даруетъ всѣмъ.

Рѣчи таковыя, ударяя въ тимпанъ моего уха, громко раздавались въ душѣ моей. Похвалы сіи истинными въ разумѣ моемъ изображались, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми ихъ приѣмля, душа моя возвышалась надъ обыкновеннымъ зрѣніемъ кругомъ: въ существѣ своемъ расширялась и, вся объемля, касалась степеней Божественной премудрости. Но ничто не сравнилось съ удовольствіемъ самоодобренія при раздаваніи моихъ приказаній. Первому военачальнику повелѣвалъ я итти съ многочисленнымъ войскомъ на завоеваніе земли, цѣлымъ небеснымъ поясомъ отъ меня отдѣленной. Государь, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, слава единая имени твоего побѣдитъ народы, оную землю населяющіе. Страхъ предшествовать будетъ оружію твоему, и возвращусь, приносяй дань царей сильныхъ. — Учредителю плаванія я рекъ: да корабли мои разсѣются по всѣмъ морямъ, да узрятъ ихъ невѣдомые народы; флагъ мой да извѣстенъ будетъ на сѣверѣ, востокѣ, югѣ и западѣ. Исполню, государь.... И полетѣлъ на исполненіе, яко вѣтръ опредѣленный надувать вѣтрила корабельные. — Возвѣсти до дальнѣйшихъ предѣловъ моя области, рекъ я хранителю законовъ, се день рожденія моего, да ознаменится онъ въ лѣтописяхъ на вѣки отпущеніемъ повсемѣстнымъ. Да отверзутся темницы, да изыдутъ преступники, и да возвратятся въ

домы свои, яко заблудшіе отъ истиннаго пути. Милосердіе твое, Государь! есть образъ всещедрого существа. Бѣгу возвѣститъ радость скорбящимъ отцамъ по чадѣхъ ихъ, супругамъ по супругахъ ихъ. — Да воздвигнутся, рекъ я первому зодчію, великолѣпнѣйшія зданія для убѣжища муссъ, да украсятся подражаніями природы разнообразными: и да будутъ онѣ не нарушима, яко небесныя жительствоныя, для нихъ же онѣ уготовляются. — О премудрый, отвѣчалъ онъ мнѣ, егда велѣніямъ твоего гласа стихіи повиновались, и совокупя силы свои учреждали въ пустыняхъ и на дебряхъ обширныя грады, превосходящіе великолѣпіемъ славнѣйшіе въ древности; колико маловаженъ будетъ сей трудъ для ревностныхъ исполнителей твоихъ велѣній. Ты рекъ, и грубыя строенія припасы уже гласу твоему внемлютъ. — Да отверзется нынѣ, рекъ я, рука щедроты, да изліются остатки избытка на немощствующихъ, сокровища ненужныя да возвратятся къ ихъ источнику. — О всещедрый владыко, всевышнимъ намъ дарованный, отецъ своихъ чадъ, обогатитель нищаго, да будетъ твоя воля. — При всякомъ моемъ изреченіи, всѣ предстоящіе восклицали радостно и плесканіе рукъ не токмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль. Единая изъ всего собранія жена, облегшаяся твердо о столпѣ, испускала вздохи скорби и являла видъ презрѣнія и негодованія. Черты лица ея были суровы и платье простое. Глава ея покрыта была шляпою, когда всѣ другіе обнаженными стояли главами. Кто сія? вопрошалъ я близъ стоящаго меня. Сія есть странница, намъ неизвѣстная, именуетъ себя Прямовзорой и глазнымъ врачомъ. Но есть волхвъ опаснѣйшій, носяй ядъ и отраву, радуется скорби и сокрушенію; всегда нахмуренна, всѣхъ презираетъ и поноситъ; даже не щадитъ въ руганіи своемъ священныя твоя главы. — Почтожь злодѣйка сія терпима въ моей области? Но о

ней завтра. Сей день есть день милости и веселія. Приидите, сотрудники мои въ ношеніи тяжкаго бремени правленія, примите достойное за труды и подвиги ваши воздаяніе. Тогда, возставъ отъ мѣста моего, возлагалъ я различные знаки почестей на предстоящихъ: отсутствующіе забыты не были, но тѣ, кои пріятнымъ видомъ словамъ моимъ шли во срѣтеніе, имѣли большую во благодареніяхъ моихъ долю.

По семь продолжалъ я мое слово: пойдёмъ, столпы моя держава, опоры моя власти, пойдёмъ усладиться по трудѣ. Достойно бо да вкусить трудившійся плода трудовъ своихъ. Достойно Царю вкусити веселія, онъ же изливаетъ многочисленныя всѣмъ. Покажи намъ путь къ уготованному тобою празднеству, рекъ я къ учредителю веселій. Мы тебѣ послѣдуемъ. — Постой, вѣщала мнѣ странница отъ своего мѣста, постой, и подойди ко мнѣ. Я врачъ, присланный къ тебѣ и тебѣ подобнымъ, да очищу зрѣніе твое. — Какія бѣльма, сказала она съ восклицаніемъ.... Нѣкая невидимая сила нудила меня итти предъ нее, хотя всѣ меня окружавшіе мнѣ въ томъ препятствовали, дѣлая даже мнѣ насиліе.

На обоихъ глазахъ бѣльма, сказала странница, а ты столь рѣшительно судилъ о всемъ. Потомъ коснулася обоихъ моихъ глазъ, и сняла съ нихъ толстую плену, подобно роговому раствору. Ты видишь, сказала она мнѣ, что ты былъ слѣпъ и слѣпъ совершенно. — Я есмь Истина. Всевышній, подвигнутый на жалость стенаніемъ тебѣ подвластнаго народа, ниспослалъ меня съ небесныхъ круговъ, да отжену темноту, проницанію взора твоего препятствующую. Я сіе исполнила. Всѣ вещи представляются днесь въ естественномъ ихъ видѣ взорамъ твоимъ. Ты проникнешь во внутренность сердца. Не таится болѣе отъ тебя змія, кроющаяся въ излучинахъ душевныхъ. Ты познаешь вѣрныхъ своихъ

подданныхъ, которые, вдали отъ тебя, не тебя любятъ, но любятъ отечество; которые готовы всегда на твое пораженіе, если оно отмститъ порабошеніе челоуѣка. Но не возмутятъ они гражданскаго покоя безвременно и безъ пользы. Ихъ призови себѣ въ друзей. Изжени сію гордую чернь, тебѣ предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодѣи, затмевающіе очи твои, и входъ мне въ твои чертоги воспреещающіе. Единъ разъ являюсь я царямъ во все время ихъ царствованія, да познаютъ меня въ истинномъ моемъ видѣ: но я никогда не оставляю жилища смертныхъ. Пребываніе мое не есть въ чертогахъ царскихъ. Стража, обсѣвшая ихъ вокругъ и бдящая, денно-ночно, стоглазно, воспрещаетъ мнѣ входъ въ оныя. Если когда проникну сію сплоченную толпу, то поднявъ бичъ гоненія, всѣ, тебя окружающіе, тщатся меня изгнать изъ обиталища твоего; бди убо, да паки не удалюсь отъ тебя. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающія бѣльма твои паки возродятъ, и кора, свѣтомъ непроницаемая, покрываетъ твои очи. Тогда ослѣпленіе твое будетъ сугубо; едва на шагъ одинъ взоры твои досязатъ будутъ. Все въ веселомъ являться тебѣ будетъ видѣ. Уши твои не возмутятся стенаніемъ; но усладится слухъ сладкопѣніемъ ежечасно. Жертвенныя куренія обидутъ на лесть отверстую душу. Осязанію твоему подлежать будетъ всегда гладкость. Никогда не раздеретъ благотворная шероховатость въ тебѣ нервовъ осязательности. Вострепещи теперь за таковое состояніе. Туча вознесетя надъ главой твоей, и стрѣлы карающаго грома готовы будутъ на твое пораженіе. Но я вѣщаю тебѣ, поживу въ предѣлахъ твоего обладанія. Едва восхощешь меня видѣти, егда осажденная кознями ласкательства душа твоя взалкаетъ моего взора; воззови меня изъ твоея отдаленности; гдѣ слышенъ будетъ твердый мой гласъ, тамъ меня и

обрящешь. Не убойся гласа моего николи. Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній. Чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, онъ твердымъ гласомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его яко странника. Ибо всякъ, порицающій царя въ самовластїи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещеть. Угости его, вѣщаю, почти его, да возвратившися возможетъ онъ паче и паче глаголати нельстиво. Но таковыя твердыя сердца бывають рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтїи явится на свѣтскомъ ристалищѣ. А дабы бдительность твоя не усыплялась нѣгою власти, се кольцо дарую тебѣ, да возвѣститъ оно тебѣ твою неправду, когда на нее дерзать будешь. Ибо вѣдай, что ты первѣйшій въ обществѣ можешь быть убійца, первѣйшій разбойникъ, первѣйшій предатель, первѣйшій нарушитель общїя тишины, врагъ лютѣйшїй, устремляющій злость свою на внутренность слабаго. Ты виною будешь, если мать восплачетъ о сынѣ своемъ, убіенномъ на ратномъ полѣ, и жена о мужѣ своемъ: ибо опасность плѣна едва оправдать можетъ убійство, войною называемое. Ты виною будешь, если запустѣетъ нива, если птенцы земледѣлателя лишатся жизни у тощаго безъ здороваго пища сосца матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящихъ тебѣ, воззри на исполненіе твоихъ велѣній, и если душа твоя не содрогнется отъ ужаса при взорѣ таковомъ, то отыду отъ тебя, и чертогъ твой загладится навсегда въ памяти моей.

Изрекшія странницы лицо казалось веселымъ и вещественнымъ сіяющее блескомъ. Воззрѣніе на нее вливало въ душу мою радость. Уже не чувствовалъ я въ ней зыбей тщеславія и надутости высокомѣрія. Я ощущалъ въ ней тишину; волненіе любочестія и

обуреваніе властолюбія ея не касались. Одежды мои, столь блестящія, казались замараны кровію и омочены слезами. На перстахъ моихъ видѣлись мнѣ остатки мозга человѣческаго; ноги мои стояли въ тинѣ. Вокругъ меня стоящіе являлись того скареднѣе. Вся внутренность ихъ казалась черною и сгараемою тусклымъ огнемъ ненасытности. Они метали на меня и другъ на друга искаженные взоры, въ коихъ господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальникъ мой, посланный на завоеваніе, утопалъ въ роскоши и веселіи. Въ войскахъ подчиненности не было; воины мои почитались хуже скота. Не радѣли ни о ихъ здоровіи, ни прокормленіи; жизнь ихъ ни во что вмѣнялась; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное имъ украшеніе. Большая половина новыхъ воиновъ умирали отъ небреженія начальниковъ или ненужныя и безвременныя строгости. Казна, опредѣленная на содержаніе всеополченія, была въ рукахъ учредителя веселостей. Знаки военного достоинства не храбрости были удѣломъ, но подлаго раболѣпія. Я зрѣлъ предъ собою единаго знаменитаго по словесамъ военачальника, коего я отличными почтилъ знаками моего благоволенія; я зрѣлъ нынѣ ясно, что все его отличное достоинство состояло въ томъ только, что онъ пособіемъ былъ въ насыщеніи сладострастія своего начальника; и на оказаніе мужества не было даже ему случая; ибо онъ издали не видалъ непріятеля. Отъ такихъ то воиновъ я ждалъ себѣ новыхъ вѣнцовъ. Отвратилъ я взоръ мой отъ тысящи бѣдствъ, представившихся очамъ моимъ.

Корабли мои, предназначенные, да прейдуть дальнѣйшія моря, видѣлъ я плавающими при устьѣ пристанища. Начальникъ, полетѣвшій для исполненія моихъ велѣній на крылѣхъ вѣтра, простерши на мягкой постелѣ свои члены, упоялся нѣгою и любовію въ

объятіяхъ наемной возбудительницы его сладострастія. На изготованномъ велѣніемъ его чертежѣ совершеннаго въ мечтаніи плаванія, уже видны были во всѣхъ частяхъ міра новые острова, климату ихъ свойственными плодами изобилующіе. Обширныя земли и многочисленныя народы израждались изъ кисти новыхъ сихъ путешественниковъ. Уже при блескѣ ночныхъ свѣтильниковъ, начерталось величественное описаніе сего путешествія и сдѣланныхъ пріобрѣтеній, слогомъ цвѣтущимъ и великолѣпнымъ. Уже золотыя доски уготовлялися на одежду столь важнаго сочиненія. О Кукъ! по что ты жизнь свою провелъ въ трудахъ и лишеніяхъ? По что скончалъ ее плачевнымъ образомъ? Если бы возсѣлъ на сіи корабли, то въ веселіяхъ начавъ путешествіе, и въ веселіяхъ его скончая, столь же бы много сдѣлалъ открытій, сидя на одномъ мѣстѣ (и въ моемъ государствѣ), толико же бы прославился; ибо ты бы почтенъ былъ твоимъ государемъ.

Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленіи моемъ душа моя наиболѣе гордилася, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ, едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое или было совсѣмъ нарушено, обращаясь не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія превратнымъ онаго толкованіемъ и медлительнымъ исполненіемъ. Милосердіе мое сдѣлалось торговлею, и тому, кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобы въ народѣ моемъ чрезъ отпущеніе вины прослыть милосердымъ, я прослылъ обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ. Удержи свое милосердіе, вѣщали тысящи гласовъ, не возвѣщай намъ его великолѣпнымъ словомъ, если не хочешь его исполнить. Не соплощай съ обидою насмѣшку, съ тяжестію ея ощущеніе. Мы спали и были покойны, ты возмутилъ нашъ сонъ, мы бдѣть не желали; ибо не надъ чемъ. Въ созиданіи городовъ видѣлъ я одно

расточеніе государственныя казны, нерѣдко омытой кровію и слезами моихъ подданныхъ. Въ воздвиженіи великолѣпныхъ зданій къ расточенію нерѣдко присовокуплялось и непонятіе о истинномъ искусствѣ. Я зрѣлъ расположеніе ихъ внутреннее и внѣшнее безъ малѣйшаго вкуса. Виды оныхъ принадлежали вѣку готовъ и вандаловъ. Въ жилищѣ для Муссъ уготованномъ не зрѣлъ я лющихся благотворно струевъ Касталіи и Ипокрены; едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченной обычаемъ округи. Зодчіе, согбенные надъ чертежемъ зданія, не о красотѣ онаго помышляли, но какъ пріобрѣтуть ею себѣ стяжаніе. Возгнушался я моего пышнаго тщесланія и отвратилъ очи мои. Но паче всего уязвило душу мою изліяніе моихъ щедротъ. Я мнилъ въ ослѣпленіи моемъ, что ненужная казна общественная на государственныя надобности, не можетъ лучше употребиться, какъ на вспоможеніе нищаго, на одѣяніе нагого, на прокормленіе алчущаго, или на поддержаніе погибающаго противнымъ случаемъ, или на мзду нерадующему о стяжаніи достоинству и заслугѣ. Но сколь прискорбно было видѣть, что щедроты мои изливались на богатаго, на льстеца, на вѣроломнаго друга, на убійцу иногда тайнаго, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго мое пристрастіе, на снисходящаго моимъ слабостямъ, на жену, кичащуюся своимъ безстыдствомъ. Едва, едва досягали слабые источники моя щедроты застѣнчиваго достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились изъ очей моихъ, и сокрыли отъ меня толь бѣдственныя представленія безразсудной моей щедроты. Теперь ясно я видѣлъ, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставались въ удѣлъ недостойнымъ. Достоинство неопытное, пораженное первымъ блескомъ сихъ мнимыхъ блаженствъ, вступало въ единый путь съ

ласкательствомъ и подлостію духа, на снисканіе почестей, возделѣнной смертныхъ мечты; но влача косвенно стопы свои, всегда на первыхъ степеняхъ изнемогало, и довольствоваться было осуждаемо собственнымъ своимъ одобреніемъ, во увѣреніи, что почести мірскія суть пепель и дымъ. Видя во всемъ толикую превратность, отъ слабости моей и коварства министровъ моихъ проистекшую; видя, что нѣжность моя обращалась на жену, ищущую въ любви моей удовлетворенія своего только тщеславія, и внѣшность только свою на услажденіе мое устрояющую, когда сердце ея ощущало ко мнѣ отвращеніе, возревѣлъ я яростію гнѣва. Недостойные преступники, злодѣи! вѣщайте, почто во злоупотребили довѣренность Господа вашего? предстаньте нынѣ предъ судію вашего. Вострепещите въ окаменѣлости злодѣянія вашего. Чѣмъ можете оправдать дѣла ваши? Что скажете во извиненіе ваше? Се онъ, его же призову изъ хижины уничиженія. Приди, вѣщаль я старцу, коего созерцалъ въ краѣ обширныхъ моя области, кроющагося подъ заросшею мхомъ хижиною, приди облегчить мое бремя; приди и возврати покой томящемуся сердцу и востревоженному уму. — Изрекши сіе, обратилъ я взоръ мой на мой санъ, позналъ обширность моя обязанности, позналъ, откуда проистекаетъ мое право и власть. Вострепеталъ во внутренности моей, убоялся служенія моего. Кровь моя пришла въ жестокое волненіе, и я пробудился. Еще не опомнившись, схватилъ я себя за палець, но терноваго кольца на немъ не было. О если бы оно пребывало хоть на мизинцѣ царей!

Властитель міра, если читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою, или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко, и чертоговъ твоихъ гнушается.

Подберезье.

Насилу очнуться я могъ отъ богатырскаго сна, въ которомъ я столько сгрязилъ. Голова моя была свинцовой тяжелѣе, хуже, нежели бываетъ съ похмелья у пьяницъ, которые по недѣлѣ пьютъ запоемъ. Не въ состояніи я былъ продолжать пути и трястись на деревянныхъ дрогахъ (пружинъ у моей кибитки не было). Я вынулъ домашній лѣчебникъ; искалъ, нѣтъ ли въ немъ рецепта отъ головной дурноты, происходящей отъ бреда во снѣ и наяву. Лѣкарство со мною хотя всегда ѣздило въ запасъ; но по пословицѣ: на всякаго мудреца довольно простоты, противъ бреда я себя не предостерегъ и оттого голова моя, пріѣхавъ на почтовый станъ, была хуже болвана.

Вспомнилъ я, что нѣкогда блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Прасковья, нареченная Пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогаетъ онъ отъ головной боли. Какъ чашекъ пять выпью, говаривала она, такъ и свѣтъ вижу, а безъ того умерла бы въ три дня.

Я взялся за нянюшкино лѣкарство, но не привыкнувъ пить вдругъ по пяти чашекъ, попотчивалъ излишне для меня свареннымъ молодого человѣка, которой сидѣлъ на одной со мной лавкѣ, но въ другомъ углу у окна. — Благодарю усердно, сказалъ онъ, взявъ чашку съ кофеемъ. Привѣтливый видъ, взгляды неробкой, вѣжливая осанка, казалось, не кстати были къ длинному полукафтаныю и къ примазаннымъ квасомъ волосамъ. Извини меня, читатель, въ моемъ заключеніи, я родился и выросъ въ столицѣ, и если кто некудрявъ и ненапудренъ, того я ни во что не чту. Если и ты деревенщина и волосъ не пудришь, то не осуди, буде я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Олово за слово, я съ новымъ моимъ знакомцемъ поладилъ. Узналъ, что онъ былъ изъ Новгородской семинаріи, и шелъ пѣшкомъ въ Петербургъ повидаться съ дядею, который былъ секретаремъ въ губернскомъ штатѣ. Но главное его намѣреніе было, чтобъ сыскать случай для пріобрѣтенія науки. — Сколь великой недостатокъ еще у насъ въ пособіяхъ просвѣщенія, говорилъ онъ мнѣ. Одно свѣдѣніе латинскаго языка не можетъ удовлетворить разума, алчущаго науки. Virgiliya, Goračiya, Tita Liviya, даже Tacita почти знаю наизусть, но когда сравню знанія семинаристовъ съ тѣмъ, что я имѣлъ случай по счастью моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащимъ къ прошедшимъ столѣтіямъ. Классическіе авторы намъ всѣ извѣстны, но мы лучше знаемъ критическія объясненія текстовъ, нежели то, что ихъ дѣлаеть пріятными, что вѣчность для нихъ уготовало. Насъ учать философіи, проходимъ мы логику, метафизику, иѳику, богословію, но по словамъ Кутейника въ Недорослѣ, дойдемъ до конца философскаго ученія и возвратимся вспять. Чему дивиться: Аристотель и схоластика донинѣ царствуютъ въ семинаріяхъ. Я по счастью моему сталъ, въ домѣ одного изъ губернскихъ членовъ въ Новѣгородѣ, имѣлъ случай пріобрѣсти въ ономъ малое знаніе во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница въ просвѣщеніи временъ, когда одинъ латинской языкъ былъ въ училищахъ употребителенъ, съ нынѣшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки несутъ таинства, для свѣдущихъ латинской языкъ токмо отверстыя, но преподаются на языкѣ народномъ! Но для чего, прервавъ онъ свою рѣчь, продолжалъ: для чего не заведутъ у насъ высшихъ училищъ, въ которыхъ бы преподавались науки на языкѣ общественномъ, на языкѣ російскомъ? Ученіе всѣмъ бы было внятнѣе;

просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе, и однимъ поколѣніемъ позже, за одного латинщика нашлось бы двѣсти человекъ просвѣщенныхъ; по крайней мѣрѣ въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе. — Боже мой! продолжалъ онъ съ восклицаніемъ, если бы привести примѣры изъ размышленій и разглагольствованій судей нашихъ о дѣлахъ! Что бы сказали Гроцій, Монтестью, Блекстонъ. Ты читалъ Блекстона, читалъ первыя двѣ части, на російскій языкъ переведенныя. Нехудо бы было заставлятъ судей нашихъ имѣть сію книгу вмѣсто святцевъ, заставлятъ ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь. Какъ не потужить, повторилъ онъ, что у насъ нѣтъ училищъ, гдѣ бы науки преподавались на языкѣ народномъ.

Вошедшій почтальонъ помѣшалъ продолженію нашей бесѣды. Я успѣлъ семинаристу сказать, что скоро желаніе его исполнится, что уже есть повелѣніе о учрежденіи новыхъ университетовъ гдѣ науки будутъ преподаваться по его желанію. — Пора, государь мой, пора....

Между тѣмъ какъ я платилъ почтальону прогонныя деньги, семинаристъ вышелъ вонъ. Выходя выронилъ небольшой пукъ бумаги. Я поднялъ упавшее и не отдалъ ему. Не обличи меня, любезной читатель, въ моемъ воровствѣ; съ такимъ условіемъ, я и тебѣ сообщу, что я подтибрилъ. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу не выведешь; ибо не тотъ одинъ воръ, кто красть, но тотъ, кто принималъ, такъ писано въ законѣ русскомъ. Признаюсь, я на руку нечистъ; гдѣ что немного похожее на разсудительное увижу, то тотчасъ стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо. — Читай, что мой семинаристъ говорить:

Кто міръ нравственной уподобилъ колесу, тотъ сказавъ великую истину, не иное что, можетъ быть,

сдѣлалъ, какъ взглянувъ на круглой образъ земли и другихъ великихъ въ пространствѣ носящихся тѣлъ, изрѣкъ только то, что зрѣлъ. Поступая въ познаніи естества, откроютъ, можетъ быть, смертные тайную связь веществъ духовныхъ или нравственныхъ съ веществами тѣлесными или естественными: что причина всѣхъ перемѣнъ, превращеній, превратностей міра нравственнаго или духовнаго зависитъ, можетъ быть, отъ кругообразнаго вида нашего обиталища, и другихъ къ солнечной системѣ принадлежащихъ тѣлъ, равно какъ и оно, кругообразныхъ и коловращающихся..... На мартиниста похоже; на ученика Шведенборга..... Нѣтъ, мой другъ! я пью и ѣмъ не для того только, чтобъ быть живу, но для того, что въ томъ нахожу немалое услажденіе чувствъ. И покаюся тебѣ, какъ отцу духовному, я лучше ночь просижу съ пригоженькою дѣвочкою и усну, упоенный сладострастіемъ въ объятіяхъ ея, нежели зарывшись въ еврейскія или арабскія буквы, въ цыфиры, или египетскіе іероглифы, потщуся отдѣлить духъ мой отъ тѣла и рыскать въ пространныхъ поляхъ бредоумствованій, подобенъ древнимъ и новымъ духовнымъ витязямъ. Когда умру, будетъ время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится досыта.

Оглянись назадъ: кажется, еще время то за плечами близко, въ которое царствовало суевѣріе, и весь его причетъ, невѣжество, рабство, инквизиція и многое кое что. Давно ли то было, какъ Вольтеръ кричалъ противъ суевѣрія до безголосицы; давно ля Фридрихъ неутолимой его былъ врагъ не токмо словомъ своимъ и дѣянїями, но что для него страшнѣе, державнымъ своимъ примѣромъ. Но въ мірѣ семъ все приходитъ на прежнюю степень, ибо все въ разрушеніи свое имѣетъ начало. Животное, прозябаемое, родится, растеть, дабы произвести себѣ подобныхъ, потомъ умереть и уступить

имъ свое мѣсто. Бродящіе народы собираются во грады, основываютъ царства, мужаются, славятся, слабѣютъ, изнемогаютъ, разрушаются. Мѣста пребыванія ихъ невидны; даже имена ихъ погибнуть. Христіанское общество въ началѣ было смиренно, кротко, скрывалось въ пустыняхъ и вертепахъ, потомъ усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалось суевѣрїю; въ изступленіи шло стезею народамъ обыкновенною: воздвигло начальника, расширило его власть, и папа сталъ всесильный изъ царей. Лютеръ началъ преобразованіе, воздвигъ расколъ, изъялся изъ-подъ власти его, и много имѣлъ послѣдователей. Зданіе предубѣжденія о власти папской рушиться стало, стало исчезать и суевѣрїе: истина нашла любителей, попраля огромной оплотъ предразсужденій, но недолго пребыла въ сей стезѣ. Вольность мыслей вдалась необузданности. Не было ничего святого, на все посягали. Дошедъ до краевъ возможности, вольномысліе возвратится вспять. Сія перемѣна въ образѣ мыслей предстоитъ нашему времени. Не дошли еще до послѣдняго края безпрепятственнаго вольномыслія, но многіе уже начинаютъ обращаться къ суевѣрїю. Разверни новѣйшія таинственныя творенія, возмнишь быти во времена схоластики и словопреній, когда о рѣченіяхъ заботился разумъ человѣческій, не мысля о томъ, былъ ли въ рѣченіи смыслъ. Когда задачею любомудрія почиталось и на рѣшеніе изслѣдовательной истины отдавали вопросъ, сколько на игольномъ остріи можетъ умѣститься душъ.

Если потомкамъ нашимъ предлежитъ заблужденіе, если оставя естественность, гоняться будутъ за мечтаніями, то весьма полезный бы былъ трудъ писателя, показавшаго намъ изъ прежнихъ дѣяній шестіе разума человѣческаго, когда сотрясшій мглу предубѣжденій, онъ началъ преслѣдовать истину до выпренности ея, и когда утомленный, такъ сказать,

своимъ бодрствованіемъ, растлѣвать начиналъ паки свои силы, томиться и ниспускаться въ туманы предразсудковъ и суевѣрія. Трудъ сего писателя бесполезенъ не будетъ: ибо обнажая шествіе нашихъ мыслей къ истинѣ и заблужденію, устранить хотя нѣкоторыхъ отъ пагубныхъ стези, и заградить полетъ невѣжества; блаженъ писатель, если твореніемъ своимъ могъ просвѣтить хотя единаго, блаженъ, если въ единомъ хотя сердцѣ посѣялъ добродѣтель.

Счастливыми назваться мы можемъ: ибо не будемъ свидѣтели крайняго посрамленія разумныхъ твари. Ближніе наши потомки счастливѣе насъ еще быть могутъ. Но пары, въ грязи омерзѣнія почившіе, уже воздымаются и предопредѣляются объяти зрѣнія кругъ. Блаженны, если не узримъ новаго Магомета; часъ заблужденія еще отдалится. Внемли, когда въ умствованіяхъ, когда въ сужденіяхъ о вещахъ нравственныхъ и духовныхъ начинается ферментация и возстаетъ мужъ твердый и предприимчивый на истину или на прельщеніе, тогда послѣдуетъ премѣна царствъ, тогда премѣна въ исповѣданіяхъ.

На лѣствицѣ, по которой разумъ человѣческій нисходитъ долженствуетъ во тьму заблужденій, если покажемъ что либо смѣшное и улыбною содѣлаемъ добро, блаженны наречемъ.

Бродя изъ умствованія въ умствованіе, о возлюбленные, блюдитесь, да не вступите на путь слѣдующихъ изслѣдованій.

Вѣщаль Акиба: вошедъ по стезѣ равви Іозуа въ сокровенное мѣсто, я позналъ тройственное. Позналъ 1-е: не на Востокъ и не на Западъ, но на Сѣверъ и Югъ обращаться довлѣтъ. Позналъ 2-е: не на ногахъ стоящему, но возсѣдая надлежитъ испражняться. Позналъ 3-е: не десницею, но шуйцею отирать надлежитъ задняя. На сіе возразилъ Бенъ Газасъ:

дотолѣ обезстудилъ еси чело свое на учителя, да извергающаго присматривалъ? Отвѣтствовалъ онъ: сіи суть таинства закона: и нужно было, да сотворю сотворенное, и ихъ познаю.

Смотри Белевъ словарь, статью Акиба.

Новгородъ.

Гордитесь, тщеславные созидатели градовъ, гордитесь, основатели государствъ; мечтайте, что слава имени вашего будетъ вѣчна; столпите камень на камень до самыхъ облаковъ; изсѣкайте изображенія вашихъ подвиговъ, и надписи, дѣла ваши возвѣщающія. Полагайте твердыя основанія правленія закономъ непремѣннымъ. Время съ острымъ рядомъ зубовъ смѣется вашему киченію. Гдѣ мудрые Солоновы и Ликурговы законы вольность Аѳинъ и Спарты утверждавшіе?... Въ книгахъ... А на мѣстѣ ихъ пребыванія пасутся рабы жезломъ самовластія. — Гдѣ пышная Троя, гдѣ Карѳага. — Едва ли видно мѣсто, гдѣ гордо онѣ стояли. — Курится ли таинственно единому существу нетлѣнная жертва, во славныхъ храмахъ древняго Египта. Великолѣпные оныхъ остатки служатъ убѣжищемъ блѣющему скоту во время средиеннаго зноя. Не радостными слезами благодаренія всевышнему Отцу они орошаемы, но смрадными изверженіями скотскаго тѣла. О! гордость, о! надменность человѣческая, возри на сіе, и познай, колико ты ползуща!

Въ таковыхъ размысленіяхъ подѣзжалъ я къ Новгороду, смотря на множество монастырей, вокругъ онаго лежащихъ.

Сказываютъ, что всѣ сіи монастыри, даже и на пятнадцать верстъ разстояніемъ отъ города находящеяся, заключалися въ ономъ; что изъ стѣнъ его могло выходить до ста тысячъ войска. Извѣстно, по лѣтописямъ, что Новгородъ имѣлъ народное правленіе. Хотя у нихъ были князья, но мало имѣли власти. Вся сила правленія заключалася въ посадникахъ и тысяцкихъ. Народъ въ собраніи своемъ на вѣчѣ былъ

истинный государь. Область Новгородская простиралась на сѣверѣ даже за Волгу. Сіе вольное государство стояло въ Ганзейскомъ союзѣ. Старинная рѣчь: кто можетъ стать противъ Бога и великаго Новагорода, служить можетъ доказательствомъ его могущества. Торговля была причиною его возвышенія. Внутреннія несогласія и хищный сосѣдь совершили его паденіе.

На мосту вышелъ я изъ кибитки моей, дабы насладиться зрѣлищемъ теченія Волхова. Неможно было, чтобы не пришелъ мнѣ на память поступокъ царя Ивана Васильевича по взятіи Новагорода. Уязвленный сопротивленіемъ сея республики, сей гордый, звѣрскій, но умный властитель хотѣлъ ее разорить до основанія. Мнѣ зрится онъ съ долбнею на мосту стоящъ, такъ иные повѣствуютъ, приносяй на жертву ярости своей старѣйшихъ и начальниковъ Новгородскихъ. Но какое онъ имѣлъ право свирѣпствовать противъ нихъ; какое онъ имѣлъ право присвоить Новгородъ? То ли, что первые князья російскіе жили въ семь городѣ? Или что онъ писался царемъ всея Русіи? Или что новгородцы были славянскаго племени? Но на что право, когда дѣйствуетъ сила? Можетъ ли оно существовать, когда рѣшеніе запечатлѣется кровію народовъ? Можетъ ли существовать право, когда нѣтъ силы на приведеніе его въ дѣйствительность. Много было писано о правѣ народовъ; нерѣдко на него имѣютъ ссылку; но законоучители не помышляли, можетъ ли быть между народами судія. Когда возникаютъ между ними вражды, когда ненависть, или корысть устремляетъ ихъ другъ на друга, судія ихъ есть мечъ. Кто палъ мертвъ или обезоружень, тотъ и виновень: повинуется непрекословно сему рѣшенію, и апелляціи на оное нѣтъ. Вотъ почему Новгородъ принадлежалъ царю Ивану Васильевичу. Вотъ для чего онъ его разорилъ и

дымящіеся его остатки себѣ присвоилъ... Нужда, желаніе безопасности и сохранности созидаютъ царства: разрушаютъ ихъ несогласіе, ухищреніе и сила... Чтожь есть право народное?... Народы, говорятъ законоучители, находятся одинъ въ разсужденіи другого въ такомъ же положеніи, какъ человѣкъ находится въ отношеніи другого, въ естественномъ состояніи... Вопросъ: въ естественномъ состояніи человѣка какія суть его права? Отвѣтъ: взгляни на него. Онъ нагъ, алчущъ, жаждущъ. Все, что взять можетъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ, все присвоаетъ. Если бы что тому воспрепятствовать захотѣло, онъ препятствіе удалить, разрушить и пріобрѣтетъ желаемое. Вопросъ: если на пути удовлетворенія нуждамъ своимъ, онъ обрящетъ подобнаго себѣ, если напимѣръ, двое, чувствуя голодъ, восхотятъ насытиться однимъ кускомъ: кто изъ двухъ большее къ пріобрѣтенію имѣетъ право? Отвѣтъ: тотъ, кто кусокъ возьметъ. Вопросъ: кто же возьметъ кусокъ? Отвѣтъ: кто сильнѣе... Неужели сіе есть право естественное, неужели се основаніе права народнаго!... Примѣры всѣхъ временъ свидѣтельствуютъ, что право безъ силы было всегда въ исполненіи почитаемо пустымъ словомъ... Вопросъ: что есть право гражданское? Отвѣтъ: кто ѣдетъ на почтѣ, тотъ пустяками не занимается, и думаетъ, какъ бы лошадей поскорѣе промыслить.

Изъ лѣтописи Новгородской.

Новгородцы съ великимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ вели войну и заключили письменное примиреніе.

Новгородцы сочинили письмо для защищенія своихъ вольностей и утвердили оное пятидесятью осьмью печатями...

Новгородцы запретили у себя обращение чеканной монеты, введенной татарами въ обращение...

Новгородъ въ 1420 году началъ бить свою монету.

Новгородъ стоялъ въ Ганзейскомъ союзѣ...

Въ Новгородѣ былъ колоколь, по звону котораго народъ собирался на вѣче, для разсужденія о вещахъ общественныхъ.

Царь Иванъ письмо и колоколь у новгородцевъ отнял...

— Потомъ.... въ 1500 году — въ 1600 году — въ 1700 году — году... году, Новгородъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ...

Но не все думать о старинѣ, не все думать о завтрашнемъ днѣ. Если безпрестанно буду глядѣть на небо, несмотря на то, что подъ ногами, то скоро споткнусь и упаду въ грязь.... размышлялъ я. Какъ ни тужи, а Новагорода по прежнему не населишь. Что Богъ дастъ впередъ.... Теперь пора ужинать. Пойду къ Карпу Дементьичу.

Ба! ба! ба! добро пожаловать, откуда Богъ принесъ, говорилъ мнѣ пріятель мой Карпъ Дементьичъ, прежде сего купецъ третьей гильдіи, а нынѣ именитый гражданинъ. По пословицѣ: счастливый къ обѣду. — Милости просимъ садиться... Да что за пиръ у тебя?... Благодѣтель мой, я женилъ вчера парня своего. — Благодѣтель твой, подумалъ я, не безъ причины онъ меня такъ величаетъ. Я ему, какъ и другіе, пособилъ записаться въ именитые граждане. Дѣдъ мой будто долженъ былъ по векселю 1000 рублей — кому, того не знаю, съ 1737 году. Карпъ Дементьичъ, въ 1780, вексель гдѣ-то купилъ и какой-то приладилъ къ нему протестъ. Явился онъ ко мнѣ съ искуснымъ стряпчимъ, и въ то время взяли они съ меня милостиво одни только проценты за 50 лѣтъ, а занятый капиталъ мнѣ весь

подарили... Карпъ Дементьичъ человекъ признательный... Невѣстка, водки нечаянному гостю... Я водки не пью. — Да хотя прикушай... Здравья молодымъ... и съли ужинать.

По одну сторону меня сѣлъ сынъ хозяйской, а по другую посадилъ Карпъ Дементьичъ свою молодую невѣстку.... Прервемъ рѣчь, читатель. Дай мнѣ карандашъ и листочекъ бумажки. Я тебѣ въ удовольствіе нарисую всю честную компанію; и тѣмъ тебя причастнымъ сдѣлаю, свадебной пирушкѣ, хотя бы ты на Алеутскихъ островахъ бобровъ ловилъ. Если точныхъ не спишу портретовъ, то доволенъ буду ихъ силуэтами. Лафатеръ и по нихъ учить узнавать, кто уменъ и кто глупъ.

Карпъ Дементьичъ сѣдая борода, въ восемь вершковъ отъ нижней губы. Носъ кляпомъ, глаза ввалились, брови какъ смоль, кланяется — объ руку бороду гладить, всѣхъ величаетъ: благодѣтель мой... Аксинья Парфентьевна, любезная его супруга. Въ шестьдесятъ лѣтъ, бѣла какъ снѣгъ и красна какъ маковъ цвѣтъ, губки всегда сжимаетъ кольцомъ; ренскаго не пьетъ, передъ обѣдомъ полчарочки при гостяхъ, да въ чуланѣ стаканчикъ водки. Прикащикъ мужнинъ хозяину по счету показываетъ... По приказанію Аксиньи Парфентьевны куплено годоваго запаса 3 пуда бѣлилъ Ржевскихъ и 30 фунтовъ румянъ листовыхъ... Прикащики мужнины Аксиньины камердинеры. Алексѣй Карповичъ сосѣдъ мой застольной. Ни уса, ни бороды, а носъ уже багровой, бровями моргаетъ, въ кружокъ остриженъ, кланяется гусемъ, отряхая голову и поправляя волосы. Въ Петербургѣ былъ сидѣльцемъ. На аршинъ когда мѣряетъ, то спускаетъ на вершокъ; за то его отецъ любилъ, какъ самъ себя; на пятнадцатомъ году матери далъ оплеуху. — Парасковья Денисовна, его новобрачная супруга, бѣла и румяна. Зубы какъ уголь.

Брови въ нитку, чернѣе сажи. Въ компаниі сидить, потупя глаза, но во весь день отъ окошка не отходитъ и пялитъ глаза на всякаго мужчину. Подъ вечерокъ стоитъ у калитки. — Глазъ одинъ подбитъ — подарокъ ея любезнаго муженька, для перваго дня: а у кого догадка есть, тотъ знаетъ, за что.

Но, любезный читатель, ты уже зѣваешь. Полно, видно, мнѣ снимать силуэты. Твоя правда; другого не будетъ, какъ носъ да носъ, губы да губы. Я и того не понимаю, какъ ты на силуэтѣ бѣлила и румяна распознаешь.

Карпъ Дементьичъ, чѣмъ нынѣ торгуешь? Въ Петербургъ не ѣздишь, льну не привозишь, ни сахару, ни кофе, ни красокъ не покупаешь. Мнѣ кажется, что торгъ твой тебѣ былъ не въ убытокъ. Отъ него-то было я и разорился. Но насилу Богъ спасъ. Получивъ однимъ годомъ изрядный барышокъ, я женѣ построилъ здѣсь домъ. На слѣдующій годъ былъ льну неурожай, и я не могъ поставить, что законтрактовалъ. Вотъ отчего я торговать пересталъ. Помню, Карпъ Дементьичъ, что за тридцать тысячъ рублей, забранныхъ впередъ, ты тысячу пудъ льну прислалъ должникамъ на раздѣлъ. — Ей больше невозможно было, повѣрь моей совѣсти. — Конечно, и на заморскіе товары былъ въ томъ году неурожай. Ты забралъ тысячъ на двадцать... Да, помню; на нихъ пришла головная боль... Подлинно, благодѣтель, у меня голова такъ болѣла, что чуть не треснула. Да чѣмъ могутъ заимодавцы мои на меня жаловаться? Я имъ отдалъ все мое имѣніе. По три копѣйки на рубль... Никакъ нѣтъ-ста: по пятнадцати. — А женинъ домъ... Какъ мнѣ до него коснуться: онъ не мой. — Скажи же, чѣмъ ты торгуешь? — Ничѣмъ, ей, ничѣмъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ въ несостояніе, парень мой торгуетъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, слава Богу, поставилъ льну на двадцать тысячъ. — На будущее, конечно,

законтракуеть на пятьдесятъ, возьметъ половину денегъ впередъ, и молодой женѣ построить домъ... Алексѣй Карповичъ только что улыбається... Старинный шутникъ, благодѣтель мой. Полно молоть пустяки; возьмемъ за дѣло. Я не пью, ты знаешь. — Да хотъ прикушай.

Прикушай, прикушай... Я почувствовалъ, что у меня щеки начали рдѣть, и подъ конецъ пира, я бы, какъ и другіе, напился пьянъ. Но, по счастью, вѣкъ за столомъ сидѣть нельзя, такъ, какъ всегда быть умнымъ невозможно. И по той самой причинѣ, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебномъ пиру я былъ трезвъ.

Вышедъ отъ пріятеля моего Карпа Дементьича, я впалъ въ размышленіе. Введенное повсюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговымъ обязательствамъ взысканіе, почиталъ я доселѣ охраняющимъ довѣріе законоположеніемъ; почиталъ счастливымъ новыхъ временъ изобрѣтеніемъ, для усугубленія быстрога въ торговлѣ обращенія, чего древнимъ народамъ на умъ не приходило. Но отчего же, буде нѣтъ честности въ дающемъ, вексельное обязательство, отчего оно тщетная только бумажка? Если бы строгаго взысканія по вексямъ не существовало, уже ли бы торговля исчезла? Не заимодавецъ ли долженъ знать, кому онъ довѣряетъ? О комъ законоположеніе болѣе пецися долженствуетъ, о заимодавцѣ ли или о должникѣ? Кто болѣе въ глазахъ человѣчества заслуживаетъ уваженія, заимодавецъ ли, теряющій свой капиталъ, для того что не зналъ, кому довѣрилъ, или должникъ въ оковахъ и въ темницѣ? Съ одной стороны, легковѣрность, съ другой — почти воровство. Тотъ повѣрилъ, надѣясь на строгое законоположеніе, а сей... А если бы взысканіе по вексямъ не было столь строгое? Не было бы мѣста

легковѣрію, не было бы, можетъ быть, плутовства въ
вексельныхъ дѣлахъ... Я началъ опять думать, прежняя
система пошла къ чорту, и я легъ спать съ пустою
головою.

Бронницы.

Между тѣмъ, какъ въ кибиткѣ моей лошадей перемѣняли, я захотѣлъ посѣтить высокую гору, близъ Бронницъ находящуюся; на которой, сказываютъ, въ древнія времена, до пришествія, думаю, славянъ, стоялъ храмъ, славившійся тогда издаваемыми въ ономъ прорицаніями, для слышанія коихъ многіе сѣверные владѣльцы прихаживали. На томъ мѣстѣ, повѣствуютъ, гдѣ нынѣ стоитъ село Бронницы, стоялъ извѣстный въ сѣверной древней исторіи городъ Холмоградъ. Нынѣ же, на мѣстѣ славнаго древняго капища, построена малая церковь.

Восходя на гору, я вообразилъ себя преселеннаго въ древность и пришедшаго, да познаю отъ державнаго Божества грядущее, и обрящу спокойствіе моей нерѣшимости. Божественный ужасъ объемлетъ мои члены, грудь моя начинаетъ воздыматься, взоры мои тупѣютъ и свѣтъ въ нихъ меркнетъ. Мнѣ слышится гласъ грома подобный, вѣщай: безумный! по что желаешь познати тайну, которую я сокрылъ отъ смертныхъ непроницаемымъ покровомъ неизвѣстности? По что, о дерзновенный! познати жаждешь то, что едина мысль предвѣчная постигать можетъ? Вѣдай, что неизвѣстность будущаго соразмѣрна бренности твоего сложенія. Вѣдай, что предузнанное блаженство теряетъ свою сладость долговременнымъ ожиданіемъ, что прелестность настоящаго веселія, нашедъ утомленныя силы, немощна произвести въ душѣ столь пріятнаго дрожанія, какое веселіе получаетъ отъ нечаянности. Вѣдай, что предузнанная гибель отнимаетъ безвременно спокойствіе, отравляетъ утѣхи, ими же наслаждался бы, если бы скончанія ихъ не предузналъ. Чего ищещи, чадо безразсудное? Премудрость моя все нужное насадила въ

разумѣ твоємъ и сердцѣ. Вопросы ихъ во дни печали, и обрящешь утѣшителей. Вопросы ихъ во дни радости, и найдешь обуздателей наглаго счастія. Возвратись въ домъ свой, возвратись къ семьѣ своей: успокой востревоженный мысли: вниди во внутренность свою, тамъ обрящешь мое Божество, тамъ услышишь мое вѣщаніе. — И трескъ сильнаго удара, гремящаго во власти Перуна, раздался въ долинахъ далеко... Я опомнился... Достигъ вершины горы, и узрѣвъ церковь, возвелъ я руки на небо. Господи, возопилъ я, се храмъ твой, се храмъ, вѣщаютъ истиннаго единаго Бога. На мѣстѣ семъ, на мѣстѣ твоего нынѣ пребыванія, повѣствуютъ, стоялъ храмъ заблужденія. Но не могу повѣрить, о Всесильный! чтобы человѣкъ мольбу сердца своего возсылалъ ко другому какому либо существу, а не къ тебѣ. Мощная десница твоя, невидимо всюду простертая, и самага отрицателя всемогущія воли твоея нудить признавати, природы строителя и содержателя. Если смертный, въ заблужденіи своемъ, странными, непристойными и звѣрскими нарицаеть тебя именованиями, почитаніе его, однако же, стремится къ тебѣ предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитеръ, Брама; Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ Христіанъ, о Богъ мой! ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалось, не тебя чтили единаго; но боготворили они твои несравненныя силы, твои неуподобляемыя дѣла, могущество твое, вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ покланяемо. Безбожникъ, тебя отрицающій, признавая природы законъ непремѣнный, тебѣ же приносить тѣмъ хвалу, хваля тебя паче нашего пѣснопѣнія. Ибо проникнутый до глубины своя изящностію твоего творенія, ему предстоитъ трепетень... Ты ищешь, отецъ всещедрый,

искренняго сердца и души непорочной; они отверзты вездѣ на твое пришествіе. Сниди, Господи, и воцарися въ нихъ. — И пребылъ я нѣсколько мгновеній отриновень окрестныхъ мнѣ предметовъ, низшедъ во внутренность мою глубоко... Возведъ потомъ очи мои, обративъ взоры на близъ стоящія селенія, се хижины уничиженія, вѣщаль я, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда градъ великій гордыя возносилъ свои стѣны. Ни малѣйшаго даже признака оныхъ не осталось. Разсудокъ претитъ имѣти вѣру и самой повѣсти, столь жаждущъ онъ убѣдительныхъ и чувственныхъ доводовъ... И все, что зримъ, пройдетъ; все рушится, все будетъ прахъ. Но нѣкій тайный гласъ вѣщаетъ мнѣ: пребудетъ нѣчто во вѣки живо.

Съ теченіемъ временъ, всѣ звѣзды помрачатся,
померкнетъ солнца блескъ; природа, обветшавъ
лѣтъ дряхлостью, падетъ.
Но ты во юности безсмертной процвѣтешь,
незыблемый среди сраженія стихіевъ,
развалинъ вещества, міровъ всѣхъ разрушеня *.

* Смерть Катонна, трагедія Еддесонова. Дѣйствіе V, явлен. I.

Зайцово.

Въ Зайцовѣ, на почтовомъ дворѣ, нашель я давнишняго моего пріятеля Г. Крестьянкина. Я съ нимъ знакомъ былъ съ ребячества. Рѣдко мы бывали въ одномъ городѣ; но бесѣды наши хотя нечасты, были однакоже откровенны. Г. Крестьянкинъ долго находился въ военной службѣ, и наскучивъ жестокостями оной, а особливо во время войны, гдѣ великія насилія, именемъ права войны прикрываются, перешель въ статскую. Но несчастію его, и въ статской службѣ не избѣгнулъ того, отъ чего оставляя военную, удалиться хотѣлъ. Душу онъ имѣлъ очень чувствительную и сердце челоуѣколюбивое. Дознанныя его столь превосходныя качества доставили ему мѣсто предсѣдателя уголовной палаты. Сперва не хотѣлъ онъ на себя принять сего званія, но помысливъ нѣсколько, сказалъ онъ мнѣ: мой другъ, какое обширное поле отверзается мнѣ на удовлетвореніе любезнейшей склонности моя души! какое упражненіе для мягкосердія! Сокрушимъ скипетръ жестокости, которой столь часто тягчить рамена невинности; да опустѣють темницы и да не узритъ ихъ оплошivating слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодѣяніе да не вмѣнится николи. О мой другъ! исполненіемъ моя должности источу слезы родителей о чадахъ, воздыханія супруговъ; но слезы сіи будутъ слезы обновленія во благо. Но изсякнуть слезы страждущей невинности и простодушія. Колико мысль сія меня восхищаетъ. Пойдемъ, ускорить отъѣздъ мой. Можетъ быть, скорое прибытіе мое тамъ нужно. Замедля, могу быть убійцею, не предупреждая заключенія или обвиненія прощениемъ или разрѣшеніемъ отъ узъ.

Съ таковыми мыслями поѣхалъ пріятель мой къ своему мѣсту. Сколь же много удивился я, узнавъ отъ

него, что онъ оставилъ службу, и намѣренъ жить всегда въ отставкѣ. Я думалъ, мой другъ, говорилъ мнѣ Г. Крестъянкинъ, что услаждающую разсудокъ и обильную найду жатву въ исполненіи моего должності. Но вмѣсто того нашель я въ оной желчь и терніе. Теперь, наскучивъ оною, не въ силахъ будучи дѣлать добро, оставилъ мѣсто истинному хищному звѣрю. Въ короткое время, онъ заслужилъ похвалу скорымъ рѣшеніемъ залегающихъ дѣлъ; а я прослылъ копоткимъ. Иные почитали меня иногда мздоимцемъ за то, что не спѣшилъ отягчить жребія несчастныхъ, впадающихъ въ преступленіе нерѣдко по неволѣ. До вступленія моего въ статскую службу, пріобрѣлъ я лестное для меня названіе челоуѣколюбиваго начальника. Теперь самое то же качество, коимъ сердце мое толико гордилось, теперь почитаютъ послабленіемъ или непозволительною понаровкою. Видѣлъ я рѣшенія мои осмѣянными въ томъ самомъ, что ихъ изящными дѣлало; видѣлъ ихъ оставляемыми безъ дѣйствія. Съ презрѣніемъ взиралъ, что для освобожденія дѣйствительнаго злодѣя и вреднаго обществу члена, или дабы наказать мнимыя преступленія лишеніемъ имѣнія, чести, жизни, начальникъ мой, будучи не въ силахъ меня преклонить на беззаконное очищеніе злодѣйства, или на обвиненіе невинности, преклонялъ къ тому моихъ сочленовъ, и нерѣдко я видѣлъ благія мои расположенія исчезавшими, яко дымъ въ пространствѣ воздуха. Они же, во мзду своего гнуснаго послушанія, получили почести, кои въ глазахъ моихъ столь же были тусклы, сколь ихъ прельщали своимъ блескомъ. Нерѣдко въ затруднительныхъ случаяхъ, когда увѣреніе въ невинности названнаго преступникомъ меня побуждало на мягкосердіе, я прибѣгалъ къ закону, дабы искати въ немъ podporу моей нерѣшимости: но часто въ немъ находилъ, вмѣсто челоуѣколюбія, жестокость, которая начало свое имѣла

не въ самомъ законѣ, но въ его обветшалости. Несоразмерность наказанія преступленію часто извлекала у меня слезы. Я видѣлъ (да и можетъ ли быть иначе), что законъ судить о дѣяніяхъ, не касаяся причинъ, оныя производившихъ. И послѣдній случай, къ такому дѣянію относящійся, понудилъ меня оставить службу. Ибо невозможши спасти винныхъ, мощною судьбы рукою въ преступленіе вовлеченныхъ, я не хотѣлъ быть участникомъ въ ихъ казни. Невозможши облегчить ихъ жребія, омылъ руки мои въ моей невинности, и удалился жестокосердія.

Въ губерніи нашей жилъ одинъ дворянинъ, который за нѣсколько уже лѣтъ оставилъ службу. Вотъ его послушной списокъ. Началь службу свою при дворѣ истопникомъ, произведенъ лакеемъ, камерлакеемъ, потомъ мундшенкомъ; какія достоинства надобны для прохожденія сихъ степеней придворныя службы, мнѣ неизвѣстно. Но знаю то, что онъ вино любилъ до послѣдняго издыханія. Пробывъ въ мундшенкахъ лѣтъ 15, отосланъ былъ въ герольдію, для опредѣленія по его чину. Но онъ, чувствуя свою неспособность къ дѣламъ, выпросился въ отставку, и награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ то мѣсто, гдѣ родился, то есть въ нашу губернію, лѣтъ шесть тому назадъ. Отличная привязанность къ своей отчизнѣ нерѣдко основаніе имѣеть въ тщеславіи. Человѣкъ низкаго состоянія, добившійся въ знатность, или бѣднякъ, пріобрѣвшій богатство, сотряси всю стыдливости застѣнчивость, послѣдній и слабѣйшій корень добродѣтели, предпочитаетъ мѣсто своего рожденія на распростертіе своея пышности и гордыни. Тамъ скоро ассессоръ нашелъ случай купить деревню, въ которой поселился съ немалою своею семьею. Если бы у насъ родился Гогардъ, то бы обильное нашелъ поле на каррикатуры въ семействѣ г. ассессора. Но я худой

живописецъ; или если бы я могъ въ чертахъ лица читать внутренности чловѣка съ Лафатеровою пронизательностію, то бы и тогда картина ассессоровой семьи была примѣчанія достойна. Не имѣя сихъ свойствъ, заставлю вѣщать ихъ дѣянія, кои всегда истинныя суть черты душевнаго образованія.

Г. ассессоръ, произошедъ изъ самаго низкаго состоянія, зрѣлъ себя повелителемъ нѣсколькихъ сотенъ себѣ подобныхъ. Сіе вскружило ему голову. Не одинъ онъ жаловаться можетъ, что употребленіе власти вскружаетъ голову. Онъ себя почелъ высшаго чина, крестьянъ почиталъ скотами, данными ему (едва не думалъ ли онъ, что власть его надъ ними отъ Бога проистекаетъ), да употребляетъ ихъ въ работу по произволенію. Онъ былъ корыстолюбивъ, копилъ деньги, жестокъ отъ природы, вспылчивъ, подлъ, а потому надъ слабѣйшими его надмененъ. Изъ сего судить можешь, какъ онъ обходился съ крестьянами. Они у прежняго помѣщика были на оброкѣ, онъ ихъ посадилъ на пашню; отнял у нихъ всю землю, скотину всю у нихъ купилъ по цѣнѣ, какую самъ опредѣлилъ, заставилъ работать всю недѣлю на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину. Если который казался ему лѣнивъ, то сѣкъ розгами, плетью, батожемъ, или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности; за дѣйствительныя преступленія, какъ то: кражу, не у него, но у постороннихъ, не говорилъ ни слова. Казалось, будто хотѣлъ въ деревнѣ своей возобновить нравы древняго Лакедемона или Запорожской сѣчи. Случилось, что мужики его для пропитанія, на дорогѣ ограбили проѣзжаго, другого потомъ убили. Онъ ихъ въ судъ за то не отдалъ, но скрылъ ихъ у себя, объявля правительству, что они бѣжали; говоря, что ему прибыли не будетъ, если крестьянина его высѣкутъ кнутомъ и сошлютъ въ работу

за злодѣяніе. Если кто изъ крестьянъ что-нибудь укралъ у него, того онъ сѣкъ, какъ за лѣность, или за дерзкой или остроумной отвѣтъ, но сверхъ того, надѣвалъ на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы могъ я тебѣ рассказать его мудрыхъ распоряженій; но сего довольно, для познанія моего ироя. Сожительница его полную власть имѣла надъ бабами. Помощниками въ исполненіи ея велѣній были ея сыновья и дочери, какъ то и у ея мужа. Ибо сдѣлали они себѣ правиломъ, что бы ни для какой нужды крестьянъ отъ работы не отвлекать. Во дворѣ людей было: одинъ мальчикъ, купленной имъ въ Москвѣ, парикмахеръ дочернинъ, да повариха старуха. Кучера у нихъ не было, ни лошадей; развѣзжалъ всегда на пахотныхъ лошадяхъ. Плетями или кошками сѣкли крестьянъ сами сыновья. По щекамъ били, или за волосы таскали бабъ и дѣвокъ дочери. Сыновья, въ свободное время, ходили по деревнѣ или въ полѣ играть и безчинничать съ дѣвками и бабами, и никакая не избѣгала ихъ насилія. Дочери, не имѣя жениховъ, вымѣщали свою скуку надъ прядильницами, изъ которыхъ онѣ многихъ изувѣчали. Суди самъ, мой другъ, какой конецъ могъ быть таковымъ поступкамъ. Я примѣтилъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, что русской народъ очень терпѣливъ, и терпитъ до самой крайности; но когда конецъ положить своему терпѣнію, то ничто не можетъ его удержать, чтобы не преклонился на жестокость. Сіе самое и случилось съ ассессоромъ. Случай къ тому подалъ неистовой и безпутной или, лучше сказать, звѣрской поступокъ одного изъ его сыновей.

Въ деревнѣ его была крестьянская дѣвка, недурна собою, сговоренная за молодого крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну ассессора, которой употребилъ все возможное, чтобы ее привлечь къ себѣ въ любовь; но крестьянка вѣрна

пребывала въ данномъ жениху ея обѣщаніи, что хотя рѣдко въ крестьянствѣ случается, но возможно. Въ воскресенье должно было быть свадьбѣ. Отецъ жениха, по введенному у многихъ помѣщиковъ обычаю, пошелъ съ сыномъ на господской дворъ, и понесъ повѣнечные два пуда меду къ своему господину. Сію то послѣднюю минуту дворянчикъ и хотѣлъ употребить на удовлетвореніе своей страсти. Взялъ съ собою обоихъ своихъ братьевъ, и вызвавъ невѣсту чрезъ посторонняго мальчика на дворъ, потащилъ ее въ клѣтъ, зажавъ ей ротъ. Не будучи въ силахъ кричать, она сопротивлялася всѣми силами звѣрскому намѣренію своего молодого господина. Наконецъ, перевозоженная всѣми тремя, принуждена была уступить силѣ; и уже сіе скверное чудовище началъ исполненіемъ умышенное, какъ женихъ, возвратившись изъ господскаго дома, вошелъ на дворъ, и увидя одного изъ господчиковъ у клѣтки, усомнился о ихъ зломъ намѣреніи. Кликнувъ отца своего къ себѣ на помощь, онъ быстрѣе молніи полетѣлъ ко клѣтѣ. Какое зрѣлище представилося ему. При его приближеніи затворилась клѣтъ; но совокупныя силы двухъ братьевъ немощны были удержать стремленія разъяреннаго жениха. Онъ схватилъ близлежащій колъ, и вскопча въ клѣтъ, ударилъ вдоль спины хищника своей невѣсты. Они было хотѣли его схватить, но видя отца женихова бѣгущаго съ коломъ же на помощь, оставили свою добычу, выскочили изъ клѣтки и побѣжали. Но женихъ, догнавъ одного изъ нихъ, ударилъ его коломъ по головѣ и ее проломилъ. Сіи злодѣи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо къ отцу и сказали ему, что ходя по деревнѣ, они встрѣтились съ невѣстою, съ ней пошутили; что увидя женихъ ея началъ ихъ бить, будучи вспомогаемъ своимъ отцомъ. Въ доказательство, показывали у одного изъ братьевъ голову. Раздраженный до внутренности сердца болѣзнію своего

рожденія, отецъ воскипѣлъ гнѣвомъ ярости. Немедля велѣлъ привести предъ себя всѣхъ трехъ злодѣевъ, такъ онъ называлъ жениха, невѣсту и отца женихова. Представшимъ имъ предъ него первой вопросъ его былъ о томъ, кто проломилъ голову его сыну. Женихъ въ сдѣланномъ не отперся, рассказавъ все происшествіе. Какъ ты дерзнулъ, говорилъ старый ассессоръ, поднять руку на твоего господина? А хотя бы онъ съ твоею невѣстою и ночь переспалъ наканунѣ твоея свадьбы, то ты ему за то долженъ быть благодаренъ. Ты на ней не женишься; она у меня останется въ домѣ, а вы будете наказаны. По такому рѣшеніи, жениха велѣлъ онъ сѣчь кошками немилосердно, отдавъ его въ волю своихъ сыновей. Побой вытерпѣлъ онъ мужественно; неробкимъ духомъ смотрѣлъ, какъ начали надъ отцомъ его то же производить истязаніе. Но не могъ вытерпѣть, какъ онъ увидѣлъ, что невѣсту господскія дѣти хотели вести въ домъ. Наказаніе происходило на дворѣ. Въ одно мгновеніе, выхватилъ онъ ее изъ рукъ, ее похищающихъ, и освобожденные побѣжали оба со двора. Сіе видя, барскіе сыновья перестали сѣчь старика и побѣжали за ними въ погоню. Женихъ, видя, что они его настигать начали, выхватилъ заборину и сталъ защищаться. Между тѣмъ, шумъ привлекъ другихъ крестьянъ ко двору господскому. Они, соболѣзнуя о участи молодого крестьянина и имѣя сердце озлобленное противъ своихъ господъ, его заступили. Видя сіе, ассессоръ, побѣжавъ самъ, началъ ихъ бранить и перваго, кто встрѣтился, ударилъ своею тростию столь сильно, что упалъ безчувственъ на землю. Сіе было сигналомъ къ общему наступленію. Они окружили всѣхъ четверыхъ господъ, и коротко сказать, убили ихъ до смерти на томъ же мѣстѣ. Толико ненавидѣли они ихъ, что ни одинъ не хотѣлъ миновать, чтобы не быть участникомъ въ семъ убійствѣ, какъ то они сими послѣ призналися. Въ самое то время,

случилося ѣхать тутъ исправнику той округи, съ командою. Онъ былъ частію очевиднымъ свидѣтелемъ сему происшествію. Взявъ виновныхъ подъ стражу, а виновныхъ была половина деревни, произвелъ слѣдствіе, которое постепенно дошло до уголовной палаты. Дѣло было выведено очень ясно, и виновные во всемъ признавались, въ оправданіе свое приводя только мучительскіе поступки своихъ господъ, о которыхъ уже вся губернія была извѣстна. Таковому дѣлу я обязанъ былъ по долгу моего званія положить окончательное рѣшеніе, приговорить виновныхъ къ смерти и вмѣсто оной къ торговой казни и вѣчной работѣ.

Разсматривая сіе дѣло, я не находилъ достаточной и убѣдительной причины къ обвиненію преступниковъ. Крестьяне, убившіе господина своего, были смертоубійцы. Но смертоубійство сіе не было ли принужденно? Не причиною ли онаго самъ убитой ассессоръ? Если въ ариѳметикѣ изъ двухъ данныхъ числъ третье слѣдуетъ непрекословно; то и въ семъ происшествіи слѣдствіе было необходимо. Невинность убійць, для меня по крайней мѣрѣ, была математическая ясность. Если идущу мнѣ, нападаетъ на меня злодѣй, и вознести надъ главою моею кинжалъ, восхочетъ меня имъ пронзить, убійцею ли я почтуса, если я предупрежу его въ его злодѣяніи, и бездыханнаго его къ ногамъ моимъ повергну. Если нынѣшняго вѣка скосырь, привлекшій должное на себя презрѣніе, восхочетъ оное на мнѣ отомстить, и встрѣтясь со мною въ уединенномъ мѣстѣ, вынувъ шпагу, сдѣлаетъ на меня нападеніе, да лишитъ меня жизни или, по крайней мѣрѣ, да уязвитъ меня; виновенъ ли я буду, если извлеки мой мечъ на защищеніе мое, я избавлю общество отъ тревожащаго спокойствіе его члена? Можно ли почестъ дѣяніе оскорбляющимъ сохранность члена общественнаго, если я исполню его для моего спасенія, если оно предупредитъ

мою пагубу, если безъ того благосостояніе мое будетъ плачевно на вѣки?

Исполненъ таковыми мыслями, можешь самъ вообразить терзаніе души моей, при разсмотрѣніи сего дѣла. Съ обыкновенною откровенностію, сообщилъ я мои мысли моимъ сочленами. Всѣ возопили противъ меня единымъ гласомъ. Мягкосердіе и человѣколюбіе почитали они виновнымъ защищеніемъ злодѣяній: называли меня поощрителемъ убійства; называли меня сообщникомъ убійцевъ. По ихъ мнѣнію, при распространеніи моихъ вредныхъ мнѣній, исчезнетъ домашняя сохранность. Можетъ ли дворянинъ, говорили они, отнынѣ жить въ деревнѣ покоенъ? Можетъ ли онъ видѣть велѣнія его исполняемы? Если слушники воли господина своего, а паче его убійцы, невинными признаваемы будутъ, то повиновеніе прервется, связь домашняя рушится, будетъ паки хаосъ, въ начальныхъ обществахъ обитающій. Земледѣліе умретъ, орудія его сокрушатся, нива запустѣетъ и бесплоднымъ поростетъ злакомъ; поселяне, не имѣя надъ собою власти, скитаться будутъ въ лѣности, тунеядствѣ и разъидутся. Города почувствуютъ властодержавную десницу разрушенія. Чуждо будетъ гражданамъ ремесло, руководѣліе скончаетъ свое прилежаніе и рачительность, торговля изсякнетъ въ источникъ своемъ, богатство уступитъ мѣсто скаредной нищетѣ, великолѣпнѣйшія зданія обветшаютъ, законы затмятся и поростутъ недѣйствительностію. Тогда огромное сложеніе общества начнетъ валиться на части, и издыхати въ отдаленности отъ цѣлаго; тогда престоль царскій, гдѣ нынѣ опора, крѣпость и сопряженіе общества зиждутся, обветшаетъ и сокрушится; тогда Владыка народовъ почтется простымъ гражданиномъ, и общество узритъ свою кончину. Сію достойную адскія кисти картину тщилися мои сотоварищи предлагать взорамъ всѣхъ, до кого слухъ о

семь дѣлѣ доходилъ. Предсѣдателю нашему, вѣщали они, сродно защищать убійство крестьянъ. Спросите, какого онъ происхожденія? Если не ошибаемся, онъ самъ въ молодости своей изволилъ ходить за сохою. Всегда новостатейные сіи дворянчики странныя имѣютъ понятія о природномъ надѣ крестьянами дворянскомъ правѣ. Если бы отъ него зависѣло, онъ бы, думаемъ, всѣхъ насъ поверсталъ въ однодворцы, дабы тѣмъ уравнилъ съ нами свое происхожденіе. Такими то словами мнили сотоварищи мои оскорбить меня, и ненавистнымъ сдѣлать всему обществу. Но симъ не удовольствовались. Говорили, что я пріялъ мзду отъ жены убитаго ассессора, да не лишится она крестьянъ своихъ, отсылкою ихъ въ работу, и что сія то истинная была причина страннымъ и вреднымъ моимъ мнѣніямъ, право всего дворянства вообще оскорбляющимъ. Несмысленные думали, что посмѣяніе ихъ меня уязвитъ, что клевета поругаетъ, что лживое представленіе добраго намѣренія отъ онаго меня отвлечетъ! Сердце мое имъ было неизвѣстно. Не знали они, что нетрепетень всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мои не рдѣли багровымъ румянцемъ совѣсти.

Мздоимство мое основали они на томъ, что ассессорша за мужнину смерть мститъ не желала, а сопровождаема своею корыстію и слѣдую правиламъ своего мужа, желала крестьянъ избавить отъ наказанія, дабы не лишиться своего имѣнія, какъ то она говорила. Съ таковою просьбою она пріѣзжала и ко мнѣ. На прощеніе за убіеніе ея мужа я съ ней былъ согласенъ; но разнствовали мы въ побужденіяхъ. Она увѣряла меня, что сама довольно ихъ накажетъ; а я увѣрялъ ее, что оправдывая убійцевъ ея мужа, не надлежало ихъ подвергать болѣе той же крайности, дабы паки не были злодѣями, какъ то ихъ называли несвойственно.

Скоро Намѣстникъ извѣстенъ сталъ о моемъ

по сему дѣлу мнѣніи, извѣстенъ, что я старался преклонить сотоварищей моихъ на мои мысли, и что они начинали колебаться въ своихъ разсужденіяхъ; къ чему однако же не твердость и убѣдительность моихъ доводовъ способствовали, но деньги ассессорши. Будучи самъ воспитанъ въ правилахъ неоспоримой надъ крестьянами власти, съ моими разсужденіями онъ не могъ быть согласенъ, и вознегодовалъ, усмотрѣвъ, что они начинали въ сужденіи сего дѣла преимуществовать, хотя различныхъ причинъ. Посылаетъ онъ за моими сочленами, увѣщаетъ ихъ, представляетъ гнусность такихъ мнѣній, что они оскорбительны для дворянскаго общества, что оскорбительны для верховной власти, нарушая ея законоположенія; обѣщаетъ награжденіе исполняющимъ законъ, претя мщеніемъ неповинующимся оному; и скоро сихъ слабыхъ судей, не имѣющихъ ни правилъ въ размышленіяхъ, ни крѣпости духа, преклоняетъ на прежнія ихъ мнѣнія. Не удивился я, увидѣвъ въ нихъ перемѣну, ибо не дивился и прежде въ нихъ воспослѣдовавшей. Сродно хилымъ, робкимъ и подлымъ душамъ содрогаться отъ угрозы власти и радоваться ея привѣтствію.

Намѣстникъ нашъ, превративъ мнѣнія моихъ сотоварищей, вознамѣрился и ласкалъ себя, можетъ быть, превратить и мое. Для сего намѣренія позвалъ меня къ себѣ, поутру, въ случившійся тогда праздникъ. Онъ принужденъ былъ меня позвать, ибо я не хаживалъ никогда на сіи безразсудныя поклоненія, которыя гордость почитаетъ въ подчиненныхъ должностію, лесть нужными, а мудрецъ мерзительными и человѣчеству поносными. Онъ избралъ нарочно день торжественный, когда у него много людей было въ собраніи: избралъ нарочно для слова своего публичное собраніе, надѣяся, что тѣмъ разительнѣе убѣдитъ меня. Онъ надѣялся найти во мнѣ или боязнь души, или слабость мыслей.

Противъ того и другого устремилъ онъ свое слово. Но я за нужное не нахожу пересказывать тебѣ все то, чѣмъ надменность, ощущеніе власти и предубѣжденіе къ своему проницанію и учености одушевляло его витійство. Надменности его отвѣтствовалъ я равнодушіемъ и спокойствіемъ, власти непоколебимостію, доводамъ доводами, и долго говорилъ хладнокровно. Но, наконецъ, содрогшееся сердце разліяло свое избыточество. Чѣмъ больше видѣлъ я угожденія въ предстоящихъ, тѣмъ порывистѣе становился мой языкъ. Незыблемымъ гласомъ и звонкимъ произношеніемъ возопилъ я наконецъ сице. Человѣкъ рождается въ міръ равенъ во всемъ другому. Всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю. Слѣдственно, человѣкъ, безъ отношенія къ обществу, есть существо ни отъ кого не зависящее въ своихъ дѣяніяхъ. Но онъ кладетъ онымъ преграду, согласуется не во всемъ своей единой повиноваться волѣ, становится послушенъ велѣніямъ себѣ подобнаго, словомъ становится гражданиномъ. Какія же ради вины, обуздываетъ онъ свои хотѣнія? по что поставляетъ надъ собою власть? почто, безпредѣленъ въ исполненіи своей воли, послушанія чертою оную ограничиваетъ? Для своя пользы, скажетъ разсудокъ; для своя пользы, скажетъ внутреннее чувствованіе: для своя пользы, скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно, гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ. Слѣдственно, тотъ, кто восхощетъ его лишитъ пользы гражданскаго званія, есть его врагъ. Противъ врага своего онъ защиты и мщенія ищетъ въ законѣ. Если законъ, или не въ силахъ его заступитъ, или того не хочетъ, или власть его не можетъ мгновенное, въ предстоящей бѣдѣ, дать вспомошествованіе, тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія, сохранности, благосостоянія. Ибо

гражданинъ, становяся гражданиномъ, не перестаетъ быть человѣкомъ, коего первая обязанность, изъ сложенія его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояніе. Убіенный крестьянами ассессоръ нарушилъ въ нихъ право гражданина своимъ звѣрствомъ. Въ то мгновеніе, когда онъ потакалъ насилію своихъ сыновей, когда онъ къ болѣзни сердечной супруговъ присовокуплялъ поруганіе, когда на казнь подвигался, видя сопротивленіе своему адскому властвованію: тогда законъ, стрегущій гражданина, былъ въ отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался законъ природы, и власть обиженнаго гражданина, неотъемлемая закономъ положительнымъ въ обидѣ его, приходила въ дѣйствительность; и крестьяне, убившіе звѣрскаго ассессора, въ законѣ обвиненія не имѣютъ. Сердце мое ихъ оправдаетъ, опираясь на доводахъ разсудка, и смерть ассессора хотя насильственная есть правильна. Да не возмнитъ кто либо искать въ благоразуміи политики, въ общественной тишинѣ довода къ осужденію на казнь убійцевъ въ злобѣ духъ испустившаго ассессора. Гражданинъ, въ какомъ бы состояніи небо родится ему ни судило, есть и пребудетъ всегда человѣкъ; а доколѣ онъ человѣкъ, право природы, яко обильный источникъ благъ, въ немъ не изсякнетъ никогда; и тотъ, кто дерзнетъ его уязвить въ его природной и ненарушимой собственности, тотъ есть преступникъ. Горе ему, если законъ гражданскій его не накажетъ. Онъ замѣченъ будетъ чертою мерзвнія въ своихъ согражданахъ, и всякъ, имѣяй довольно силъ, да отмститъ на немъ обиду, имъ содѣланную... Умолкъ. Намѣстникъ не говорилъ мнѣ ни слова; изрѣдка подымалъ на меня поникшіе взоры, гдѣ господствовала ярость безсилія и мести злора. Всѣ молчали въ ожиданіи, что оскорбитель всѣхъ правъ, я взятъ буду подъ стражу.

Изрѣдка изъ устъ раболѣпія слышалось журчаніе негодованія. Всѣ отвращали отъ меня свои очи. Казалось, что близъ стоящихъ меня объялъ ужасъ. Непримѣтно удалились они, какъ отъ зараженнаго смертоносною язвою. Наскучивъ зрѣлищемъ толикаго смѣшенія гордыни съ низжайшею подлостію, я удалился изъ сего собранія льстецовъ.

Не нашедъ способовъ спасти невинныхъ убійць, въ сердцѣ моемъ оправданныхъ, я не хотѣлъ быть ни сообщникомъ въ ихъ казни, ниже оной свидѣтелемъ; подалъ прошеніе объ отставкѣ и, получивъ ее, ѣду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія и услаждать мою скуку обхожденіемъ съ друзьями. — Сказавъ сіе, мы разсталися, и поѣхали всякъ въ свою сторону.

Сей день путешествіе мое было неудачно; лошади были худы, выпрягались поминутно; наконецъ, спускаясь съ небольшой горы, ось у кибитки переломилась, и я далѣе ѣхать не могъ. Пѣшкомъ ходить мнѣ въ привычку. Взявъ посошокъ, отправился я впередъ къ почтовому стану. Но прогулка по большой дорогѣ не очень пріятна для петербургскаго жителя, не похожа на гулянье, въ лѣтнемъ саду или въ Баба, скоро меня утомила, и я принужденъ былъ сѣсть.

Между тѣмъ какъ я, сидя на камнѣ, чертилъ на пескѣ фигуры кой какія, нерѣдко кривобокія и кривоугольныя, думалъ я и то, и се, скачетъ мимо меня коляска. Сидящій въ ней, увидѣвъ меня, велѣлъ остановиться... и я въ немъ узналъ моего знакомаго... Что ты дѣлаешь? сказалъ онъ мнѣ.... Думу думаю. Времени довольно мнѣ на размышленіе; ось переломилась. Что новаго?.. Старая дрянь. Погода по вѣтру, то слякоть, то ведро. А!... Вотъ новенькое: Дурындинъ женился. — Неправда. Ему лѣтъ съ восемьдесятъ... Точно такъ. Да вотъ къ тебѣ письмо...

Читай на досугѣ; а мнѣ нужно поспѣшать. Прости, и — разстались.

Письмо было отъ моего пріятеля. Охотникъ до всякихъ новостей, онъ обѣщаль меня въ отсутствіи снабжать оными, и сдержаль слово. Между тѣмъ, къ кибиткѣ моей поддѣлали новую ось, которая, по счастью, была въ запасѣ... Ъдучи я читаль:

Петербургъ.

Любезный мой!

На сихъ дняхъ совершился здѣсь бракъ между 78 лѣтнимъ молодцомъ и 62 лѣтней молодкою. Причину толь престарѣлому спаренію отгадать тебѣ трудненько, если оной не скажу. Распусти уши, мой другъ, и услышишь... Госпожа Ш... витязъ въ своемъ родѣ непослѣдній, 62 лѣтъ, вдова съ 25 лѣтняго своего возраста. Была замужемъ за купцомъ, неудачно торговавшимъ: лицомъ смазлива; оставшись послѣ мужа бѣдною сиротою и вѣдая о жестокосердіи собратій своего мужа, не захотѣла прибѣгнуть къ прошенію надменной милостыни, но заблагоразсудила, кормиться своими трудами. Доколѣ красота юности водилась на ея лицѣ, во всегдашней была работѣ, и щедрюю получала отъ охотниковъ плату. Но коль скоро примѣтила, что красота ея начинала увядать, и любовныя заботы уступили мѣсто скучливому одиночеству, то взялась она за умъ и, не находя больше покупателей на обветшалыя свои прелести, начала торговать чужими, которыя, если невсегда имѣли достоинство красоты, имѣли хотя достоинство новости. Симъ способомъ наживъ себѣ нѣсколько тысячъ, она съ честію изъѣялась изъ презрительнаго общества сводень, и начала въ ростъ отдавать деньги, своимъ и чужимъ безстыдствомъ нажитая. По времени забыто прежнее ея ремесло, и

бывшая сводня стала нужная въ обществѣ мотовъ тварь. Проживъ покойно до 62 лѣтъ, нелегкое надоумило ее собраться замужъ. Всѣ ея знакомые тому дивятся. Пріятельница ея ближняя Н... пріѣхала къ ней... Слухъ носится, душа моя, говоритъ она посѣдѣлой невѣстѣ, что ты собралась замужъ. Мнѣ кажется, солгано. Какой-нибудь насмѣшникъ выдумалъ сію басню.

Ш. Правда совершенная. Завтра сговоръ, пріѣзжай пировать съ нами.

Н. Ты съ ума сошла. Неужели старая кровь разыгралась; неужели какой молокососъ подбился къ тебѣ подъ крылышко?

Ш. Ахъ, matka моя! не кстати ты меня наравнѣ съ молодыми считаешь вѣтреницами. Я мужа беру по себѣ...

Н. Да то я знаю, что придетъ по тебѣ. Но вспомни, что насъ любить нельзя и не для чего, развѣ для денегъ.

Ш. Я такого не возьму, который бы мнѣ могъ измѣнить. Женихъ мой меня старѣе 16 годами.

Н. Ты шутишь!

Ш. По чести правда: баронъ Дурындинъ.

Н. Нельзя этому статься.

Ш. Пріѣзжай завтра ввечеру: ты увидишь, что лгать не люблю.

Н. А хотя и такъ, вѣдь онъ не на тебѣ женится, но на твоихъ деньгахъ.

Ш. А кто ему ихъ дастъ? Я въ первую ночь такъ не обезумѣю, чтобы ему отдать все мое имѣніе; уже то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебряныя и другая дрянъ, оставшаяся у меня въ закладѣ, которой съ рукъ нельзя сбыть — вотъ весь барышъ любезнаго моего женижка. А если онъ неугомонно спитъ, то сгоню съ постели.

Н. Ему хоть табакерочка перепадетъ, а тебѣ въ

немъ что проку?

Ш. Какъ, matka? Сверхъ того, что въ нынѣшнія времена, нехудо имѣть хорошій чинъ, что меня называть будутъ: ваше высокородіе, а кто поглупѣе: ваше превосходительство: но будетъ таки кто-нибудь, съ кѣмъ, въ долгіе зимніе вечера, можно хотъ поиграть въ бирюльки. А нынѣ сиди, сиди, все одна; да и того удовольствія не имѣю, когда чхну, чтобъ кто говорилъ: здравствуй. А какъ мужъ будетъ свой, то какой бы насморкъ ни былъ, все слышать буду: здравствуй, мой свѣтъ, здравствуй, моя душенька....

Н. Прости, матушка.

Ш. Завтра сговоръ, а черезъ недѣлю свадьба.

Н. (Уходитъ).

Ш. (Чхаеть). Небось не воротится. То ли дѣло, какъ мужъ свой будетъ!

Не дивись, мой другъ! на свѣтѣ все колесомъ вертится. Сегодня умное, завтра глупое въ модѣ. Надѣюсь, что и ты много увидишь дурындиныхъ. Ежели не женитьбою всегда отличаются, то другимъ чѣмъ либо. А безъ дурындиныхъ свѣтъ не простоялъ бы трехъ дней.

Крестцы.

Въ Крестцахъ я былъ свидѣтелемъ разстанія у отца съ дѣтьми, которое меня тѣмъ чувствительнѣе тронуло, что я самъ отецъ и скоро, можетъ быть, съ дѣтьми разставаться буду. Несчастнѣйшій предразсудокъ дворянскаго званія велитъ имъ итти въ службу. Одно названіе сіе приводитъ всю кровь въ необычайное движеніе! Тысячу противъ одного держать можно, что изо ста дворянчиковъ, вступающихъ въ службу, 98 становятся повѣсами, а два подъ старость или, правильнѣе сказать, два въ дряхлыя ихъ, хотя не старыя, лѣта становятся добрыми людьми. Прочіе происходятъ въ чины, расточаютъ или наживаютъ имѣніе, и проч... Смотри иногда на большого моего сына, и размышляя, что онъ скоро войдетъ въ службу, или, другими сказать словами, что птичка вылетитъ изъ клѣтки, у меня волосы дыбомъ становятся. Не для того, чтобы служба сама по себѣ, развращала нравы; но для того, чтобы со зрѣлыми нравами надлежало начинать службу... Иной скажетъ: а кто такихъ молокососовъ толкаетъ въ шею... Кто? Примѣръ общій. Штабъ-офицеръ семнадцати лѣтъ; полковникъ двадцатилѣтній; генераль двадцатилѣтній; камергеръ сенаторъ, намѣстникъ, начальникъ, войскъ. И какому отцу не хочется, чтобы дѣти его, хотя въ малолѣтствѣ, были въ знатныхъ чинахъ, за которыми идутъ вслѣдъ богатство, честь и разумъ... Смотри на сына моего, представляется мнѣ: онъ началъ служить, познакомился съ вертопрахами, распутными, игроками, щеголями. Выучился частенько наряжаться, играть въ карты, картами доставать прокормленіе, творить обо всемъ, ничего не мысля, таскаться по дѣвкамъ, или врать чепуху барынямъ. Какимъ-то образомъ фортуна, вертеться

на курьей ножкѣ, приголубила его; и сынокъ мой, не брѣя еще, бороды, сталь знатнымъ бояриномъ. Возмечталъ онъ о себѣ, что умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Чего добраго ожидать отъ такого полководца или градоначальника?.. Скажи, о истинный отецъ чадолюбивый, скажи, о истинный гражданинъ! не захочется ли тебѣ сына твоего лучше удавить, нежели отпустить въ службу. Не больно ли сердцу твоему, что сынокъ твой, знатной бояринъ, презираетъ заслуги и достоинства для того, что ихъ участь пресмыкаться въ стезѣ чиновъ, пронырства гнушаяся? Не возрыдаешь ли ты, что сынокъ твой любезной, съ пріятною улыбкою, отнимать будетъ имѣніе, честь, отравлять и рѣзать людей, не своими всегда боярскими руками, но посредствомъ лапъ своихъ любимцевъ.

Крестницей дворянинъ, казалось мнѣ, былъ лѣтъ пятидесяти. Рѣдкія сѣдины едва пробивались сквозь свѣтлорусые волосы главы его. Правильныя черты лица его знаменовали души его спокойствіе, страстямъ непрístupное. Нѣжная улыбка безмятежнаго удовольствія, незлобіемъ раждаемаго, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь прельщающими; взоры его, когда я вошелъ въ ту комнату, гдѣ онъ сидѣлъ, были устремлены на двухъ его сыновей. Очи его, очи благораствореннаго разсудка, казались подернуты легкою пленою печали; но искры твердости и упованія пролетали оную быстротечно. Предъ нимъ стояли два юноши, возраста почти равнаго, единымъ годомъ во времени рожденія, но не въ шествиі разума и сердца они разнствовали между собою. Ибо горячность родителя ускоряла во младшемъ разверженіе ума, а любовь братня умѣряла успѣхъ въ наукахъ во старшемъ. Понятія о вещахъ были въ нихъ равныя, правила жизни знали они равно, но острота разума и движенія сердца природа въ нихъ насадила различно. Въ старшемъ взоры были

тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ. Взоры младшаго были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движеніе оныхъ не обманчивый были знакъ благихъ совѣтовъ отчихъ... На отца своего взирали они съ несвойственною имъ робостію, отъ горести предстоящей разлуки происходящею, а не отъ чувствованія надъ собою власти или начальства... Рѣдкія капли слезъ точились изъ ихъ очей... Друзья мои, сказалъ отецъ, сегодня мы разстанемся... и обнявъ ихъ, прижалъ возрыдавшихъ къ перси своей... Я уже нѣсколько минутъ былъ свидѣтелемъ сего зрѣлища, стоя у дверей неподвиженъ, какъ отецъ, обратясь ко мнѣ: будь свидѣтелемъ, чувствительный путешественникъ, будь свидѣтелемъ мнѣ передъ свѣтомъ, сколь тяжело сердцу моему исполнять державную волю обычая. Я, отлучая дѣтей моихъ отъ бдящаго родительскаго ока, единственное къ тому имѣю побужденіе, да приобрѣтутъ опытности, да познають человѣка изъ его дѣяній, и наскучивъ гремленіемъ мирскаго житія, да оставятъ его съ радостію; но да имутъ отишіе въ гоненіи, и хлѣбъ насущный въ скудости. А для сего то остаюся я на нивѣ моей. Не даждь владыко всещедрый, не даждь имъ скитатися за милостынею вельможъ, и обрѣтати въ нихъ утѣшителя! Да будетъ соболѣзнуай о нихъ ихъ сердце; да будетъ имъ творяй благостыню ихъ разсудокъ... Возсядите, и внемлите моему слову, еже пребывати во внутренности душъ вашихъ долженствуетъ.... Еще повторю вамъ: сегодня мы разлучимся... Съ неизреченнымъ услажденіемъ зрю слезы ваши, орошающія ланиты вашего лица. Да отнесетъ сіе души вашей зыбленіе совѣтъ мой во святая ея, да восколеблется она при моемъ воспоминовеніи, и да буду отсутственъ оградю вамъ отъ золь и печалей.

Пріявъ васъ даже отъ чрева матерня въ объятія

мои, не восхотѣлъ николи, чтобы кто либо былъ рачителемъ въ исполненіяхъ, до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалася тѣлеси вашего, и никогда наемный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моя горячности бдѣло надъ вами денно-ночно, да не приблизится васъ оскорбленіе; и блаженъ нарицаюся, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ, чтобы я хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе, или же признаніе, хотя слабое, ради васъ мною содѣланнаго. Вождаемъ собственныя корысти побужденіемъ, предприемлемое на вашу пользу, имѣло всегда въ виду собственное мое услажденіе. И такъ изжените изъ мыслей вашихъ, что вы есте подъ властію моею. Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, хочу искати твердости союза нашего. Онъ оснуется на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, если его въ забвеніи оставите! Образъ мой, преслѣдуя нарушителя союза нашея дружбы, поженеть его въ сокровенности его и устроить ему казнь несносную, дондеже не возвратится къ союзу. Еще вѣшаю вамъ: вы мнѣ ничѣмъ не должны. Вззрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ко мнѣ ощутитъ нѣкую нѣжную склонность, то поживемъ въ дружбѣ, въ семъ наивеличайшемъ на землѣ благоденствіи... Если же оно безъ ощущенія пребудеть... да забвени будемъ другъ друга, яко же намъ не родитися. Дажь, всещедрый, сего да не узрю, отошедъ въ нѣдра твоя сіе предваряя! Не должны вы мнѣ ни за воскормленіе, ни за наставленіе, а меньше всего за рожденіе... За рожденіе?... Участники были ли вы въ немъ? Вопрошаемы были, да да рождени будете? На пользу ли вашу родитися имѣли, или во вредъ? Извѣстенъ ли отецъ и мать рождая сына своего, блаженъ будетъ въ житіи или злополученъ? Кто скажетъ, что

вступая въ супружество, помышляль о наслѣдіи и потомкахъ; а если имѣль сіе намѣреніе, то блаженства ли ихъ ради, произвести ихъ желалъ, или же на сохраненіе своего имени. Какъ желать добра тому, кого не знаю, и что сіе? Добромъ назваться можетъ ли желаніе неопредѣленное, помаваемое неизвѣстностію?... Побужденіе къ супруеству покажетъ и вину рожденія. Прельщенный душевною паче добротою матери вашей, нежели лѣпотою лица, я употребилъ способъ вѣрный на взаимную горячность, любовь искреннюю. Я получилъ мать вашу себѣ въ супруги. Но какое было побужденіе нашей любви? Взаимное услажденіе, услажденіе плоти и духа. Вкушая веселіе, природой повелѣнное, о васъ мы не мыслили. Рожденіе ваше намъ было пріятно, но не для васъ. Произведеніе самого себя льстило тщеславію; рожденіе ваше было новый и чувственный, такъ сказать, союзъ сердець подтверждающій. Онъ есть источникъ начальной горячности родителей къ сынамъ своимъ; подкрѣпляется онъ привычкою, ощущеніемъ своея власти, отраженіемъ похвалъ сыновнихъ къ отцу... Мать ваша равнаго со мною была мнѣнія о ничтожности должностей вашихъ, отъ рожденія проистекающихъ. Не гордилася она предъ вами, что носила васъ во чревѣ своемъ, не требовала признательности, питая васъ своею кровію; не хотѣла почтенія за болѣзни рожденія, ни за скуку воскормленія сосцами своими. Она тщилася благоую вамъ дать душу, яко же и сама имѣла, и въ ней хотѣла насадить дружбу, но не обязанность, не должность, или рабское повиновеніе. Не допустилъ ее рокъ зрѣти плодовъ ея насажденій. Она насъ оставила, съ твердостію хотя духа, но кончины еще не желала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляясь ей, мы совсѣмъ ее не потеряемъ. Она проживетъ съ нами, доколѣ къ ней не отыдемъ. Вѣдаете, что любезнѣйшая моя съ вами бесѣда есть бесѣдовати о родшей васъ.

Тогда, мнится, душа ея бесѣдуетъ съ нами, тогда становится она намъ присутственна, тогда въ насъ она является, тогда она еще жива... И отираль вѣщающій капли задержанныхъ въ душѣ слезъ...

Сколь мало обязаны вы мнѣ за рожденіе, толико же обязаны и за воскормленіе. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцовъ пернатыхъ, когда даю пищу псу, лижущему мою десницу, ихъ ли ради сіе дѣлаю?... Отраду, увеселеніе, или пользу въ томъ нахожу мою собственную. Съ таковымъ же побужденіемъ производятъ воскормленіе дѣтей. Родившіяся въ свѣтъ, вы стали граждане общества, въ коемъ живете. Мой былъ долгъ васъ воскормить; ибо если бы допустилъ до васъ кончину безвременную, былъ бы убійца. Если я рачительнѣе былъ въ воскормленіи вашемъ, нежели бывають многіе, то слѣдовалъ чувствованію моего сердца. Власть моя да пекуся о воскормленіи вашемъ, или не брегу о немъ; да сохраню дни ваши, или расточителемъ въ нихъ буду; оставлю васъ живыхъ, или дамъ умереть завременно; есть ясное доказательство, что вы мнѣ не обязаны въ томъ, что живы. Если бы умерли отъ моего о васъ небреженія, какъ то многіе умирають, мщеніе закона меня бы не преслѣдовало... Но, скажутъ, обязаны вы мнѣ за ученіе и наставленіе... Не моей ли я въ томъ искалъ пользы, да благи будете. Похвалы, воздаваемыя доброду вашему поведенію, разсудку, знаніямъ, искусству вашему, распростирался на васъ, отражаются на меня, яко лучи солнечны отъ зеркала. Хваля васъ, меня хвалятъ. Что успѣлъ бы я, если бы вы вдалились пороку, чужды были ученія, тупы въ разсужденіяхъ, злобны, подлы, чувствительности не имѣя. Не только сострадатель былъ бы я въ вашемъ косвенномъ хожденіи, но жертва, можетъ быть, вашего неистовства. Но нынѣ спокоенъ остаюся, отлучая васъ отъ себя; разумъ прямъ, сердце ваше крѣпко, и я живу

въ немъ. О друзья мои, сыны моего сердца! родивъ васъ, многія имѣлъ я обязанности въ отношеніи къ вамъ, но вы мнѣ ничѣмъ не должны; я ищу вашей дружбы и любви; если вы мнѣ ее дадите, блаженъ отыду къ началу жизни, и не возмущуся при кончинѣ, оставляя васъ на вѣки, ибо поживу на памяти вашей.

Но если я исполнилъ должность мою въ воспитаніи вашемъ, обязанъ сказать нынѣ вамъ вину, почто васъ такъ, а не иначе, воспитывалъ и для чего сему, а не другому, васъ научилъ; и для того услышите повѣсть о воспитаніи вашемъ, и познайте вину всѣхъ моихъ надъ вами дѣяній.

Со младенчества вашего принужденія вы не чувствовали. Хотя въ дѣяніяхъ вашихъ вождаемы были рукою моею, не ощущали однакоже николи ея направленія. Дѣянія ваши были предузнаны и предваряемы; не хотѣлъ я, чтобы робость или послушаніе повиновенія малѣйшею чертою ознаменовала на васъ тяжесть своего перста. И для того духъ вашъ, нетерпящъ велѣнія безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества. Но если младенцамъ вамъ сущимъ, находилъ я, что уклонялися отъ пути, мною назначеннаго, устремляемы случайнымъ удареніемъ, тогда останавлилъ я ваше шествіе, или лучше сказать, непримѣтно вводилъ въ прежній путь, яко потокъ, оплоты прорывающій, искусною рукою обращается въ свои берега.

Робкая нѣжность присутствовала во мнѣ, когда казалось, не рачилъ объ охраненіи васъ отъ непріязненности стихій и погоды. Желалъ лучше, чтобы на мгновеніе тѣло ваше оскорбилось преходящею болью, нежели дебелы пребудете въ возрастѣ совершенномъ! И для того почасту ходили вы босы, непокровенную имѣя главу; въ пыли, въ грязи возлежали на отдохновеніе, на скамій или на камни. Не меньше старался я удалить васъ отъ убійственной пищи и питія. Труды наши

лучшая была приправа въ обѣдѣ нашемъ. Воспомните, съ какимъ удовольствіемъ обѣдали мы въ деревнѣ намъ неизвѣстной, не нашедъ дороги къ дому. Сколь вкусенъ намъ казался тогда хлѣбъ ржаной и квасъ деревенской!

Не ропщите на меня, если будете иногда осмѣяны, что не имѣете казистаго восшествія, что стоите, какъ тѣлу вашему покойнѣе, а не какъ обычай или мода велить; что одѣваетея не со вкусомъ, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, если будете небрежены въ собраніяхъ, а особливо отъ женщинъ, для того что не умѣете хвалить ихъ красоту; но вспомните, что вы бѣгаете быстро, что плаваете неутомляясь, что подымаете тяжести безъ натуги, что умѣете водить соху, вскопать гряду, владѣете косою и топоромъ, стругомъ и долотомъ; умѣете ѣздить верхомъ, стрѣлять. Не печальтесь, что вы скакать не умѣете, какъ скоморохи. Вѣдайте, что лучшее плясаніе ничего не представляетъ величественнаго; и если нѣкогда тронуты будете зрѣніемъ онаго, то любострастіе будетъ тому корень, все же другое оному постороннее... Но вы умѣете изображать животныхъ и неодушевленныхъ, изображать черты царя природы, человѣка. Въ живописи найдете вы истинное услажденіе не токмо чувствъ, но и разума... Я васъ научилъ музыкѣ, дабы дрожащая струна, согласно вашимъ нервамъ, возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка, приводя внутренность въ движеніе, дѣлаетъ мягкосердіе въ насъ привычкою... Научилъ я васъ и варварскому искусству сражаться мечемъ. Но сіе искусство да пребудетъ въ васъ мертво, доколѣ собственная сохранность того не востребуетъ. Оно, уповаю, не сдѣлаетъ васъ наглыми; ибо вы твердой имѣете духъ, и обидою не сочтете, если осель васъ улягнетъ, или свинья смраднымъ до васъ коснется рыломъ... Не бойтесь сказать никому, что вы корову

доить умѣте, что шти и кашу сварите, или зажаренный вами кусокъ мяса будетъ вкусень. Тотъ, кто самъ умѣетъ что сдѣлать, умѣетъ заставить сдѣлать, и будетъ на погрѣшности снисходителень, зная всѣ въ исполненіи трудности.

Во младенчествѣ и отрочествѣ, не отягощаль я разсудка вашего готовыми размышленіями, или мыслями чуждыми, не отягощаль памяти вашей излишними предметами. Но предложивъ вамъ пути къ познаніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой вамъ стезѣ. Познанія ваши тѣмъ основательнѣе, что вы ихъ приобрѣли не твердя, какъ то говорятъ, по пословицѣ: какъ сорока Якова. Слѣдуя сему правилу, доколѣ силы разума не были въ васъ дѣйствующи, не предлагаль я вамъ понятія о всевышнемъ существѣ, и еще менѣе объ откровеніи. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и разсужденію бы мѣшало. Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетесь разсудкомъ, то предложилъ вамъ связь понятій, ведущихъ къ познанію Бога; увѣренъ во внутренности сердца моего, что всещедрому Отцу пріятнѣе зрѣти двѣ непорочныя души, въ коихъ свѣтильникъ познаній не предразсудкомъ возжигается, но что они сами возносятся къ начальному огню на возгорѣніе. Предложилъ я вамъ тогда и о законѣ откровенномъ, не сокрывая отъ васъ все то, что въ опроверженіе онаго сказано многими. Ибо желалъ, чтобы вы могли сами избирать между млекою и желчію, и съ радостію видѣлъ, что воспріяли вы сосудъ утѣшенія неробко.

Преподавая вамъ свѣдѣніи о наукахъ, не оставилъ я ознакомить васъ съ различными народами, изучивъ васъ языкамъ иностраннымъ. Но прежде всего попеченіе мое было, да познаете вашъ собственной, да

умѣете на ономъ изъяснять ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъясненіе сіе было въ васъ непринужденно, и поту на лицѣ не производило. Аглинской языкъ, а потомъ латинской, старался я вамъ извѣстнѣе сдѣлать другихъ. Ибо упругость духа вольности, переходя въ изображеніе рѣчи, приучить и разумъ къ твердымъ понятіямъ, столь во всякихъ правленіяхъ нужнымъ.

Но если разсудку вашему предоставлялъ я направлять стопы ваши на стезяхъ науки, тѣмъ бдительнѣе тщился быть во нравственности вашей. Старался умѣрять въ васъ гнѣвъ мгновенія, подвергая разсудку гнѣвъ продолжительный, мщеніе производящій. Мщеніе!... Душа ваша мерзитъ его. Вы изъ природнаго сего чувствительныя твари движенія оставили только оберегательность своего сложенія, поправъ желаніе возвращать уязвленія.

Нынѣ настало то время, что чувства ваши, дошедъ до совершенства возбужденія, но не до совершенства еще понятія о возбуждаемомъ, начинаютъ тревожиться всякою внѣшностію и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Нынѣ достигли времени, въ которое, какъ то говорятъ, разсудокъ становится опредѣлителемъ дѣланія и недѣланія; а лучше сказать, когда чувства, доселѣ одержимыя плавностію младенчества, начинаютъ ощущать дрожаніе, или когда жизненные соки, исполнивъ сосудъ юности, превышаютъ начинаютъ его воскраія, ища стезю свойственнымъ для нихъ стремленіямъ. Я сохранилъ васъ неприступными доселѣ превратнымъ чувствъ потрясеніямъ, но не сокрылъ отъ васъ невѣденія покровомъ пагубныхъ слѣдствій совращенія отъ пути умѣренности въ чувственномъ услажденіи. Вы свидѣтели были, сколь гнусно избыточество чувственного насыщенія, и возгнушались; свидѣтели были страшнаго волненія

страстей, превысившихъ берега своего естественнаго теченія, познали гибельныя ихъ опустошенія, и ужаснулись. Опытность моя, носяся надъ вами, яко новый Егидь, охраняла васъ отъ неправильныхъ уязвленій. Нынѣ будете сами себѣ вожди, и хотя совѣты мои будутъ всегда свѣтильникомъ вашихъ начинаній, ибо сердце и душа ваша мнѣ отверсты; но яко свѣтъ, отдаляясь отъ предмета, менѣе его освѣщаетъ, тако и вы отринувши моего присутствія слабое ощутите согрѣніе моея дружбы. И для того преподамъ вамъ, правила единожитія и общежитія, дабы по усмиреніи страстей, не возгнушались дѣяній, во оныхъ свершенныхъ, и не познали, что есть раскаяніе.

Правила единожитія, елико то касаться можетъ до васъ самихъ, должны относиться къ тѣлесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда употреблять вашихъ тѣлесныхъ силъ и чувствъ. Упражненіе оныхъ умѣренное укрѣпитъ ихъ не истощая и послужитъ ко здравію вашему и долгой жизни. И для того упражняйтесь въ искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ вамъ извѣстныхъ. Совершенствованіе въ оныхъ иногда можетъ быть нужно. Неизвѣстно намъ грядущее. Если непріязненное счастье отыметъ у васъ все, что оно вамъ дало, богаты пребудете во умѣренности желаній, кормяся дѣломъ рукъ вашихъ. Но если во дни блаженства все небрежете, поздно о томъ думать во дни печали. Нѣга, излѣненіе и неумѣренное чувствъ услажденіе губятъ и тѣло и духъ. Ибо изнуряя тѣло невоздержностью изнуряетъ и крѣпость духа. Употребленіе же силъ, укрѣпитъ тѣло, а съ нимъ и духъ. Если почувствуешь отвращеніе къ яствамъ, и болѣзнь постучится у дверей, воспрями тогда отъ одра твоего, на немъ же лелѣешь чувства твои, приведи уснувшіе члены твои въ дѣйствіе упражненіемъ, и почувствуешь мгновенное силъ обновленіе; воздержи себя отъ пищи

нужной во здравіи, и гладъ сдѣлаеть пищу твою сладкою, огорчавшую отъ сытости. Помните всегда, что на утоленіе глада нуженъ только кусокъ хлѣба и ковшъ воды. Если благодѣтельное лишеніе внѣшнихъ чувствованій, сонъ, удалится отъ твоего возглавія, и не можешь возобновить силъ разумныхъ и тѣлесныхъ, бѣги изъ чертоговъ твоихъ, и утомивъ члены до усталости, возляги на одрѣ твоемъ, и почиешь во здравіе.

Будьте опрятны въ одеждѣ вашей; тѣло содержите въ чистотѣ; ибо чистота служитъ ко здравію, а неопрятность и смрадность тѣла нерѣдко отверзають непримѣтную стезю къ гнуснымъ порокамъ. Но не будьте и въ семъ неумѣренны. Не гнушайтесь пособить, поднимая погрязшую во рву телѣгу, и тѣмъ облегчить упавшаго; вымараете руки, ноги и тѣло, но просвѣтите сердце. Ходите въ хижины уничиженія; утешайте томящагося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, давъ отраду скорбющему.

Нынѣ достигли вы, повторю, того страшнаго времени и часа, когда страсти пробуждаться начинаютъ, но разсудокъ слабъ еще на ихъ обузданіе. Ибо чаша разсудка безъ опытности на вѣсахъ воли воздымется, а чаша страстей опустится мгновенно долу. И такъ, къ равновѣсію не иначе приблизиться можно, какъ трудолюбіемъ. Трудитесь тѣломъ: страсти ваши не столь сильное будутъ имѣть волненіе, трудитесь сердцемъ, упражняяся въ мягкосердіи, чувствительности, соболѣзнованіи, щедротѣ, отпущеніи, и страсти ваши направятся ко благому концу. Трудитесь разумомъ, упражняяся въ чтеніи, размысленіи, разысканіи истины, или происшествій; и разумъ управлять будетъ вашею волею и страстьми. Но не возмните въ восторгѣ разсудка, что можете сокрушить корени страстей, что нужно быть совсѣмъ безстрастну. Корень страстей благъ и основанъ на нашей чувствительности самую природою.

Когда чувства наши, внѣшнія и внутреннія, ослабѣвають и притупляются, тогда ослабѣвають и страсти. Онѣ благоую въ человѣкѣ производятъ тревогу, безъ нея же уснулъ бы онѣ въ бездѣйствіи. Совершенно безстрастный человѣкъ есть глупецъ и истуканъ нелѣпый, не возмозгаяй ни благого, ни злого. Не достоинство есть, воздержатися отъ худыхъ помысловъ, не могши ихъ сотворить. Безрукой не можетъ уязвить никого; но не можетъ подать помощи утопающему, ни удержати на брегѣ падающаго въ пучину моря... И такъ, умѣренность во страсти есть благо; шествіе во стезѣ средюю есть надежно. Чрезвычайность во страсти есть гибель: безстрастіе есть нравственная смерть. Яко же шественникъ, отдаляясь среды стези, вдается опасности ввергнутися въ тотъ или другой ровъ, таково бываетъ шествіе во нравственности. Но буде страсти ваши, опытностію, разсудкомъ и сердцемъ направлены къ концу благому, скинь съ нихъ бразды томнаго благоразумія, не сокращай ихъ полета: мѣта ихъ будетъ всегда величіе; на немъ единомъ остановиться онѣ умѣють.

Но если я васъ побуждаю не быть безстрастными, паче всего потребна въ юности вашей умѣренность любовныя страсти. Она природою насаждена въ сердцѣ нашемъ, ко блаженству нашему. И такъ, въ возрожденіи своемъ никогда ошибиться не можетъ, но въ своемъ предметѣ и неумѣренности. И такъ, блюдитесь, да не ошибетесь въ предметѣ любви вашей, и да не почтете взаимною горячностію оныя образъ. Съ благимъ же предметомъ любви, неумѣренность страсти сея будетъ вамъ неизвѣстна. Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружествѣ, о семъ священномъ союзѣ общества, коего правила не природа въ сердцѣ начертала, но святость коего изъ начальнаго обществъ положенія проистекаетъ.

Разуму вашему, едва шествіе свое начинающему, сіе бы было непонятно, а сердцу вашему, неиспытавшему самолюбивую въ обществѣ страсть любви, повѣсть о семъ была бы вамъ не ощутительна, а потому и бесполезна. Если желаете о супружествѣ имѣть понятіе, вспомните о родшей васъ. Представьте меня съ нею и съ вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимныя лобызанія, и приложите картину сію къ сердцу вашему. Тогда почувствуете въ немъ пріятное нѣкое содроганіе. Что оно есть? Познаете современемъ, а днесъ довольны будьте онаго ощущеніемъ.

Приступимъ нынѣ вкратцѣ къ правиламъ общежитія. Предписать ихъ не можно съ точностію; ибо располагаются они часто по обстоятельствамъ мгновенія. Но, дабы, колико возможно менѣе ошибаться, при всякомъ начинаніи, спросите ваше сердце: оно есть благо, и николи обмануть васъ не можетъ. Что вѣщаетъ оно, то и творите. Слѣдуя сердцу въ юности, не ошибетесь, если сердце имѣете благое. Но слѣдовати возмнивый разсудку, не имѣя на брадѣ власовъ опытность возвѣщающихъ, есть безумецъ.

Правила общежитія относятся ко исполненію обычаевъ и нравовъ народныхъ, или ко исполненію закона, ко исполненію добродѣтели. Если въ обществѣ нравы и обычаи непротивны закону, если законъ неполагаетъ добродѣтели преткновеній въ ея шествіи, то исполненіе правилъ общежитія есть легко. Но гдѣ таковое общество существуетъ? Всѣ извѣстныя намъ, многими наполнены, во нравахъ и обычаяхъ, законахъ и добродѣтеляхъ, противорѣчіями. И оттого трудно становится исполненіе должности человѣка и гражданина, ибо нерѣдко онѣ находятся въ совершенной противоположности.

Понеже добродѣтель есть вершина дѣяній человѣческихъ, то исполненіе ея ничѣмъ не

долженствуетъ быть препинаемо. Не бреги обычаевъ и нравовъ, не бреги закона гражданскаго и священнаго, столь святыхъ въ обществѣ вещи, буде исполненіе оныхъ отлучаетъ тебя отъ добродѣтели. Не держай николи нарушенія ея прикрывати робостію благоразумія. Благоденственъ безъ нея будешь во внѣшности, но блаженъ николи.

Послѣдую тому, что налагаютъ на насъ обычаи и нравы, мы приобрѣтемъ благопріятство тѣхъ, съ кѣмъ живемъ. Исполняя предписаніе закона, можемъ приобрѣсти названіе честнаго человѣка. Исполняя же добродѣтель, приобрѣтемъ общую довѣренность, почтеніе и удивленіе даже и въ тѣхъ, кто бы не желалъ ихъ ощущать въ душѣ своей. Коварный аѳинскій сенатъ, подавая чашу съ отравою Сократу, трепеталъ во внутренности своей предъ его добродѣтелию.

Не держай никогда исполнять обычая въ предосужденіе закона. Законъ, каковъ ни худъ, есть связь общества. И если бы самъ Государь велѣлъ тебѣ нарушить законъ, не повинуйся ему, ибо онъ заблуждаетъ, себѣ и обществу во вредъ. Да уничтожитъ законъ, яко же нарушеніе онаго повелѣветъ; тогда повинуйся, ибо въ Россіи Государь есть источникъ законовъ.

Но если бы, законъ или государь, или бы какая либо на земли власть, подвизала тебя на неправду и нарушеніе добродѣтели, пребудь въ оной неколебимъ. Не бойся ни осмѣянія, ни мученія, ни болѣзни, ни заточенія, ниже самой смерти. Пребудь незыблемъ въ душѣ твоей, яко камень среди бунтующихъ, но немощныхъ валовъ. Ярость мучителей твоихъ раздробится о твердь твою; и если предадутъ тебя смерти, осмѣяны будутъ, а ты поживешь на памяти благородныхъ душъ, до скончанія вѣковъ. Убойся заранѣе именовать благоразуміемъ слабость въ дѣяніяхъ сего перваго добродѣтели врага.

Сегодня нарушишь ее уваженія ради каковаго, завтра нарушеніе ея казаться будетъ самою добродѣтелию; и такъ порокъ воцарится въ сердцѣ твоємъ и исказитъ черты непорочности въ душѣ и на лицѣ твоємъ.

Добродѣтели суть или частныя или общественныя. Побужденія къ первымъ суть всегда мягкосердіе, кротость, соболѣзнованіе, и корень всегда ихъ благъ. Побужденія къ добродѣтелямъ общественнымъ нерѣдко имѣютъ начало свое въ тщеславіи и любочестіи. Но для того не надлежитъ останавливаться въ исполненіи ихъ. Предлогъ, надъ нимъ же возвращаются, придаетъ имъ важности. Въ спасемъ Курціи отечество свое отъ пагубоносныя язвы никто не зрѣтъ ни тщеславнаго, ни отчаяннаго, или наскучившаго жизнию, но ироя. Если же побужденія наши къ общественнымъ добродѣтелямъ начало свое имѣютъ въ челоуѣколюбивой твердости души, тогда блескъ ихъ будетъ гораздо большій. Упражняйтесь всегда въ частныхъ добродѣтеляхъ, дабы могли удостоиться исполненія общественныхъ.

Еще преподамъ вамъ нѣкоторыя исполнительныя правила жизни.... Старайтесь паче всего, во всѣхъ дѣяніяхъ вашихъ, заслужить собственное свое почтеніе; дабы обращая во уединеніи взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы вы раскаяваться о сдѣланномъ, но взирали бы на себя съ благоговѣніемъ.

Слѣдуя сему правилу, удаляйтесь, елико то возможно, даже вида раболѣпствованія. Вошедъ въ свѣтъ, узнаете скоро, что въ обществѣ существуетъ обычай посѣщать въ праздничные дни но утрамъ знатныхъ особъ; обычай скаредной, ничего не значащей, показующей въ посѣтителяхъ духъ робости, а въ посѣщаемомъ духъ надменности и слабой разсудокъ. У римлянъ было похожее сему обыкновение, которое они называли амбицію, то есть снисканіе себѣ обхожденія; а

оттуда и любочестіе названо амбиціо, ибо посѣщеніями именитыхъ людей юноши снискиваютъ себѣ путь къ чинамъ и достоинствамъ. Тоже дѣлается и нынѣ. Но если у римлянъ обычай сей введенъ былъ для того, чтобы молодые люди обхожденіемъ съ испытанными научались, то сомнѣваюсь, чтобы цѣль въ обычаѣ семъ всегда непорочна сохранилася. Въ наши же времена, посѣщая знатныхъ господъ, ученія цѣлю своею никто не имѣетъ, но снисканіе ихъ благопріятства. Итакъ, да не переступить нога ваша порога, отдѣляющаго раболѣпство отъ исполненія должности. Не посѣщай николи передней знатнаго боярина, развѣ по долгу званія твоего. Тогда среди толпы презрѣнной, и тотъ, на кого она взираетъ съ подобострастіемъ, въ душѣ своей тебя, хотя съ негодованіемъ, но отъ нея отличить.

Если случится, что смерть пресѣчетъ дни мои прежде, нежели въ благомъ пути отвердѣете, и юны еще восхитятъ васъ страсти изъ стези разсудка, то не отчаявайтесь, соглядаая иногда превратное ваше шествіе. Въ заблужденіи вашемъ, въ забвеніи самихъ себя, возлюбите добро. Распутное житіе, безмѣрное любочестіе, наглость и всѣ пороки юности оставляютъ надежду исправленія; ибо скользятъ по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы во младыхъ лѣтахъ вашихъ, вы были распутны, расточительны, наглы, нежели сребролюбивы, или же чрезмѣрно бережливы, щеголеваты, занимаясь болѣе убранствомъ, нежели чѣмъ другимъ. Систематическое, такъ сказать, расположеніе въ щегольствѣ означаетъ всегда сжатой разсудокъ. Если повѣствуютъ, что Юлій Кесарь былъ щеголь, то щегольство его имѣло цѣль. Страсть къ женщинамъ въ юности его была къ сему побужденіемъ. Но онъ изъ щеголя облекся бы мгновенно во смраднѣйшее рубище, если бы то способствовало къ достиженію его желаній.

Во младомъ челоуѣкѣ не токмо щегольство преходящее простиительно, но и всякое почти дурачество. Если же наикраснѣйшими дѣянїями жизни прикрывать будете коварство, ложь, вѣроломство, сребролюбіе, гордость, любомщеніе, звѣрство; то хотя ослѣпите современниковъ вашихъ, блескомъ ясной наружности, хотя не найдете никого столь любящаго васъ, да представитъ вамъ зеркало истины; не мните, однако же, затмить взоры прозорливости.... Проникнетъ она свѣтозарную ризу коварства, и добродѣтель черноту души вашей обнажитъ. Возненавидитъ ее сердце твое, и яко чувственница увядать станетъ прикосновенїемъ твоимъ, но мгновенно, но стрѣлы ея издалека язвить тебя станутъ и терзать.

Простите, возлюбленные мои, простите, друзья души моей: днесъ, при сопутномъ вѣтрѣ, отчалите отъ берега чуждыя опытности ладью вашу; стремитесь по валамъ житїа челоуѣческаго, да научитесь управлять сами собою. Блажени, непретерпѣвъ крушенїа, если достигнете пристанища, его же жаждемъ. Будьте счастливы во плаванїи вашемъ. Се искренное мое желанїе. Естественныя силы мои истощавъ движенїемъ и жизнїю, изнемогутъ и угаснутъ; оставлю васъ на вѣки: но се мое вамъ завѣщанїе. Если ненавистное счастье, истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на земли не останется, если доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенїа; тогда вспомни, что ты челоуѣкѣ, вспомняи величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся.... Умри.... Въ наслѣдіе вамъ оставляю слово умирающаго Катона.... Но если во добродѣтели умрети можешь, умѣй умереть и въ порокѣ, и будь, такъ сказать, добродѣтеленъ въ самомъ злѣ.... Если забывъ мои наставленїа, поспѣшать будешь на злыя дѣла, обыкшая душа добродѣтели востревожится; явлюся тебѣ

въ мечтѣ.... Воспряни отъ ложа твоего, преслѣдуй душевно моему видѣнію.... Если тогда источится слеза изъ очей твоихъ, то усни паки: пробудишься на исправленіе. Но если среди злыхъ твоихъ начинаній, вспоминая обо мнѣ, душа твоя не зыбнется, и око пребудетъ сухо... Се сталь, се отрава.... Избавь меня скорьби; избавь землю поносныя тяжести.... Будь мой еще сынъ.... Умри на добродѣтель.

Вѣщавшу сіе старцу, юношескій румянецъ покрылъ сморщенные ланиты его; взоры его испускали лучи надежнаго радованія, черты лица сіяли сверхъестественнымъ веществомъ... Онъ облобызаль дѣтей своихъ, и проводивъ ихъ до повозки, пребылъ твердъ до послѣдняго разставанія. Но едва звонъ почтового колокольчика возвѣстилъ ему, что они начали отъ него удаляться, упругая сія душа смягчилась. Слезы проникли сквозь очей его, грудь его воздымалася; онъ руки свои простираль вслѣдъ за отъѣзжающими; казалось, будто желаетъ остановить стремленіе коней. Юноши, узрѣвъ издали родшаго ихъ въ такой печали, возрыдали столь громко, что вѣтръ доносилъ жалостный ихъ стонъ до слуха нашего. Они простирали также руки къ отцу своему, и казалось, будто его къ себѣ звали. Не могъ старецъ снести сего зрѣлища; силы его ослабѣли, и онъ упалъ въ мои объятія. Между тѣмъ, пригорокъ скрылъ отъѣхавшихъ юношей отъ взоровъ нашихъ: пришедъ въ себя, старецъ сталъ на колѣни и возвелъ руки и взоры на небо: Господи, возопилъ онъ, молю тебя, да укрѣпишь ихъ въ стезяхъ добродѣтели, молю, блажени да будутъ. Вѣси, николи не утруждалъ тебя, Отецъ всещедрый, бесполезною молитвою. Увѣренъ въ душѣ моей, яко благъ еси и правосуденъ. Любезнѣйшее тебѣ въ насъ есть добродѣтель; дѣянія чистаго сердца суть наилучшая для тебя жертва... Отлучилъ я нынѣ отъ себя сыновъ своихъ.... Господи, да будетъ на нихъ воля

твоя.... Смущенъ, но твердъ въ надеяніи своемъ, отъѣхалъ онъ въ свое жилище.

Слово Крестицкаго дворянина не выходило у меня изъ головы. Доказательства его о ничтожествѣ власти родителей надъ дѣтьми казались мнѣ неоспоримы. Но если въ благоучрежденномъ обществѣ нужно, чтобы юноши почитали старцевъ, и неопытность совершенство, то нѣтъ, кажется, нужды власть родительскую дѣлать безпредѣльною. Если союзъ между отцомъ и сыномъ не на нѣжныхъ чувствованіяхъ сердца основанъ, то онъ, конечно, нетвердъ, и будетъ нетвердъ, вопреки всѣхъ законоположеній. Если отецъ въ сынѣ своемъ видитъ своего раба, и власть свою ищетъ въ законоположеніи; если сынъ почитаетъ отца наслѣдія ради; то какое благо изъ того обществу? Или еще одинъ невольникъ въ прибавокъ ко многимъ другимъ, или змія за пазухой..... Отецъ обязанъ сына воскормить и научить, и долженъ наказанъ быть за его проступки, доколѣ онъ не войдетъ въ совершеннолѣтіе; а сынъ должности свои да обрящетъ въ своемъ сердцѣ. Если онъ ничего не ощущаетъ, то виновенъ отецъ, почто ничего не насадилъ. Сынъ же въ правѣ требовати отъ отца вспомошествованія, доколѣ пребываетъ немощенъ и малолѣтенъ; но въ совершеннолѣтіи естественная сія и природная связь рушится. Птенецъ пернатыхъ не ищетъ помощи отъ произведшихъ его, когда самъ начнетъ находить пищу. Самецъ и самка забываютъ о птенцахъ своихъ, когда сіи возмужаютъ. Се есть законъ природы. Если гражданскіе законы отъ него удалятся, то производятъ всегда урода. Ребенокъ любитъ своего отца, какъ мать или наставника, доколѣ любленіе его не обратится ко другому предмету. Да не оскорбится симъ сердце твое, отецъ чадолюбивый; естество твое требуетъ. Единое въ томъ тебѣ утѣшеніе да будетъ, вспоминая, что и сынъ сына твоего возлюбитъ отца до совершеннаго

только возраста. Тогда же отъ тебя зависѣть будетъ
обратить его горячность къ тебѣ. Если ты въ томъ
успѣешь, блаженъ и почтенія достоинъ..... Въ таковыхъ
размышленіяхъ доѣхалъ я до почтоваго стана.

Яжелбицы.

Сей день опредѣленъ мнѣ былъ судьбою на испытаніе. Я отецъ, имѣю нѣжное сердце къ моимъ дѣтямъ. Для того то слово Крестицкаго дворянина меня столь тронуло. Не потряси меня до внутренности, изліяло нѣкое усладительное чувство надежды, что блаженство наше, въ отношеніи дѣтей нашихъ, зависитъ много отъ насъ самихъ. Но въ Яжелбицахъ опредѣлено мнѣ было быть зрителемъ позорища, которое глубокой корень печали оставило въ душѣ моей, и нѣтъ надежды на его истребленіе. О юность! услыши мою повѣсть; познай свое заблужденіе; воздержись отъ произвольнаго гибели; и пресѣки путь къ будущему раскаянію.

Я проѣзжалъ мимо кладбища. Необыкновенной вопль терзающаго на себѣ власы человѣка понудилъ меня остановиться. Приближась, увидѣлъ я, что тамъ совершилось погребеніе. Надлежало уже гробъ опускать въ могилу, но тотъ, котораго я издали зрѣлъ терзающаго на себѣ власы, повергся на гробъ и, ухватясь за оный весьма крѣпко, не позволялъ оный опускать въ землю. Съ великимъ трудомъ отвлекли его отъ гроба и, опуствя оный въ могилу, зарыли ее поспѣшно. Тутъ страждущій вѣщалъ къ предстоящимъ: почто вы меня его лишили, почто меня съ нимъ не погребли живого и не скончали моей скорби и раскаянія. Вѣдайте, вѣдайте, что я есмь убійца возлюбленнаго моего сына, его же мертвца предали землѣ. Не дивитесь сему. Я не прекратилъ жизни его ни мечомъ, ни отравою. Нѣтъ, я болѣе сего сдѣлалъ. Я смерть его уготовалъ до рожденія его, давъ жизнь ему отравленную. Я есмь убійца, каковыхъ много, но есмь убійца лютейшей другихъ. Убійца сына моего до рожденія его.... Я, я единъ прекратилъ дни его, изліявъ томный ядъ въ начало его. Во все время житія своего, не

наслаждался онъ здравіемъ ни дня одинаго; и томящагося въ силахъ своихъ разверзтіе яда пресѣкло теченіе жизни. Никто, никто меня не накажетъ за мое злодѣяніе! — Отчаяніе ознаменовалось на лицѣ его, и бездыханна почти отнесли его съ сего мѣста...

Нечаянный хладъ разліялся въ моихъ жилахъ. Я оцѣпенѣлъ. Казалось мнѣ, я слышалъ мое осужденіе. Вспомянулъ дни распутные моего юности. Привелъ на память всѣ случаи, когда востревоженная чувствами душа гонялася за ихъ услажденіемъ, почитая мздоимную участницу любовныя утѣхи истиннымъ предметомъ горячности. Вспомянулъ, что невоздержаніе въ любострастіи навлекло тѣлу моему смрадную болѣзнь. О если бы не далѣе она корень свой испускала! О если бы она съ утоленіемъ любострастія прерывалася! Пріять отраву сію въ веселіи, не токмо согрѣваемъ ее въ нѣдрахъ нашихъ, но даемъ ее въ наслѣдіе нашему потомству... О друзья мои возлюбленные, о чада души моей! Не вѣдаете вы, koliko согрѣшихъ предъ вами. Блѣдное ваше чело есть мое осужденіе. Страшусь возвѣстить вамъ о болѣзни, иногда вами ощущаемой. Возненавидите, можетъ быть, меня, и въ ненависти вашей будете справедливы. Кто увѣритъ васъ и меня, что вы не носите въ крови вашей сокровеннаго жала, опредѣленнаго, да скончаетъ дни ваши безвременно. Пріять сей смрадный ядъ въ тѣло мое въ совершенномъ возрастѣ, затвердѣлость моихъ членовъ противилася его распространенію, и борется съ его смертностію. Но вы, пріять его отъ рожденія вашего, нося его въ себѣ, какъ нужную часть сложенія, какъ воспротивитесь разрушительному его созженію? Всѣ ваши болѣзни суть слѣдствія сея отравы. О возлюбленные мои! плачьте о заблужденіи моего юношества, призовите на помощь врачебное искусство, и если можете, не ненавидьте меня.

Но теперь отверзается очамъ моимъ все

пространство сего любострастного злодѣянiя. Согрешилъ предо мною, навлекши себѣ безвременную старость и дряхлость въ юношескихъ еще лѣтахъ. Согрешилъ предъ вами, отравивъ жизненные ваши соки, до рожденiя вашего, и тѣмъ уготовилъ вамъ томное здравiе и безвременную, можетъ быть, смерть. Согрешилъ, и сіе да будетъ мнѣ въ казнь, согрешилъ въ горячности моей, взявъ въ супружество мать вашу. Кто мнѣ порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины? Смертоносный ядъ источаяся въ веселiи преселился въ чистое ея тѣло, и отравилъ непорочные ея члены. Тѣмъ смертоноснѣе онъ былъ, чѣмъ былъ сокровеннѣе. Ложная стыдливость воспретила мнѣ ее въ томъ предостеречь; она же не остерегалася отравителя своего, въ горячности своей къ нему. Воспаленiе, ей приключившееся, есть плодъ, можетъ быть, удѣленной ей мною отравы... О возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидѣть!

Но кто причиною, что сія смрадная болѣзнь во всѣхъ государствахъ дѣлаетъ столь великія опустошенiя, не токмо пожиная много настоящаго поколѣнiя, но сокращая дни грядущихъ? Кто причиною, — развѣ не правительство? Оно, дозволяя распутство мздоимное, отверзаетъ не токмо путь ко многимъ порокамъ; но отравляетъ жизнь гражданъ. Публичныя женщины находятъ защитниковъ, и въ нѣкоторыхъ государствахъ, состоятъ подъ покровительствомъ начальства. Если бы, говорятъ нѣкоторые, запрещено было наемное удовлетворенiе любовныя страсти, то бы нерѣдко были чувствуемы сильныя въ обществѣ потрясенiя. Увозы, насилiя, убійство, нерѣдко бы источникъ свой имѣли въ любовной страсти. Могли бы они потрясти и самыя основанiя обществъ... И вы желаете лучше тишину и съ нею томленiе и скорбь, нежели тревогу и съ нею здравiе и мужество. Молчите, скаредные учителя, вы есте

наемники мучительства; оно, проповѣдуя всегда миръ и тишину, заключаетъ засыпляемыхъ лестию въ оковы. Бойтся оно даже постороннія тревоги. Желало бы, чтобы вездѣ одинако съ нимъ мыслили, дабы надежно лелѣяться въ величествѣ и утопать въ любострастіи... Я не удивляюся глаголамъ вашимъ. Сродно рабамъ желати всѣхъ зрѣть въ оковахъ. Одинаковая участь облегчаетъ ихъ жребій, а превосходство чье-либо тягчить ихъ разумъ и духъ.

Валдаи.

Новой сей городокъ, сказываютъ, населенъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ взятыми въ плѣнъ поляками. Сей городокъ достопамятенъ, въ разсужденіи любовнаго расположенія его жителей, а особливо женщинъ незамужнихъ.

Кто не бывалъ въ Валдаяхъ, кто не знаетъ Валдайскихъ баранокъ и Валдайскихъ разрумяненныхъ дѣвокъ? Всякаго проѣзжающаго наглыя Валдайскія и стыдъ сотрясшія дѣвки останавливаютъ и стараются возжигать въ путешественникѣ любострастіе, воспользоваться его щедростью, на счетъ своего цѣломудрія. Сравнивая нравы жителей сея въ города произведенныя деревни со нравами другихъ Россійскихъ городовъ, подумаешь, что она есть наидревнѣйшая и что развратные нравы суть единые токмо остатки ея древняго построенія. Но какъ немного болѣе ста лѣтъ, какъ она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые его жители.

Бани бывали и нынѣ бываютъ мѣстомъ любовныхъ торжественій. Путешественникъ, условясь о пребываніи своемъ съ услужливою старушкою или парнемъ, становится на дворъ, гдѣ намѣренъ приносить жертву всеобожаемой Ладѣ. Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественникъ раздѣвается, идетъ въ баню, гдѣ его встрѣчаетъ или хозяйка, если молода, или ея дочь, или свойственницы ея, или сосѣдки. Отираютъ его утомленные члены: омывають его грязь. Сіе производятъ, совлекши съ себя одежды, возжигаютъ въ немъ любострастный огонь, и онъ препровождаетъ тутъ ночь, теряя деньги, здравіе и драгоцѣнное на путешествіе время. Бывало, сказываютъ, что оплошнаго и отягченнаго любовными подвигами и виномъ

путешественника сіи любострастныя чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его имѣніемъ. Не вѣдаю, правда ли сіе, но то правда, что наглость валдайскихъ дѣвокъ сократилася. И хотя онѣ не откажутся и нынѣ удовлетворить желаніямъ путешественника, но прежней наглости въ нихъ не видно.

Валдайское озеро, надъ которымъ построенъ сей городъ, достопамятно останется въ повѣствованіяхъ жертвовавшего монаха жизнью своею, ради своей любовницы. Въ полутора верстѣ отъ города, среди острова, находится Иверскій монастырь, славнымъ Никономъ патріархомъ построенный. Одинъ изъ монаховъ сего монастыря, посѣщая Валдаи, влюбился въ дочь одного валдайскаго жителя. Скоро любовь ихъ стала взаимною, скоро стремились они къ совершенію ея. Единожды насладившись ея веселіемъ, не въ силахъ были противиться ея стремленію. Но состояніе ихъ полагало оному преграду. Любовнику нельзя было отлучаться часто изъ монастыря своего; любовницѣ нельзя было посѣщать кельи своего любовника. Но горячность ихъ все преодолѣла: изъ любострастнаго монаха она сдѣлала неустрашимаго мужа, и дала ему силы почти чрезъестественныя. Сей новый Леандръ, дабы наслаждаться веселіемъ ежедневно въ объятіяхъ своей любовницы, едва ночь покрывала чернымъ покровомъ все зримое, выходилъ тихо изъ своей кельи и, совлекая свои ризы, преплывалъ озеро до противостоящаго берега, гдѣ воспріемлемъ былъ въ объятія своей любезной. Баня и въ ней утѣхи любовныя для него были готовы: и онъ забывалъ въ нихъ опасность и трудность преплыванія, и боязнь, если бы отлучка его стала извѣстна. За нѣсколько часовъ до разсвѣта, возвращался онъ въ свою келью. Тако препроводилъ онъ долгое время въ сихъ опасныхъ преплытіяхъ, награждая

веселиемъ ночнымъ скуку дневного заключенія. Но судьба положила конецъ его любовнымъ подвигамъ. Въ одну изъ ночей, когда сей неустрашимый любовникъ отправился чрезъ валы на зрѣніе своей любезной, внезапно возсталъ вѣтръ ему на средѣ пути его. Всѣ силы его немощны были на преодоленіе разъяренныхъ водъ. Тщетно онъ утомлялся, напрягая свои мышцы; тщетно возвышалъ гласъ свой, да услышанъ будетъ въ опасности. Видя невозможность достигнуть берега, вознамѣрился онъ возвратиться къ монастырю своему, дабы, имѣя попутной вѣтръ, тѣмъ легче онаго достигнуть. Но едва обратилъ онъ шествіе свое, какъ валы, осиливъ его утомленные мышцы, затопили его въ пучинѣ. На утріе тѣло его найдено на отдаленномъ берегу. Если бы я писалъ поэму на сіе, то бы читателю моему представилъ любовницу его въ отчаяніи. Но сіе было бы здѣсь излишнее. Всякъ знаетъ, что любовницѣ, на первое мгновеніе, скорбно узнать о кончинѣ любезнаго. Не вѣдаю и того, бросилась ли сія новая Геро въ озеро, или же въ слѣдующую ночь паки топила баню для путешественника. Любовная лѣтопись гласитъ, что валдайскія красавицы отъ любви не умирали... развѣ въ больницѣ.

Нравы Валдайскіе переселилися и въ близлежащій почтовый станъ Зимногорье. Тутъ для путешественника такая же бываетъ встрѣча, какъ и въ Валдаяхъ. Прежде всего, представляются взорамъ разрумяненныя дѣвки съ баранками. Но какъ молодыя мои лѣта прошли, то я поспѣшно разстался съ мазанными Валдайскими и Зимногорскими сиренами.

Едрово.

Доѣхавъ до жилья, я вышелъ изъ кибитки. Неподдалеку отъ дороги, надъ водою, стояло много бабъ и дѣвокъ. Страсть, господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая, по обыкшему ея стремленію, направила стопы мои къ толпѣ сельскихъ сихъ красавицъ. Толпа сія состояла болѣе нежели изъ тридцати женщинъ. Всѣ онѣ были въ праздничной одеждѣ, шеи голыя, ноги босыя, локти наружу, платье заткнутое спереди за поясъ, рубахи бѣлыя, взоры веселые, здоровье на щекахъ начертанное. Пріятности, загрузѣвшія хотя отъ зноя и холода, но прелестны безъ покрова хитрости; красота юности въ полномъ блескѣ, въ устахъ улыбка, или смѣхъ сердечной; а отъ него виденъ становился рядъ зубовъ бѣлѣе чистѣйшей слоновой кости, — зубы, которые бы щеголихъ съ ума свели. Пріѣзжайте сюда, любезныя наши боярыньки, Московскія и Петербургскія, посмотрите на ихъ зубы, учитесь у нихъ, какъ ихъ содержать въ чистотѣ. Зубного врача у нихъ нѣтъ. Не сдираютъ онѣ каждой день лоску съ зубовъ своихъ ни щетками, ни порошками. Станьте, съ которою изъ нихъ вы хотите, ротъ со ртомъ: дыханіе ни одной изъ нихъ не заразитъ вашего легкаго. А ваше, ваше, можетъ быть, положить въ нихъ начало... болѣзни... боюсь сказать — какой: хотя не покраснѣетесь, но разсердитесь... Развѣ я говорю неправду?... Мужъ одной изъ васъ таскается по всѣмъ сквернымъ дѣвкамъ; получивъ болѣзнь, пьетъ, ѣстъ и спитъ съ тобою же; другая же сама изволить имѣть годовыхъ, мѣсячныхъ, недѣльныхъ или чего Боже спаси, ежедневныхъ любовниковъ. Познакомься сегодня и совершивъ свое желаніе, завтра его не знаетъ; да и того иногда не знаетъ, что уже она однимъ его поцѣлуемъ

заразилася... А ты, голубушка моя, пятнадцатилѣтняя дѣвушка, ты еще непорочна, можетъ быть; но на лбу твоёмъ я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка изъ докторскихъ рукъ не выхаживалъ; а государыня матушка твоя направляла тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебѣ женишка, заслуженнаго старика генерала, и спѣшить тебя выдать замужь для того только, чтобы не сдѣлать съ тобой визита воспитательному дому. А за старикомъ то жить нехудо: своя воля; только бы быть замужемъ, дѣти всѣ его. Ревнивъ онъ будетъ — тѣмъ лучше: болѣе удовольствія въ украденныхъ утѣхахъ; съ первой ночи приучить его можно не слѣдовать глупой старой модѣ — съ женою спать вмѣстѣ...

И не примѣтилъ, какъ вы, мои любезныя городскія сватьюшки, тетушки, сестрицы, племянницы и проч., меня долго задержали. Вы, право, того не стоите. У васъ на щекахъ румяна, на сердцѣ румяна, на совѣсти румяна, на искренности... сажа. Все равно: румяна или сажа. Я побѣгу отъ васъ во всю конскую рысь къ моимъ деревенскимъ красавицамъ. Правда, есть между ними на васъ похожія, но есть такія, каковыхъ въ городахъ слыхомъ не слыхано и видомъ не видано... Посмотрите, какъ всѣ члены у моихъ красавицъ круглы, рослы, неискривлены, неиспорчены. Вамъ смѣшно, что у нихъ ступни въ пять вершковъ, а можетъ быть, и въ шесть. Ну, любезная моя племянница, съ трехъ вершковой твоею ножкою, стань съ ними рядомъ, и бѣгите взапуски: кто скорѣе достигнетъ высокой березы, по конецъ луга стоящей? А... а... это не твое дѣло... А ты, сестрица моя, голубушка, съ трехчетвертнымъ своимъ станомъ въ обхватѣ, ты изволишь издѣваться, что у сельской моей русалки брюшко на волѣ выросло. Постой, моя голубушка, посмѣюсь и я надъ тобою. Ты ужъ десятой мѣсяць замужемъ, и ужъ трехчетвертной твой станъ

изуродовался. А какъ то дойдетъ до родовъ, запоешь другимъ голосомъ. Но дай Богъ, чтобы обошлось все смѣхомъ. Дорогой мой зятюшка ходитъ, повѣся носъ. Уже всѣ твои шнурованья бросилъ въ огонь. Кости изъ всѣхъ твоихъ платьевъ повиытаскалъ, но уже поздно. Сросшихся твоихъ накриво составовъ тѣмъ не спрямишь... Плачь, мой любезной зять, плачь. Мать наша, слѣдуя плачевной и смертію разрѣшающихся отъ бремени женъ ознаменованной модѣ, уготовала за многія лѣта тебѣ печаль, а дочери своей болѣзнь, дѣтямъ твоимъ слабое тѣлосложеніе. Она теперь возноситъ надъ главою ея смертоносное остріе; и если оно не коснется дней твоя супруга, благодари случай; а если вѣришь, что провидѣніе Божіе о томъ заботилося, то благодари и его, коли хочешь... Но я еще съ городскими боярыньками... Вотъ что привычка дѣлаетъ; отвязаться отъ нихъ не хочется. И, право, съ вами бы не разстался, если бы могъ довести васъ до того, чтобы вы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте...

Покуда я глядѣлъ на моющихъ платье деревенскихъ нимфъ, кибитка моя отъ меня уѣхала. Я намѣрялся итти за нею вслѣдъ, какъ одна дѣвка, по виду лѣтъ двадцати, а конечно, не болѣе семнадцати, положила мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мной дорогою. Поровнявшись съ ней, началъ я съ нею разговоръ... Нетрудно ли тебѣ нести такую тяжелую ношу, любезная моя, какъ назвать — не знаю... Меня зовутъ Анною, а ноша моя нетяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя, баринъ, не попросила мнѣ пособить... Къ чему такая суровость, Аннушка, душа моя, я тебѣ худого не желаю... Спасибо, спасибо; часто мы видимъ такихъ щелкуновъ, какъ ты; пожалуй, проходи своею дорогою... Анютушка, я, право, не таковъ, какъ я тебѣ кажуся, и не таковъ, какъ тѣ, о которыхъ ты говоришь. Тѣ, думаю, такъ не начинаютъ разговора съ

деревенскими дѣвками, а всегда поцѣлуемъ; но я хотя бы тебя поцѣловалъ, то конечно бы такъ, какъ сестру родную... Не подѣзжай, пожалуй, рассказы таковыя я слыхала; а коли ты худого не мыслишь, чего же ты отъ меня хочешь?... Душа моя Аннушка, я хотѣлъ знать, есть-ли у тебя отецъ и мать, какъ ты живешь, богато ли или убого, весело ли, есть-ли у тебя женихъ?... А на что это тебѣ, баринъ. Отъ роду въ первой разъ такія слышу рѣчи... Изъ сего судить можешь, Анюта, что я не негодяй, не хочу тебя обругать, или обезчестить. Я люблю женщинъ для того, что онѣ соотвѣтственное имѣютъ сложеніе моей нѣжности; а болѣе люблю сельскихъ женщинъ, или крестьянокъ для того, что онѣ не знаютъ еще притворства, не налагаютъ на себя личины притворныя любви, а когда любятъ, то любятъ отъ всего сердца и искренно... Дѣвка въ сіе время смотрѣла на меня, выпяля глаза, съ удивленіемъ. Да и такъ быть должно; ибо кто не знаетъ, съ какою наглостію дворянская дерзкая рука поползается на непристойныя и оскорбительныя цѣломудрію шутки съ деревенскими дѣвками. Онѣ въ глазахъ дворянъ, старыхъ и малыхъ, суть твари, созданныя на ихъ угожденіе. Такъ они и поступаютъ; а особливо съ несчастными, подвластными ихъ велѣніямъ. Въ бывшее Пугачевское возмущеніе, когда всѣ служители вооружились на своихъ господъ, нѣкакіе крестьяне (повѣсть сія нелжива), связавъ своего господина, везли его на неизбѣжную казнь. Какая была тому причина? Онъ во всемъ былъ господинъ доброй и человѣколюбивой, но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери. Каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія ту, которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно въ деревнѣ было, что онъ омерзиль 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая команда выручила сего варвара изъ рукъ, на

него злобствовавшихъ. Глупые крестьяне, вы искали правосудія въ самозванцѣ! но почто не повѣдали вы сего законнымъ судіямъ вашимъ? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны остались. А теперь злодѣй сей спасенъ. Блаженъ, если близкой взоръ смерти образъ мыслей его перемѣнилъ, и далъ жизненнымъ его сокамъ другое теченіе... Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы... Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того захочетъ....

Если, баринъ, ты не шутишь, сказала мнѣ Аня, то вотъ что я тебѣ скажу: У меня отца нѣтъ, онъ умеръ уже года съ два; есть матушка да маленькая сестра. Батюшка намъ оставилъ пять лошадей и три коровы. Есть и мелкаго скота и птицъ довольно; но нѣтъ въ домѣ работника. Меня было сватали въ богатой домъ, за парня десятилѣтняго; но я не захотѣла. Что мнѣ въ такомъ ребенкѣ, я его любить не буду. А какъ онъ придетъ въ пору, то я состарѣюсь, и онъ будетъ таскаться съ чужими. Да сказываютъ, что свекоръ самъ съ молодыми невѣстками спитъ, покуда сыновья вырастаютъ. Мнѣ для того-то не захотѣлось итти къ нему въ семью. Я хочу себѣ ровню. Мужа буду любить, да и онъ меня любить будетъ, въ томъ не сомнѣваюсь. Гулять съ молодцами не люблю, а замужъ, баринъ, хочется. Да знаешь ли для чего? говорила Аня, потупя глаза.... Скажи, душа моя Аня, не стыдись; всѣ слова въ устахъ невинности непорочны.... Вотъ что я тебѣ скажу. Прошлымъ лѣтомъ, годъ тому назадъ, у сосѣда нашего женился сынъ на моей подругѣ, съ которой я хаживала всегда въ посидѣлки. Мужъ ее любить, а она его столько любитъ, что на десятомъ мѣсяцѣ послѣ вѣнчанья, родила ему сына. Всякой вечеръ она выходитъ пѣствовать его за ворота. Она на него не наглядится. Кажется будто и паренекъ-то матушку свою ужъ любить. Какъ она скажетъ ему: агу,

агу, онъ и засмѣется. Мнѣ-то до слезъ всякой день; мнѣ бы ужъ хотѣлось самой имѣть такого же паренька.... Я не могъ тутъ вытерпеть и, обнявъ Анюту, поцѣловаль ее отъ всего моего сердца.... Смотри, баринъ, какой ты обманщикъ, ты ужъ играешь со мною. Поди, сударь, прочь отъ меня, оставь бѣдную сироту, сказала Анята, заплакавъ. Кабы батюшка живъ былъ и это видѣлъ, то бы даромъ, что ты господинъ, нагрѣлъ бы тебѣ шею.... Не оскорбляйся, моя любезная Аннушка, не оскорбляйся, поцѣлуй мой не осквернитъ твоей непорочности. Она въ глазахъ моихъ священна. Поцѣлуй мой есть знакъ моего къ тебѣ почтенія и былъ исторгнутъ восхищеніемъ глубоко тронутыя души. Не бойся меня, любезная Анята, не подобенъ я хищному звѣрю, какъ наши молодые господчики, которые отъятіе непорочности ни во что вмѣняютъ. Если бы я зналъ, что поцѣлуй мой тебя осквернитъ, то клянусь тебѣ Богомъ, что бы не дерзнулъ на него.... Разсуди самъ, баринъ, какъ не осердиться за поцѣлуй, когда всѣ они ужъ посулены другому. Они заранее всѣ ужъ отданы, и я въ нихъ невластна.... Ты меня восхищаешь. Ты уже любить умѣешь. Ты нашла сердцу своему другое ему соотвѣтствующее. Ты будешь блаженна. Ничто не развратитъ союза вашего. Не будешь ты окружена соглядателями, въ сѣти пагубы уловить тебя стерегущими. Не будетъ слухъ сердечнаго друга твоего уязвленъ прельщающимъ гласомъ, на нарушеніе его къ тебѣ вѣрности призывающимъ. Но почто же, моя любезная Анята, ты лишена возможности наслаждаться счастіемъ въ объятіяхъ твоего милаго друга?... Ахъ, баринъ, для того, что его не отдають къ намъ въ домъ. Просятъ сто рублей. А матушка меня не отдаетъ: я у ней одна работница.... Да любить ли онъ тебя?... Какъ же не такъ. Онъ приходитъ по вечерамъ къ нашему дому, и мы вмѣстѣ смотримъ на паренька моей подруги.... Ему

хочется такого же паренька. Грустно мнѣ будетъ; но быть терпѣть. Ванюха мой хочетъ итти на баркахъ въ Питерь въ работу, и не воротится, покуда не выработаетъ ста рублей для своего выкупа.... Не пускай его, любезная Анютушка, не пускай его; онъ идетъ на свою гибель. Тамъ онъ научится пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего онъ и тебя любить перестанетъ.... Ахъ, баринъ, не стражай меня, сказала Аня, почти заплакавъ.... А тѣмъ скорѣе, Аня, если ему случится служить въ дворянскомъ домѣ. Господской примѣръ заражаетъ верхнихъ служителей, нижніе заражаются отъ верхнихъ, а отъ нихъ язва разврата достигаетъ и до деревень. Примѣръ есть истинная чума; кто что видитъ, тотъ то и дѣлаетъ.... Да какъ же быть? Такъ мнѣ и вѣкъ за нимъ не бывать замужемъ. Ему пора уже жениться; по чужимъ онъ не гуляетъ: меня не отдають къ нему въ домъ; то высватають за него другую, а я, бѣдная, умру съ горя ... Сіе говорила она, проливая горькія слезы.... Нѣтъ, моя любезная Анютушка, ты завтра же будешь за нимъ. Поведи меня къ твоей матери.... Да вотъ нашъ дворъ, сказала она, остановясь. Проходи мимо, матушка меня увидитъ, и худое подумаетъ. А хотя она меня и не бьетъ, но одно ея слово мнѣ тяжелѣе всякихъ побоевъ.... Нѣтъ, моя Аня, я пойду съ тобою.... и, не дожидаясь ея отвѣта, вошелъ въ ворота и прямо пошелъ на лѣстницу въ избу. Аня мнѣ кричала въ слѣдъ: Постой, баринъ, постой. Но я ей не внималъ. Въ избѣ нашелъ я Аньютину мать, которая квашню мѣсила; подлѣ нея на лавкѣ сидѣлъ будущій ея зять. Я безъ дальнихъ околичностей ей сказалъ, что я желаю, чтобы дочь ея была замужемъ за Иваномъ, и для того принесъ ей то, что надобно для отвлеченія препятствія въ семъ дѣлѣ. Спасибо, баринъ, сказала старуха, въ этомъ теперь ужъ нѣтъ нужды. Ванюха теперь пришедъ сказывалъ, что отецъ ужъ

отпускаетъ его ко мнѣ въ домъ. И у насъ въ воскресенье будетъ свадьба.... Пускай же посуленное отъ меня будетъ Анютѣ въ приданное.... И на томъ спасибо. Приданнаго бояре дѣвкамъ даромъ не даютъ. Если ты надъ моей Анютой что сдѣлалъ, и за то даешь ей приданное, то Богъ тебя накажетъ за твое безпутство; а денегъ я не возьму. Если же ты доброй человѣкъ и не ругаешься надъ бѣдными, то взявъ я отъ тебя деньги, лихіе люди мало ли что подумаютъ. Я не могъ надивиться, нашедъ толико благородства въ образѣ мыслей у сельскихъ жителей. Анята, между тѣмъ, вошла въ избу, и матери своей меня расхвалила. Я было еще попытался дать имъ денегъ, отдавая ихъ Ивану, на заведеніе дому; но онъ мнѣ сказалъ: У меня, баринъ, есть двѣ руки, я ими домъ и заведу. Примѣтивъ, что имъ мое присутствіе было не очень пріятно, я ихъ оставилъ и возвратился къ моей кибиткѣ.

Гдущу мнѣ изъ Едрова, Анята изъ мысли моей не выходила. Невинная ея откровенность мнѣ нравилась безмѣрно. Благородный поступокъ ея матери меня плѣнилъ. Я сію почтенную мать съ засученными рукавами за квашнею, или съ подойникомъ подлѣ коровы, сравнивалъ съ городскими матерями. Крестьянка не хотѣла у меня взять, непорочныхъ, благоумышленныхъ ста рублей, которые въ соразмѣрности состояній должны быть для полковницы, совѣтницы, маіорши, генеральши, пять, десять, пятнадцать тысячъ или болѣе; если же госпожѣ полковницѣ, маіоршѣ, совѣтницѣ, или генеральшѣ.... (въ соразмѣрности моего посула Едровской ямщичихѣ), у которой дочка лицомъ недурна, или только что непорочна, и того уже довольно знатной баринъ, седмидесятой, или, чего Боже сохрани, седмидесятъ второй пробы, посулить пять, десять, пятнадцать тысячъ, или глухо знатное приданое, или сыщеть

чиновнаго жениха, или выпросить въ почетныя дѣвицы; то я васъ вопрошаю, городскія матушки, не ёкнетъ ли у васъ сердечко? не захочется ли видѣть дочку въ позлащенной каретѣ, въ брилліантахъ, ѣдущею четвернею, если она ходитъ пѣшкомъ, или ѣдущею цугомъ, вмѣсто двухъ заморенныхъ клячъ, которыя ее таскають? Я согласенъ въ томъ съ вами, что бы вы обрядъ и благочиніе сохранили, и не такъ легко сдалися, какъ театральныя дѣвки. Нѣтъ, мои голубушки, я вамъ даю сроку на мѣсяць или на два, но не болѣе. А если долѣ заставите воздыхать первостатейнаго бесплодно, то онъ, будучи занятъ дѣлами государственными, васъ оставитъ, дабы не терять съ вами драгоцѣннѣйшаго времени, которое онъ лучше употребить можетъ на пользу общественную.... Тысячи голосовъ на меня подымаются; ругають меня всякими мерзкими названіями: мошенникъ, плутъ, кан... бес... и пр. и пр.... Голубушки мои, успокойтесь, я вашей чести не поношу. Уже ли всѣ таковы? Поглядитесь въ сіе зеркало: кто изъ васъ себя въ немъ узнаетъ, та брани меня безъ всякаго милосердія. Жалобницы и на ту я не подамъ, суда по формѣ говорить съ ней не стану....

Анюта, Анюта, ты мнѣ голову вскружила! Для чего я тебя не узналъ лѣтъ 15 тому назадъ? Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновенію неприступная, научила бы меня ходить во стезяхъ цѣломудрія. Для чего первой мой въ жизни поцѣлуй не былъ тотъ, которой я на щекѣ твоей прилѣпилъ въ душевномъ восхищеніи. Отраженіе твоея жизненности проникнуло бы во глубину моего сердца, и я бы избѣгнулъ скарედностей, житіе мое исполнившихъ. Я бы удалился отъ смрадныхъ наемницъ любострастія, почтилъ бы ложе супружества, не нарушилъ бы союза родства моею плотскою несытостію; дѣвственность была бы для меня святая святыхъ, и ея коснутися не дерзнулъ

бы. О моя Анютушка! сиди всегда у околицы, и давай наставленія твоею незастѣнчивою невинностію. Увѣренъ, что обратишь на путь добродѣланія начинающаго съ онаго соврачатися и укрѣпишь въ немъ къ совраченію наклоннаго. Не востревожься, если закоренѣлый въ развратности, посѣдѣвшій въ объятіяхъ безстыдства мимо тебя пройдетъ, и тебя презреть; не тщися воспретить его шествію услажденіемъ твоего разговора. Сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Не можетъ благодѣтельное жало невинныя добродѣтели положить на немъ глубокія черты. Конецъ ея скользнетъ по поверхности гладко затвердѣлаго порока. Блюди, да о нее остріе твое не притупится. Но не пропусти юношу, опасными лѣпоты прелестями облеченнаго; улови его въ твои сѣти. Онъ гордъ, надмененъ, порывистъ, наглъ, дерзновененъ, обидящъ, уязвляющъ кажется. Но сердце его уступить твоему впечатлѣнію, и отверзется на воспріятіе твоего благотворнаго примѣра... Анята, я съ тобой не могу разстаться, хотя уже вижу двадцатой столпъ отъ тебя...

Но что такое за обыкновеніе, о которомъ мнѣ Анята сказывала? Ее хотѣли отдать за десятилѣтняго ребенка. Кто могъ такой союзъ дозволить? Почто не ополчится рука, законы хранящая, на искорененіе толикаго злоупотребленія? Въ Христіанскомъ законѣ бракъ есть таинство, въ гражданскомъ соглашеніе или договоръ. Какой священнослужитель можетъ неравный бракъ благословить, или какой судія можетъ его вписать въ свой дневникъ? Гдѣ нѣтъ соразмѣрности въ лѣтахъ, тамъ и бракъ быть не можетъ. Сіе запрещаютъ правила естественности, яко вещь бесполезную для человѣка; сіе запрещать долженствоваль бы законъ гражданскій, яко вредное для общества. Мужъ и жена въ обществѣ суть два гражданина, дѣлающіе договоръ, въ законѣ утвержденной, которымъ обѣщаются прежде всего на

взаимное чувствъ услажденіе (да не дерзнетъ здѣсь никто оспорить первѣйшаго закона сожитія и основанія брачнаго союза; начало любви непорочнѣйшія и твердый камень основанія супружняго согласія) обѣщаются жить вмѣстѣ, общее имѣть стяжаніе, возвращать плоды своя горячности, и дабы жить мирно, другъ друга не уязвлять. При неравенствѣ лѣтъ, можно ли сохранить условіе сего соглашенія? Если мужъ десяти лѣтъ, а жена двадцати пяти, какъ то бываетъ часто во крестьянствѣ, или, если мужъ пятидесяти, а жена пятнадцати или двадцати лѣтъ, какъ то бываетъ во дворянствѣ, можетъ ли быть взаимное чувствъ услажденіе. Скажите вы мнѣ, мужа старички, но скажите по совѣсти, стоите ли вы названія мужа. Вы можете только возжечь огонь любовной, не въ состояніи его утушить. Неравенствомъ лѣтъ нарушается единый изъ первѣйшихъ законовъ природы; то можетъ ли положительный законъ быть твердъ, если основаніе не имѣетъ въ естественности? Скажемъ яснѣе: онъ и не существуетъ... Возвращать плоды взаимной горячности... Но можетъ ли тутъ быть взаимность, гдѣ съ одной стороны пламя, а съ другой нечувствительность? Можетъ ли быть тутъ плодъ, если насажденное древо лишается благодѣтельнаго дождя и питающія росы? А если плодъ когда и будетъ, но будетъ онъ тощъ, невзраченъ и скорому подверженъ тлѣнію... Не уязвлять другъ друга... Се правило предвѣчное, вѣрное, буде счастливою въ супругахъ симпатіею чувства ихъ равномѣрно услаждаются, то союзъ брачный будетъ благополученъ; малыя домашнія волненія скоро утихаютъ при нашествіи веселія. И когда мразъ старости подернетъ чувственное веселіе непроницаемою корою, тогда напоминовеніе прежнихъ утѣхъ успокоитъ брюзгливую древность лѣтъ... Одно условіе брачнаго договора можетъ и въ неравенствѣ быть исполняемо. Жить вмѣстѣ... Но будетъ ли въ томъ взаимность?

Одинъ будетъ начальникъ самовластный, имѣя въ рукахъ силу, другой будетъ слабый подданныкъ и рабъ совершенный, вельніе господа своего исполнять только могущій... Вотъ, Анята, благія мысли, тобою мнѣ внушенныя. Прости, любезная моя Анятушка, поученія твои вѣчно пребудутъ въ сердцѣ моемъ впечатлѣнны, и сыны сыновъ моихъ наслѣдятъ въ нихъ.

Хотилоской ямъ былъ уже въ виду, а я еще размышлялъ о Едровской дѣвкѣ, и въ восторгѣ души моей воскликнулъ громко: о Анята! Анята! Дорога была негладка, лошади шли шагомъ; повозчикъ мой вслушался въ мою рѣчь, оглянувшись на меня: Видно, баринъ, говорилъ онъ мнѣ, улыбаясь и поправляя шляпу, что ты на Анятку нашу призарился. Да ужъ и дѣвка! Не одному тебѣ она носъ утерла... Всѣмъ взяла... На нашемъ яму много смазливыхъ, но передъ ней всѣ плюнь. Какая мастерица плясать! всѣхъ за поясъ заткнетъ, хоть бы кого... А какъ пойдетъ въ полѣ жать... Заглядѣнье. Ну... братъ Ванька счастливъ. Иванъ братъ тебѣ?... Братъ двоюродной. Да вѣдь и парень! Трое вдругъ молодцовъ стали около Анятки свататься; но Иванъ всѣхъ отбоярилъ. Они и тѣмъ и семь, но не тутъ-та. А Ванюха тотчасъ и подцѣпилъ... (Мы уже въѣзжали въ околицу)... То-то, баринъ! Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ... И къ почтовому двору подѣхалъ.

Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, твердилъ я, вылѣзая изъ кибитки... Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, повторилъ я, наклоняясь, и, поднявъ, развертываю...

Хотилловъ.

Проектъ въ будущемъ.

Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оно нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія возведенныя до высочайшія совершенства степени, до коей человѣку достигнути дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій, вольно распростирая свое крыліе, безпрепятственно и незаблужденно возносится вездѣ къ величію, и надежнымъ нынѣ сталъ стражею общественныхъ законоположеній, — подъ державнымъ его покровомъ свободно и сердце наше въ молитвахъ, ко всевышнему Творцу возсылаемыхъ, — съ неизреченнымъ радованіемъ сказать можетъ, что отечество наше есть пріятное божеству обиталище; ибо сложеніе его не на предразсудкахъ и суевѣріяхъ основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ Отца всѣхъ. Неизвѣстны намъ вражды, столь часто людей раздѣлявшія за ихъ исповѣданіе, неизвѣстно намъ въ ономъ и принужденіе. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями другъ друга почитаемъ, единому принадлежа семейству, единого имѣя отца, Бога.

Свѣтильникъ науки, носяся надъ законоположеніемъ нашимъ, отличаетъ нынѣ его отъ многихъ земныхъ законоположеній. Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществвахъ, отъемлютъ корень даже гражданскихъ несогласій. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы верховныя власти, яко велѣнія нѣжныхъ родителей къ своимъ чадамъ, предупреждаетъ даже и безхитростныя злодѣянія. Ясность въ положеніяхъ о пріобрѣтеніи и

сохраненіи имѣній не дозволяетъ возродиться семейнымъ распрямъ. Межа, отдѣляющая гражданина въ его владѣніи отъ другого, глубока, и всѣми зрима, и всѣми свято почитаема. Оскорбленія частныя между нами рѣдки, и дружелюбно примиряются. Воспитаніе народное пеклося о томъ, да кротки будемъ, да будемъ граждане миролюбивые, но прежде всего, да будемъ человѣки.

Наслаждаяся внутренней тишиною, внѣшнихъ враговъ не имѣя: доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитія; неужели толико чужды будемъ ощущенію человѣчества, чужды движеніямъ жалости, чужды нѣжности благородныхъ сердець, любви чужды братнія: и оставимъ въ глазахъ нашихъ на всегдашнюю намъ укоризну, на поношеніе дальнѣйшаго потомства, треть цѣлюю общниковъ нашихъ, согражданъ намъ равныхъ, братій возлюбленныхъ въ естествѣ, въ тяжкихъ узахъ рабства и неволи? Звѣрской обычай поработать себѣ подобнаго человѣка, возродившійся въ знойныхъ полосахъ Азіи, обычай, дикимъ народамъ приличный; обычай, знаменующій сердце окаменѣлое, и души отсутствіе совершенное, простерся на лицѣ земли быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные невѣжества мракомъ, воспріяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошедшихъ вѣковъ, ко стыду сего разумнаго времяточія, сохранили его нерушимо, даже до сего дня.

Извѣстно вамъ изъ дѣяній отцовъ вашихъ, извѣстно всемъ изъ нашихъ лѣтописей, что мудрые правители нашего народа, истиннымъ подвизаемы человеколюбіемъ, дознавъ естественную связь общественнаго союза, старались положить предѣлъ стоглавному сему злу. Но державные ихъ подвиги утщетились извѣстнымъ тогда гордыми своими

преимуществами въ государствѣ нашемъ чиновосостояніемъ, но нынѣ обветшалымъ и въ презрѣніе впадшимъ дворянствомъ наслѣдственнымъ. Державные предки наши, среди могущества силъ скипетра своего, немощны были на разрушеніе оковъ гражданскія неволи. Не токмо они не могли исполнити своихъ благихъ намѣреній, но ухищреніемъ помянутаго въ государствѣ чиновосостоянія подвигнуты стали на противныя разсудку ихъ и сердцу правила. Отцы наши зрѣли губителей сихъ со слезами, можетъ быть, сердечными, сожимающихъ узы и отягчающихъ оковы наиполезнѣйшихъ въ обществѣ сочленовъ. Земледѣльцы и до днесь между нами рабы; мы въ нихъ не познаемъ согражданъ намъ равныхъ, забыли въ нихъ человѣка. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! воззрите окрестъ васъ, и познайте заблужденіе ваше. Служители Божества предвѣчнаго, подвизаемые ко благу общества и ко блаженству человѣка единомысліемъ съ нами, изъясняли вамъ въ поученіяхъ своихъ, во имя всещедрого Бога, ими проповѣдуемаго, колико мудрости его и любви противно властвовать надъ ближнимъ своимъ самопроизвольно. Старались они доводами, въ природѣ и сердцѣ нашемъ почерпнутыми, доказать вамъ жестокость вашу, неправду и грѣхъ. Еще гласъ ихъ торжественно, во храмахъ живого Бога, вопіетъ громко: опомнитесь, заблудшіе, смягчитесь, жестокосердые; разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладости общежитія, къ нему же всещедрымъ уготованы, яко же и вы. Они благодѣтельными лучами солнца равно съ вами наслаждаются, одинаковые съ вами у нихъ члены и чувства, и право въ употребленіи оныхъ должно быть одинаково.

Но если служители Божества представили взорамъ вашимъ неправоту порабощенія, въ отношеніи

человѣка, за долгъ нашъ вмѣняемъ мы показать вамъ вредъ оной въ обществѣ, и неправильность онаго, въ отношеніи гражданина. Излишне казалось бы, при возникшемъ столь уже давно духѣ любознательности, изыскивать или поновлять доводы о существенномъ человѣковѣ, а потому и гражданѣ, равенствѣ. Возросшему подъ покровомъ свободы, исполненному чувствіями благородства, а не предразсужденіями, доказательства о первенственномъ равенствѣ суть движенія его сердца обыкновенныя. Но се несчастіе смертнаго на землѣ: заблуждати среди свѣта, и не зрѣти того, что прямо взорамъ его предстоитъ.

Въ училищахъ, юнымъ вамъ сущимъ, преподавали вамъ основанія права естественнаго и права гражданскаго. Право естественное показало вамъ человѣковѣ, мысленно внѣ общества пріятшихъ одинаковое отъ природы сложеніе, и потому имѣющихъ одинаковыя права, слѣдственно, равныхъ во всемъ между собою и единые другимъ неподвластныхъ. Право гражданское показало вамъ человѣковѣ, промѣнявшихъ безпредѣльную свободу на мирное оныя употребленіе. Но если всѣ они положили свободѣ своей предѣлы, и правило дѣяніямъ своимъ, то всѣ равны отъ чрева матеря въ природной свободѣ, равны должны быть и въ ограниченіи оной. Слово слѣдственно, и тутъ одинъ другому не подвластенъ. Властитель первый въ обществѣ есть законъ; ибо онъ для всѣхъ одинъ. Но какое было побужденіе вступати въ общество и полагати произвольные предѣлы дѣяніямъ. Разсудокъ скажетъ: собственное благо, сердце скажетъ: собственное благо, нерастлѣнный законъ гражданскій скажетъ: собственное благо. Мы въ обществѣ живемъ, уже многія степени усовершенствованія протекшемъ, и потому запомнили мы начальное онаго положеніе. Но воззрите на всѣ новые народы и на всѣ общества естества, если такъ

сказать можно. Во-первыхъ, порабощеніе есть преступленіе; во-вторыхъ, единъ злодѣй или непріятель испытуетъ тягость неволи. Соблюдая сіи понятія, познаемъ мы, колико удалилися мы отъ цѣли общественной, колико отстоимъ еще вершины блаженства общественнаго далеко. Все сказанное нами вамъ есть обычно, и правила таковыя изсосали вы со млекою матернимъ. Единъ предразсудокъ мгновенія, единая корысть (да не уязвитесь нашими изреченіями), единая корысть отъемлетъ у насъ взоръ, и въ темнотѣ бѣснующимъ насъ уподобляетъ.

Но кто между нами оковы носить, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ! кормилецъ нашея тощеты, насытитель нашего глада; тотъ, кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, не имѣя права распорядити ни тѣмъ, что обрабатываетъ, ни тѣмъ, что производить. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея? Представимъ себѣ мысленно мужей, пришедшихъ въ пустыню для сооруженія общества. Помышляя о прокормленіи своемъ, они дѣлятъ поросшую лакомъ землю. Кто жребій на удѣлѣ получаетъ? Не тотъ ли, кто ее вспахать возможетъ; не тотъ ли, кто силы и желаніе къ тому имѣетъ достаточныя? Младенцу или старцу, разслабленному, немощному и нерадивому, удѣлъ будетъ бесполезенъ. Она пребудетъ въ заустѣннѣи, и вѣтръ класовъ на ней не возвѣетъ. Если она бесполезна дѣлателю ея, то бесполезна и обществу; ибо избытка своего дѣлатель обществу не отдастъ, не имѣя нужнаго. Слѣдственно, въ началѣ общества, тотъ, кто ниву обработать можетъ, тотъ имѣлъ на владѣніе ея право, и обрабатывающій ея пользуется ею исключительно. Но колико удалилися мы отъ первоначальнаго общественнаго положенія, относительно владѣнія. У насъ тотъ, кто естественное имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ

совершенно, но работая ниву чуждую, зрять пропитаніе свое, зависящее отъ власти другого! Просвѣщеннымъ вашимъ разумама истины сіи не могутъ быть непонятны, но дѣянія ваши, въ исполненіи сихъ истинъ, препинаемы, сказали уже мы, предразсужденіемъ и корыстію. Неужели сердца ваши, любовію челоуѣчества полныя, предпочтутъ корысть чувствованіямъ, сердце улаждающимъ? Но какая въ томъ корысть ваша? Можетъ ли государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія, и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженными? Можно ли назвать блаженнымъ гражданское положеніе крестьянина въ Россіи? Ненасытець кровей одинъ скажетъ, что онъ блаженъ, ибо не имѣетъ понятія о лучшемъ состояніи.

Мы постараемся опровергнуть теперь сіи звѣрскія властителей правила, яко же ихъ опровергали нѣкогда предшественники наши дѣяніями своими неуспѣшно.

Блаженство гражданское въ различныхъ видахъ представиться можетъ. Блаженно государство, говорятъ, если въ немъ царствуетъ тишина и устройство. Блаженно, кажется, когда нивы въ немъ не пустѣютъ, и во градѣхъ гордыя воздымаются зданія. Блаженно называютъ его, когда далеко простираетъ власть оружія своего, и властвуетъ оно внѣ себя, не токмо силою своею, но и словомъ своимъ надъ мнѣніями другихъ. Но всѣ сіи блаженства можно назвать внѣшними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными.

Возримъ на подлежащую взорамъ нашимъ долину. Что видимъ мы? Пространный воинскій станъ. Царствуетъ въ немъ тишина повсюду. Всѣ ратники стоятъ въ своемъ мѣстѣ. Наивеличайшій строй зрится въ рядахъ ихъ. Единое велѣніе, единое руки мановеніе начальника движетъ весь станъ, и движетъ его стройно. Но можемъ ли назвать воиновъ блаженными?

Превращенные точностію воинскаго повиновенія въ куклы, отъемлетя у нихъ даже движенія воля, толико живымъ веществамъ свойственная. Они знаютъ только велѣніе начальника, мыслятъ, что онъ хочетъ, и стремятся, куда направляетъ. Толико всесилень жезлъ надъ могущественнѣйшею силою государства. Свокупны, возмогутъ вся, но раздѣленны и на единѣ, пасутся, яко скоты, аможе пастырь пожелаетъ. Устройство на счетъ свободы столь же противно блаженству нашему, какъ и самыя узы... Сто невольниковъ, пригвожденныхъ ко скамьямъ корабля, веслами двигаемаго въ пути своемъ, живутъ въ тишинѣ и устройствѣ; но загляни въ ихъ сердце и душу. Желали бы они нерѣдко промѣнять жизнь на кончину; но и ту имъ оспариваютъ. Конецъ страданія ихъ есть блаженство; а блаженство неволѣ несродно, и потому они живы. И такъ, да не ослѣпимся внѣшнимъ спокойствіемъ государства и его устройствомъ, и для сихъ только причинъ, да не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердца согражданъ. Если въ нихъ найдешь спокойствіе и миръ, тогда сказать можешь воистинну: се блаженны.

Европейцы, опустошивъ Америку, утучнивъ нивы ея кровію природныхъ ея жителей, положили конецъ убійствамъ своимъ новою корыстію. Запустѣлыя нивы сего обновленнаго сильными природы потрясеніями полукружія почувствовали соху, нѣдра ихъ раздирающую. Злакъ, на тучныхъ лугахъ выроставшій и изсыхавшій безплодно, почувствовалъ быліе свое, остріемъ косы подсѣкаемо. Валяются на горахъ гордыя деревья, издревле вершины ихъ осѣнявшія. Лѣса безплодные и горькія дебри претворяются въ нивы плодоносныя и покрываются стовидными произрашеніями, единой Америкѣ свойственными, или удачно въ оную преселенными. Тучныя луга

потаптываются многочисленнымъ скотомъ, на яству и работу человѣкомъ опредѣляемымъ. Вездѣ видна строящая рука дѣлателя, вездѣ кажется видъ благосостоянія и внѣшній знакъ устройства. Но кто же столь мощною рукою нудитъ скупую, лѣнивую природу давать плоды свои въ толикомъ обилии? Заклавъ индійцевъ единовременно, злобствующие европейцы, проповѣдники миролюбія во имя Бога истины, учителя кротости и человѣколюбія, къ корени яростнаго убійства завоевателей прививаютъ хладнокровное убійство порабощенія пріобрѣтеніемъ невольниковъ куплею. Сіи то несчастныя жертвы знойныхъ береговъ Нигера и Сенегала, отринутыя своихъ домовъ и семействъ, преселенныя въ невѣдомыя имъ страны, подъ тяжкимъ жезломъ благоустройства, вздираютъ обильныя нивы Америки, трудовъ ихъ гнушающейся. И мы страну опустошенія назовемъ блаженною для того, что поля ея не поросли терніемъ и нивы ихъ обилуютъ произращеніями разнообразными. Назовемъ блаженною страну, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысящи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова. О дабы опустѣти паки обильнымъ симъ странамъ! дабы терніе и волчець, простирая корень свой глубоко, истребили всѣ драгія Америки произведенія! Вострепещите, о возлюбленные мои, да не скажутъ о васъ: «премени имя, повѣсть о тебѣ вѣщаетъ»..

Мы дивимся и нынѣ еще огромности египетскихъ зданій. Неуподобительныя пирамиды чрезъ долгое время доказывать будутъ смѣлое въ созиданіи египтянъ зодчество. Но для чего сіи столь нелѣпыя кучи камней были уготованы? На погребеніе надменныхъ фараоновъ. Кичливые сіи властители, жажда безсмертія, и по кончинѣ хотѣли отличивовати внѣшностію своею отъ народа своего. И такъ, огромность зданій бесполезныхъ

обществу суть явныя доказательства его порабощенія. Въ остаткахъ погибшихъ градовъ, гдѣ общее блаженство нѣкогда водворялось, обрящемъ развалины училищъ, больницы, гостинницъ, водоводовъ, позорищъ и тому подобныхъ зданій; во градахъ же, гдѣ извѣстнѣе было я, а не мы, находимъ остатки великолѣпныхъ царскихъ чертоговъ, пространныхъ конюшенъ, жилища звѣрей. Сравните то и другое; выборъ нашъ не будетъ затруднителенъ.

Но что обрѣтаемъ въ самой славѣ завоеваній? Звукъ, гремленіе, надутость, и истощеніе. Я такую славу, примѣню къ шарамъ; въ 18-мъ столѣтіи изобрѣтеннымъ; изъ шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горючимъ воздухомъ , и возлетаютъ съ быстротою звука до выспренныхъ предѣловъ эира . Но то , что ихъ составляло силу , источается изъ среды тончайшими скважинами непрестанно; тяжесть, горѣ вращавшаяся , пріемлетъ естественный путь паденія долу; и то, что мѣсяцы цѣлые сооружалось со трудомъ, тщаніемъ и иждивеніемъ, едва часовъ нѣсколько можетъ веселить взоры зрителей.

Но вопросы, чего жаждетъ завоеватель; чего онъ ищетъ, опустошая страны населенныя, или покоряя пустыни своей державѣ? Отвѣтъ получимъ мы отъ яростнѣйшаго изъ всѣхъ, отъ Александра, Великимъ названнаго; но великъ, по истинѣ, не въ дѣлахъ своихъ, но въ силахъ душевныхъ и разореніяхъ. О аѳиняне! вѣщаль онъ, колико стоитъ мнѣ быть хвалиму вами. Несмысленной, возри на шествіе твое. Крутой вихрь твоего полета, приносяся черезъ твою область, затаскиваетъ въ вертѣніе свое жителей ея, и влача силу государства во своемъ стремленіи, за собою оставляетъ пустыню и мертвое пространство. Не разсуждаешь ты, о ярый вепрь, что опустошая землю свою побѣдою, въ завоеванной ничего не обрящешь тебя улаждающаго.

Если приобрѣлъ пустыню, то она содѣлается могилою для твоихъ согражданъ, въ коей они сокрыватися будутъ: населяя новую пустыню, превратишь страну обильную въ бесплодную. Какая же прибыль, что изъ пустыни содѣлалъ селитьбы, если другія населенія тѣмъ сдѣлалъ пустыми? Если же приобрѣлъ населенную страну, то исчисли убійства твои, и ужаснися. Искоренить долженствуешь ты всѣ сердца, тебя въ громоносности твоей возненавидѣвшія; не мни убо, что любити можно, его же бояться нудятся. По истребленіи мужественныхъ гражданъ, останутся и будутъ подвластны тебѣ робкія души, рабства иго воспріяти готовыя: но и въ нихъ ненависть къ подавляющей твоей побѣдѣ укоренится глубоко. Плодъ твоего завоеванія будетъ, не лъсти себѣ, убійство и ненависть. Мучитель пребудешь на памяти потомковъ: казниться будешь, вѣдая, что мерзятъ тебя новые рабы твои, и отъ тебя кончины твоя просятъ.

Но, нисходя къ ближайшимъ о состояніи земледѣлателей понятіямъ, колико вреднымъ его находимъ мы для общества. Вредно оно въ размноженіи произрастеній и народа, вредно примѣромъ своимъ, и опасно въ неспокойствіи своемъ. Человѣкъ, въ начинаніяхъ своихъ двигаемый корыстію, предприемлетъ то, что ему служить можетъ на пользу, ближайшую или дальнюю, и удаляется того, въ чемъ онъ изобрѣтаетъ пользы, ближайшей или дальновидной. Слѣдуя сему естественному побужденію, все начинаемое для себя, все, что дѣлаемъ безъ принужденія, дѣлаемъ съ прилежаніемъ, раченіемъ, хорошо. Напротивъ того, все то, на что несвободно подвизаемся, все то, что не для своей совершаемъ пользы, дѣлаемъ оплошно, лѣнливо, косо и криво. Таковыхъ находимъ мы земледѣлателей въ государствѣ нашемъ. Нива у нихъ чуждая, плодъ оныя имъ не принадлежитъ. И для того обрабатываютъ ее лѣнливо, и не радѣютъ о томъ, не запусѣтетъ ли среди

дѣланія. Сравни сію ниву, съ данною надменнымъ владѣльцемъ на тощее прокормленіе дѣлателью. Не жалѣеть сей о трудахъ своихъ, ея ради предпринимаемыхъ. Ничто не отвлекаетъ его отъ дѣланія. Жестокость времени онъ одолѣваетъ бодрственно; часы, на упокоеніе опредѣленные, проводитъ въ трудахъ: во дни, на веселіе опредѣленные, онаго чуждается. Зане рачить о себѣ, работаетъ для себя, дѣлаетъ про себя. И такъ, нива его дастъ ему плодъ сугубый; и такъ, всѣ плоды трудовъ земледѣлателей мертвѣютъ, или паче не возраждаются, они же родились бы и были живы на насыщеніе гражданъ, если бы дѣланіе нивъ было рачительно, если бы было свободно.

Но если принужденная работа даетъ меньше плода, то недостигающія своя цѣли земныя произведенія толикоже препятствуютъ размноженію народа. Гдѣ ѣсть нечего, тамъ хотя бы и было кому ѣсть, не будетъ: умрутъ отъ истощенія. Тако нива рабства, неполный давая плодъ, мертвитъ гражданъ, имъ же опредѣлены были природою избытки ея. Но симъ ли однимъ препятствуется въ рабствѣ многоплодіе. Къ недостатку прокормленія и одеждъ, присовокупили работу до изнеможенія. Умножь оскорбленія надменности и уязвленія силы, даже въ любезнѣйшихъ чловѣка чувствованіяхъ; тогда со ужасомъ узришь возникшее губительство неволи, которое тѣмъ только различествуетъ отъ побѣдъ и завоеваній, что не даетъ тому родиться, что побѣда посѣкаетъ. Но отъ нея вреда больше. Легко всякъ усмотритъ, что одна опустошаетъ случайно, мгновенно; другая губитъ долговременно и всегда: одна, — когда пройдетъ полетъ ея, скончаеиваетъ свое свирѣпство; другая тамъ только начнется, когда сія кончится, и премѣнится не можетъ, развѣ опаснымъ всегда потрясеніемъ всея внутренности.

Но нѣтъ ничего вреднѣе, какъ всегдашнее на предметы рабства воззрѣніе. Съ одной стороны, родится надменность, а съ другой, робость. Тутъ никакой не можно быть связи, развѣ насиліе. И сіе, собираясь въ малую среду, властодержавное свое дѣйствіе простираетъ всюду тяжко. Но поборники неволи, власть и остріе въ рукахъ имѣющіе, сами ключимые во узахъ, найяроствнѣйшіе оныя бываютъ проповѣдники. Кажется, что духъ свободы толико въ рабахъ изсякаетъ, что не токмо не желаютъ скончать своего страданья, но тягостно имъ зрѣти, что другіе свободствуютъ. Оковы свои возлюбляютъ, если возможно человѣку любити свою пагубу. Мнѣ мнится въ нихъ зрѣти змію, совершившую паденіе перваго человѣка.... Примѣры властвованія суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы ополченные палицею мужества и природы на сокрушеніе стоглаваго чудовища, изсосающаго пищу общественную, угодованную на прокормленіе гражданъ, мы поползнулися, можетъ быть, на дѣйствія самовластія, и хотя намѣренія наши были всегда благи и къ блаженству цѣлаго стремились; но поступокъ нашъ державный полезностію своею оправдаться не можетъ. И такъ нынѣ молимъ васъ отпущенія нашего неумышленнаго дерзновенія.

Не вѣдаете ли, любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ которой мы возвращаемся опасности. Загрубѣлыя всѣ чувства рабовъ, и благимъ свободы мановеніемъ въ движеніе не приходящія, тѣмъ укрѣпляютъ и усовершенствуютъ внутреннее чувствованіе. Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія наши, во узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколь ударяетъ.

И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ. Приведите себѣ на память прежнія повѣствованія. Даже обольщеніе колико яростныхъ сотворило рабовъ на погубленіе господъ своихъ! Прельщенные грубымъ самозванцемъ текутъ ему во слѣдъ, и ничего толико не желаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ властителей; въ невѣжествѣ своемъ другого средства къ тому не умыслили, какъ ихъ умерщвленіе. Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселіе мщенія, нежели пользу сотрясенія узъ.

Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстець, или любитель челоуѣчества, возникши на пробужденіе несчастныхъ, ускорить его махъ. Блюдитесь.

Но если ужасъ гибели и опасность потрясенія стяжаній подвигнуть можетъ слабаго изъ васъ, неужели не будемъ мы толико мужественны въ побѣжденіи нашихъ предразсужденій, въ поспраніи нашего корыстолюбія и не освободимъ братію нашу изъ оковъ рабства, и не возстановимъ природное всѣхъ равенство? Вѣдая сердець вашихъ расположеніе, пріятнѣе имъ убѣдиться доводами, въ челоуѣческомъ сердцѣ почерпнутыми, нежели въ исчисленіяхъ корыстолюбиваго благоразумія, а менѣе еще въ опасности. Идите, возлюбленные мои, идите въ жилища братіи вашей, возвѣстите о перемѣнѣ ихъ жребія. Вещайте съ ощущеніемъ сердечнымъ: подвигнутые на

жалость вашею участію, соболѣзнуя о подобныхъ намъ, дознавъ ваше равенство съ ними, и убѣжденные общемою пользою, пришли мы, да лобзаемъ братію нашу. Оставили мы гордое различіе, насъ толико времени отъ васъ отдѣлявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, восторжествуемъ нынѣ о побѣдѣ нашей, и сей день, въ онъ же сокрушаются оковы согражданъ намъ любезныхъ, да будетъ знаменитѣйшій въ лѣтописяхъ нашихъ. Забудьте наше прежнее злодѣйство на васъ, и да возлюбимъ другъ друга искренно.

Се будетъ глаголь вашъ; се слышится онъ уже во внутренности сердець вашихъ. Не медлите, возлюбленные мои. Время летитъ; дни наши проходятъ въ недѣйствіи. Да не скончаемъ жизни нашея, возымѣвъ только мысль благую, и не возмогши ее исполнить. Да не воспользуется тѣмъ потомство наше, да не пожнетъ вѣнца нашего, и съ презрѣніемъ о насъ не скажетъ: они были.

Вотъ что я прочелъ въ замаранной грязью бумагѣ, которую поднялъ я передъ почтовою избою, вылѣзая изъ кибитки моей.

Вошедъ въ избу, я спрашивалъ, кто были проѣзжіе незадолго передо мною. Послѣдній изъ проѣзжающихъ, говорилъ почталіонъ, былъ человекъ лѣтъ пятидесяти: ѣдетъ по подорожной въ Петербургъ. Онъ у насъ забылъ связку бумагъ, которую я теперь за нимъ вслѣдъ посылаю. Я попросилъ почталіона, чтобы онъ далъ мнѣ сіи бумаги посмотрѣть и, развернувъ ихъ, узналъ, что найденная мною къ нимъ же принадлежала. Уговорилъ я его, чтобы онъ бумаги сіи отдалъ мнѣ, давъ ему за то награжденіе. Разсматривая ихъ, узналъ, что онѣ принадлежали искреннему моему другу, а потому не почелъ я ихъ пріобрѣтеніе кражею. Онъ ихъ отъ меня доселѣ не требовалъ, а оставилъ мнѣ на волю, что я изъ

нихъ сдѣлать захочу.

Между тѣмъ какъ лошадей моихъ перепрягали, я любопытствовалъ, разсматривая доставшіяся мнѣ бумаги. Множество нашель я подобныхъ той, которую читаль. Вездѣ я обрѣталъ расположенія челоѵколюбиваго сердца, вездѣ видѣлъ гражданина будущихъ временъ. Болѣе всего видно было, что другъ мой пораженъ былъ несоразмѣрностію гражданскихъ чиновостояній. Цѣлая связка бумагъ и начертаній законоположеній относилася къ уничтоженію рабства въ Россіи. Но другъ мой, вѣдая, что высшая власть недостаточна въ силахъ своихъ на претвореніе мнѣній мгновенно, начерталь путь, повременнымъ законоположеніямъ, къ постепенному освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи. Я здѣсь покажу шествіе его мыслей. Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ дома. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностью: ибо платять сами подушную подать. Приобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца во званіи гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину приобрѣтать недвижимое имѣніе, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобрѣтеніе вольности, платя

господину за отпускную, извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда... Исчезни варварское обыкновеніе, разрушь власть тигровъ! вѣщаетъ нашъ законодатель... Засимъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства.

Между многими постановленіями, относящимися къ возстановленію по возможности равенства во гражданахъ, нашель я табель о рангахъ. Сколь она была не кстати нынѣшнимъ временамъ, и онымъ несоразмѣрна, всякъ самъ можетъ вообразить. Но теперь дуга коренной лошади звенить уже въ колокольчикъ и зоветъ меня къ отѣзду; и для того я за благо положиль лучше разсуждать о томъ, что выгоднѣе для ѣдущаго на почтѣ, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднѣе для почтовой клячи: быть иноходцемъ или скакуномъ? нежели заниматься тѣмъ, что не существуетъ.

Вышній-Волочокъ.

Никогда не проѣзжалъ я сего новаго города, чтобы не посмотрѣть здѣшнихъ шлюзовъ. Первой, которому на мысль пришло уподобиться природѣ въ ея благодѣяніяхъ, и сдѣлать рѣку руководѣльную, дабы всѣ концы единыя области въ вѣщее привести сообщеніе, достоинъ памятника для дальнѣйшаго потомства. Когда нынѣшнія державы отъ естественныхъ или нравственныхъ причинъ распадутся, позлащенные нивы ихъ порастутъ терніемъ, и въ развалинахъ великолѣпныхъ чертоговъ гордыхъ ихъ правителей скрываются будутъ ужи, змѣи и жабы; любопытный путешественникъ обрящетъ глаголющіе остатки величія ихъ въ торговлѣ. Римляне строили большія дороги, водоводы, коихъ прочности и нынѣ по справедливости удивляются; но о водяныхъ сообщеніяхъ, каковыя есть въ Европѣ, они не имѣли понятія. Дороги, каковыя у Римлянъ бывали, наши не будутъ никогда; препятствуетъ тому наша долгая зима и сильные морозы, а каналы и безъ обдѣлки нескоро заровняются.

Немало увеселительнымъ было для меня зрѣлищемъ вышневолоцкой каналъ, наполненный барками, хлѣбомъ и другимъ товаромъ нагруженными, и приуготовляющимся къ прохожденію сквозь шлюзъ, для дальнѣйшаго плаванія до Петербурга. Тутъ видно было истинное земли изобиліе и избытки земледѣлателя; тутъ явенъ былъ во всемъ своемъ блескѣ мощный побудитель человѣческихъ дѣяній — корыстолюбіе. Но если, при первомъ взглядѣ, разумъ мой усладился видомъ благосостоянія, при раздробленіи мыслей скоро увяло мое радованіе. Ибо вспомянуль, что въ Россіи многіе земледѣлатели не для себя работаютъ; и такъ изобиліе земли во многихъ краяхъ Россіи доказываетъ

отягченный жребій ея жителей. Удовольствіе мое перемѣнилось въ равное негодованіе съ тѣмъ, какое ощущаю, ходя въ лѣтнее время по таможенной пристани, смотря на корабли, привозящіе къ намъ избытки Америки и драгія ея произращенія, какъ-то: сахаръ, кофе, краски и другія, не осушившіяся еще отъ пота, слезъ и крови, ихъ омывшихъ, при ихъ воздѣланіи.

Вообрази себѣ, говорилъ мнѣ нѣкогда мой другъ, что кофе, налитой въ твоей чашкѣ, и сахаръ, распущенной въ ономъ, лишали покоя тебѣ подобнаго человѣка, что они были причиною превосходящихъ его силы трудовъ, причиною его слезъ, стenanій, казни и поруганія; дерзай, жестокосердой, усладить гортань твою... Видь прещенія, сопутствовавши сему изреченію, поколебнулъ меня до внутренности. Рука моя задрожала, и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга, питающіеся избытками изобильныхъ краевъ отечества вашего, при великолѣпныхъ пиршествахъ, или на дружескомъ пиру или наединѣ, когда рука ваша вознесетъ первой кусокъ хлѣба, опредѣленной на ваше насыщеніе, остановитесь и помыслите. Не то же ли я вамъ могу сказать о немъ, что другъ мой говорилъ мнѣ о произведеніяхъ Америки . Не потомъ ли, не слезами ли и стenanіемъ утучнялися нивы, на которыхъ оной возросъ. Блаженны, если кусокъ хлѣба, вами алкаемый, извлеченъ изъ класовъ, родившихся на нивѣ, казенною называемой, или по крайней мѣрѣ, на нивѣ, оброкъ помѣщику своему платящей. Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна, лежавшаго въ житницѣ дворянской. На немъ почилъ скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалось проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвѣ своемъ рекъ: проклята земля въ дѣлахъ твоихъ. Блюдитесь, да не отравлены будете вождельною вами пищею. Горькая слеза нищаго тяжко на ней возлегаеть. Отрините ее отъ

устъ вашихъ; поститесь, се истинное и полезное можетъ быть пощеніе.

Повѣствованіе о нѣкоторомъ помѣщикѣ докажетъ, что человѣкъ корысти ради своей забываетъ человѣчество въ подобныхъ ему, и что за примѣромъ жестокосердія не имѣемъ нужды ходить въ дальнія страны, ни чудесъ искать за тридевять земель: въ нашемъ царствѣ они воочью совершаются.

Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то, по просторѣчю, называютъ, счастья, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, на примѣръ во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился найдѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе, естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ, къ сему надежнѣйшимъ, почель онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ; и уподобилъ ихъ дѣйствительно, въ нѣкоторомъ отношеніи, нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудю, устремляющимся на бою грудю, а въ единственности ничего не значащимъ. Для достиженія своея цѣли, онъ отнял у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ, на необходимое пропитаніе, даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе, за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а, по обыкновенію Лакедемонянъ, пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя, для

соблюденія желудка, въ мясоѣдъ пустая шти, а въ посты и постные дни, хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ.

Таковымъ урядникамъ производилася также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, то-есть лапти, дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего; а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у такихъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда бралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.

При такомъ заведеніи, неудивительно, что земледѣліе въ деревнѣ г. нѣкто было въ цвѣтушемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ-четверть; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десять и болѣе. Въ недолгомъ времени, къ двумстамъ душамъ онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію; и поступая съ сими равно, какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стѣнящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится, какъ знаменитый земледѣлецъ.

Варваръ, недостойнъ ты носить имя гражданина! Какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, считаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирати борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобъ полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? чтобы одинъ благословлялъ правительство, а не тысящи? Богатство сего кровопійца ему не принадлежитъ. Оно нажито грабежемъ, и заслуживаетъ строгаго въ законѣ наказанія. И суть люди, которые, взирая на утучненныя

нивы сего палача, ставятъ его въ примѣръ усовершенствованія въ земледѣліи. И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благѣ общемъ? Вмѣсто вашего поощренія къ такому насилію, которое вы источникомъ государственнаго богатства почитаете, прострите на сего общественнаго злодѣя ваше человѣколюбивое мщеніе. Сокрушите орудія его земледѣлія; сожгите его риги, овины, житницы и развѣйте пеплъ по нивамъ, на нихъ же совершалось его мучительство, ознаменуйте его, яко общественнаго татя, дабы всякъ, его видя, не только его гнушался, но убѣгалъ бы его приближенія, дабы не заразиться его примѣромъ.

Выдропускъ.

Здѣсь я опять принялся за бумаги моего друга. Въ руки мнѣ попалося начертаніе положенія о уничтоженіи придворныхъ чиновъ.

Проектъ въ будущемъ.

Вводя нарушенное въ обществѣ естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши, не послѣднимъ способомъ почли къ тому умаленіе правъ дворянства. Полезное государству, въ началѣ своемъ, личными своими заслугами, ослабѣло оно въ подвигахъ своихъ наслѣдственностію, и сладкій при насажденіи его корень принесъ наконецъ плодъ горькій. На мѣстѣ мужества водворилася надменность и самолюбіе, на мѣстѣ благородства души и щедроты посѣялися раболѣпіе и самонедовѣріе, истинные скряги на великое. Жительствуя среди столь тѣсныхъ душъ, и подвигаемые на малости ласкательствомъ наслѣдственныхъ достоинствъ и заслугъ, многіе государи возмнили, что они суть боги, и вся, его же коснутся, блаженно сотворять и пресвѣтло. Тако и быть долженствуетъ въ дѣяніяхъ нашихъ, но токмо на пользу общую. Въ таковой дремотѣ величанія власти, возмечтали цари, что работы ихъ и прислужники, ежечасно предстоя взорамъ ихъ, заимствуютъ ихъ свѣтозарности; что блескъ царскій, преломляясь, такъ сказать, въ сихъ новыхъ отвѣткахъ, многочисленнѣе является и съ сильнѣйшимъ отраженіемъ. На таковой блужданія мысли, воздвигли цари придворныхъ истукановъ, кои истинные театральные божки, повинуются свистку или трещеткѣ. Пройдемъ степени придворныхъ чиновъ, и съ улыбкою сожалѣнія обратимъ взоры наши отъ кичащихся

служеніемъ своимъ; но възрыдаемъ, видя ихъ предпочитаемыхъ заслугѣ. Дворецкой мой, конюшій и даже конюхъ и кучеръ, поваръ, кравчій, птицеловъ съ подчиненными ему охотниками, горничные мои прислужники, тотъ, кто меня брѣшетъ, тотъ, кто чешетъ власы главы моея, тотъ, кто пыль и грязь отираетъ съ обуви моея, о многихъ другихъ не упоминая, равняются или предсѣдаютъ служащимъ отечеству силами своими душевными и тѣлесными, не щадя ради отечества ни здравія своего, ни крови, возлюбляя даже смерть, ради славы государства. Какая вамъ въ томъ польза, что въ домѣ моемъ господствуютъ чистота и опрятность? Сытѣ ли вы накормитесь, буде кушанье мое лучше вашего приготовлено, и въ сосудахъ моихъ ліется вино изо всѣхъ концовъ вселенныя? Укроетесь ли въ шествіи вашемъ, отъ непріязненности погоды, буде колесница моя позлащенна и кони мои тучны? Лучшій ли дастъ нива вамъ плодъ, луга ваши больше ли позеленѣютъ, буде потопчутся на ловитвѣ звѣрей, въ мое увеселеніе? Вы улыбнетесь съ чувствованіемъ жалости. Но нерѣдкой въ справедливомъ негодованіи своемъ скажетъ намъ: тотъ, кто рачить о устройствѣ твоихъ чертоговъ, тотъ, кто ихъ нагрѣваетъ, тотъ, кто огненную пряность полуденныхъ растеній сочетаетъ съ хладною вязкостію сѣверныхъ туковъ, для услажденія разслабленнаго твоего желудка и оцѣпенѣлаго твоего вкуса; тотъ, кто воспѣняетъ въ сосудѣ твоемъ сладкій сокъ африканскаго винограда; тотъ, кто умащаетъ окружіе твоей колесницы, кормить и напаяетъ коней твоихъ; тотъ, кто во имя твое кроваву битву ведетъ со звѣрями дубравными и птицами небесными; всѣ сіи тунеядцы, всѣ сіи лелѣятели, какъ и многіе другіе, твоя надменности высятся надо мною; надъ источившемъ потоки кровей на ратномъ полѣ, надъ потерявшимъ нужнѣйшіе члены тѣла моего, защищая грады твои и чертоги, въ нимъ же

сокрытая твоя робость завѣсою величавости, мужествомъ казалася; надъ провождающимъ дни веселій, юности и утѣхъ, во сбереженіи малѣйшія полушки, да облегчится, елико то возможно, общее бремя налоговъ; надъ нерачившемъ о имѣніи своемъ, трудяся денно-нощно въ снисканіи средствъ къ достиженію блаженствъ общественныхъ; надъ попирающимъ родство, пріязнь, союзъ сердца и крови, вѣщая правду на судѣ во имя твое, да возлюбленъ будеши. Власы бѣлѣютъ въ подвигахъ вашихъ, силы истощаются въ подъемлемыхъ нами трудахъ, и при возкраи гроба едва возмогаемъ твоего благоволенія; а сіи упитанные тельцы сосцами нѣжности и пороковъ, сіи незаконные сыны отечества наслѣдятъ въ стяжаніи нашемъ.

Тако и болѣе еще по справедливости возглаголютъ отъ васъ многіе. Что дадимъ мы Владыкѣ силъ въ отвѣтъ? Прикроемъ безчувствіемъ уничиженіе наше, и видится воспаленна ярость въ очахъ нашихъ на вѣщающихъ сице. Таковы бывають нерѣдко отвѣты наши вѣщаніямъ истины. И никто да не дивится сему, когда наилучшій между нами дерзаетъ таковая; онъ живетъ съ ласкателями, бесѣдуетъ съ ласкателями, спитъ въ лести, хождаетъ въ лести. И лестъ и ласкательство содѣлають его глуха слѣпа и неосязательна.

Но да не падетъ на насъ таковая укоризна. Съ младенчества нашего возненавидѣвъ ласкательство, мы соблюли сердце наше отъ ядовитой его сладости, даже до сего дня; и нынѣ новый опытъ въ любви нашей къ вамъ и преданности явенъ да будетъ. Мы уничтожаемъ нынѣ сравненіе царедворскаго служенія съ военнымъ и гражданскимъ. Истребися на памяти обыкновеніе, во стыдъ нашъ толико лѣтъ существовавшее. Истинныя заслуги и достоинства, раченіе о пользѣ общей, да получаютъ награду въ трудахъ своихъ и едины да

отличаются.

Сложивъ съ сердца нашего столь несносное бремя, долговременно насъ тѣснившее, мы явимъ вамъ наши побужденія на уничтоженіе толь оскорбительныхъ для заслуги и достоинства чиновъ... Вѣщаютъ вамъ, и предки наши тѣхъ же были мыслей, что Царскій престоль, коего сила во мнѣніи гражданъ коренится, отличествовати долженствуетъ внѣшнимъ блескомъ, дабы мнѣніе о его величествѣ было всегда всецѣло и ненаруσιμο. Оттуда пышная внѣшность властителей народовъ, оттуда стадо рабовъ, ихъ окружающихъ. Согласиться всякъ долженъ, что тѣсныя умы и малыя души внѣшность поражать можетъ. Но чѣмъ народъ просвѣщеннѣе, то есть чѣмъ болѣе особенниковъ въ просвѣщеніи, тѣмъ внѣшность менѣе дѣйствовать можетъ. Нума могъ грубыхъ еще римлянъ увѣрить, что нимфа Егерія наставляла его въ его законоположеніяхъ. Слабые перуанцы охотно вѣрили Манко Капаку, что онъ сынъ солнца, и что законъ его съ небеси истекаетъ. Магометь могъ прельстить скитающихся аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность: даже Моисей принялъ скрижали заповѣдей на горѣ, среди блеска молніи. Но нынѣ, буде кто прельстити восхоцетъ, не блистательная нужна ему внѣшность, но внѣшность доводовъ, если такъ сказать можно, внѣшность убѣжденій. Кто бы восхотѣлъ нынѣ посланіе свое утвердить свыше, тотъ употребитъ болѣе наружность полезности, и тою всѣ тронутся. Мы же, устремляя всѣ силы наши на пользу всѣхъ и cadaго, почто намъ блескъ внѣшности? не полезностію ли нашихъ постановленій, ко благу государства текущею, облистаетъ наше лицо; всякъ, взирающій на насъ, узритъ наше благомысліе, узритъ въ подвигѣ нашемъ свою пользу, и того ради намъ поклонится, не яко во ужасѣ шествующему, но сѣдящему во благости. Если бы

древніе персы управлялися всегда щедротою, не бы возмечтали быти Ариману или ненавистному началу зла. Но если пышная внѣшность намъ бесполезна, колико вредны въ государствѣ быть могутъ ея оберегатели. Единственною должностію во служеніи своемъ имѣя угожденіе намъ, колико изыскательны будутъ они во всемъ томъ, что намъ нравится можетъ. Желаніе наше будетъ предупреждено; но не токмо желанію не допустятъ возродиться въ насъ, но даже и мысли, зане готово уже ей удовлетвореніе. Воззрите съ ужасомъ на дѣйствіе таковыхъ угождений. Наитвердѣйшая душа во правилахъ своихъ позыбнется, преклонитъ ухо ласкательному сладкопѣнію, уснетъ, и се сладостныя чары обыдутъ разумъ и сердце. Горестъ и обида чуждыя едва покажутся намъ преходящими недугами; скорбѣти о нихъ почтемъ или неприличнымъ, или же противнымъ, и воспретимъ даже жаловатися о нихъ. Язвительнѣйшія скорби и раны и самая смерть покажутся намъ необходимыми дѣйствіями теченія вещей, и являясь намъ позади непрозрачныя завѣсы, едва возмогутъ ли въ насъ произвести то мгновенное движеніе, какое производятъ въ насъ театральныя представленія. Зане стрѣла болѣзни и жало зла, не въ насъ дрожитъ вонзенное.

Се слабая картина всѣхъ пагубныхъ слѣдствій пышнаго царей дѣйствія. Не блаженны ли мы, если возмогли укрыться отъ возмущенія благонамѣреній нашихъ? Не блаженны ли, если и заразѣ примѣра положили преграду? Надежны въ благосердіи нашемъ, надежны не въ развратѣ совнѣ, надежны во умѣренности вашихъ желаній, возблагоденствуемъ снова, и будемъ примѣромъ позднешему потомству, како власть со свободою сочетать должно, на взаимную пользу.

Торжокъ.

Здѣсь, на почтовомъ дворѣ, встрѣченъ я былъ человѣкомъ, отправляющимся въ Петербургъ, на скитаніе прошенія. Сіе состояло въ снисканіи дозволенія завести въ семь городѣ свободное книгопечатаніе. Я ему говорилъ, что на сіе дозволенія не нужно; ибо свобода на то дана всѣмъ. Но онъ хотѣлъ свободы въ цензурѣ, и вотъ его о томъ размышленія.

Типографіи у насъ всѣмъ имѣть дозволено, и время то прошло, въ которое боялися поступаться онымъ дозволеніемъ частнымъ людямъ; и для того, что въ вольныхъ типографіяхъ ложные могутъ печатаны быть пропуски, удерживались отъ общаго добра и полезнаго установленія. Теперь свободно имѣть всякому орудія печатанія, но то, что печатать можно, состоитъ подъ опекою. Цензура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, ходятъ на помочахъ, отчего нерѣдко бываютъ кривыя ноги; гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтніе незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долго ходить будетъ на помочахъ и совершенный на возрастѣ будетъ калѣка. Недоросль будетъ всегда Митрофанушка, безъ дядьки не ступитъ, безъ опекуна не можетъ править своимъ наслѣдіемъ. Таковы бываютъ вездѣ слѣдствія обыкновенной цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе. Послушаемъ Гердера.

«Наилучшій способъ поощрять доброе есть препятствіе, дозволеніе, свобода въ помышленіяхъ. Розыскъ вреденъ въ царствѣ науки: онъ сгущаетъ воздухъ и запираетъ дыханіе. Книга, проходящая десять цензуръ прежде, нежели достигнетъ свѣта, не есть

книга, но поддѣлка святой инквизиціи, часто изуродованной, сѣченной батожемъ, съ кляпомъ во рту узникъ, а рабъ всегда... Въ областяхъ истины, въ царствѣ мысли и духа, не можетъ никакая земная власть давать рѣшеній, и не должна; не можетъ того правительство, менѣе еще цензоръ, въ клубукѣ ли онъ или съ темлякомъ. Въ царствѣ истины, онъ не судія, но отвѣтчикъ, какъ и сочинитель. Исправленіе можетъ только совершиться просвѣщеніемъ; безъ главы и мозга не шевельнется ни рука, ни нога... Чѣмъ государство основательнѣе въ своихъ правилахъ, чѣмъ строинѣе, свѣтлѣе и тверже оно само въ себѣ, тѣмъ менѣе можетъ оно позыбнуться и стряситься отъ дуновенія каждаго мнѣнія, отъ каждой насмѣшки разъяреннаго писателя; тѣмъ болѣе благоволитъ оно въ свободѣ мыслей и въ свободѣ писаній, а отъ нея подъ конецъ прибыль, конечно, будетъ истинѣ. Губители бываютъ подозрительны; тайные злодѣи робки. Явный мужъ, творяй правду и твердый въ правилахъ своихъ, допуститъ о себѣ глаголь всякій. Хождаетъ онъ во дни, и на пользу себѣ строить клевету своихъ злодѣевъ. Откупы въ помышленіяхъ вредны... Правитель государства да будетъ безпристрастенъ во мнѣніяхъ, дабы могъ объяти мнѣнія всѣхъ и оныя въ государствѣ своемъ дозволять, просвѣщать и наклонять къ общему добру: оттого то истинно великіе государи столь рѣдки».

Правительство, дознавъ полезность книгопечатанія, оное дозволило всѣмъ; но паче еще дознавъ, что запрещеніе въ мысляхъ утщетитъ благое намѣреніе вольности книгопечатанія, поручило цензуру или присмотръ за изданіями управѣ благочинія. Долгъ же ея въ отношеніи сего можетъ быть только тотъ, что бы воспрещать продажу язвительныхъ сочиненій. Но и сія цензура есть лишняя. Одинъ немисленный урядникъ благочинія можетъ величайшій въ просвѣщеніи сдѣлать

вредъ, и на многія лѣта остановку въ шествиі разума; запретитъ полезное изобрѣтеніе, новую мысль и всѣхъ лишитъ великаго. Примѣръ въ малости. Въ управу благочинія принесенъ для утвержденія переводъ романа. Переводчикъ, слѣдуя автору, говоря о любви, назвалъ ее лукавымъ богомъ, мундирный цензоръ, исполненный духа благоговѣнія, сіе выраженіе почернилъ, говоря: «неприлично Божество называть лукавымъ». Кто чего не разумѣетъ, тотъ въ то да не мѣшается. Если хочешь благораствореннаго воздуха, удали отъ себя коптильню: если хочешь свѣта, удали затмеваніе; если хочешь, чтобы дитя не было застѣнчиво, то выгони лозу изъ училища. Въ домѣ, гдѣ плети и батожье въ модѣ, тамъ служители пьяницы, воры и того еще хуже *.

Пускай печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ. Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю не смѣхомъ. Слова не всегда суть дѣянія, размысленіи же не преступленія. Се правила наказа о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати всегда брань. Въ законѣ никого бранить не велѣно, и всякому свобода есть жаловать. Но если кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ можетъ быть, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза: польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣднѣйшаго гражданина.

* Такого же рода цензоръ не позволялъ, сказывають, печатать тѣ сочиненія, гдѣ упоминалося о Богѣ, говоря: я съ нимъ дѣла никакого не имѣю. Если въ какомъ либо сочиненіи порочили народныя нравы того или другаго государства, онъ не дозволеннымъ сіе почиталъ, говоря: Россія имѣетъ трактъ дружбы съ нимъ. Если упоминалося гдѣ о князѣ или графѣ, того не позволялъ онъ печатать, говоря: сіе есть личность, ибо у насъ есть князья и графы между знатными особами.

Обыкновенныя правила цензуры суть: почеркивать, марать, не позволять, драть, жечь все то, что противно естественной религіи и откровенію, все то, что противно правленію, всякая личность, противное благонравію, устройству и тишинѣ общей. Разсмотримъ сіе подробно. Если безумецъ въ мечтаніи своемъ, не токмо въ сердцѣ, но громкимъ гласомъ речеть: «нѣсть Бога», въ устахъ всѣхъ безумныхъ раздается громкое и поспѣшное эхо: «нѣсть Бога, нѣсть Бога». Но чтожь изъ того? Эхо, звукъ; ударить въ воздухъ, позыблетъ его и исчезнетъ. На разумѣ рѣдко оставитъ черту, и то слабую; на сердцѣ же никогда. Богъ всегда пребудетъ Богъ, ощущаемъ и невѣрующимъ въ него. Но если думаешь, что хуленіемъ Всевышній оскорбится, урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ? Всесильный звонящему въ трещетку, или біющему въ набать — довѣрія не дастъ. Возгнущается метатель грома и молніи, ему же всѣ стихіи повинуются, возгнущается колеблящій сердца изъ-за предѣловъ вселенныя, дать мстити за себя и самому Царю, мечтающему быти его на землѣ преемникомъ... Кто-жь можетъ быть судіею въ обидѣ Отца предвѣчнаго?... Тотъ его обижаетъ, кто мнитъ, возможетъ судити о его обидѣ. Тотъ дастъ отвѣтъ предъ нимъ.

Отступники откровенной религіи болѣе доселѣ въ Россіи дѣлали вреда, нежели не признаватели бытія Божія, аѳеисты. Таковыхъ у насъ мало; ибо мало у насъ еще думаютъ о метафизикѣ. Аѳеистъ заблуждаетъ въ метафизикѣ, а раскольникъ въ трехъ пальцахъ. Раскольниками называемъ мы всѣхъ россіанъ, отступающихъ въ чемъ либо отъ общаго ученія Греческія церкви. Ихъ въ Россіи много, и для того служеніе имъ дозволяется. Но для чего не позволять всякому заблужденію быть явному? Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится. Гоненія дѣлали мучениковъ;

жестокость была подпорою самого Христіанскаго закона. Дѣйствія расколовъ суть иногда вредны. Воспрети ихъ. Проповѣдаются они примѣромъ. Уничтожь примѣръ. Отъ печатной книги раскольникъ не бросится въ огонь, но отъ ухищреннаго примѣра. Запрещать дурачество есть то же, что его поощрять. Дай ему волю, всякъ увидитъ, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется. Мы всѣ Евины дѣти.

Но, запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами имѣть порицателей. Кто въ часы безумія не шадитъ Бога, тотъ въ часы памяти и разсудка не пощадитъ незаконной власти. Не бояйся громовъ Всесильнаго смѣется висѣлицѣ. Для того то вольность мыслей правительствамъ страшна. До внутренности потрясенный вольнодумецъ простретъ дерзкую, но мощную и незыбкую руку къ истукану власти, сорветъ ея личину и покровъ, и обнажитъ ея составъ. Всякъ узритъ бранныя его ноги, всякъ возвратитъ къ себѣ данную имъ ему подпору, сила возвратится къ источнику, истуканъ падетъ. Но если власть не на туманѣ мнѣній возсѣдаетъ, если престолъ ея на искренности и истинной любви общаго блага возникъ, не утвердится ли паче, когда основаніе его будетъ явно; не возлюбится ли любящій искренно? Взаимность есть чувствованіе природы, и стремленіе сіе почило въ естествѣ. Прочному и твердому зданію довольно его собственнаго основанія; въ опорахъ и контрфорсахъ ему нужды нѣтъ. Если позыблется оно отъ ветхости, тогда только побочныя тверди ему нужны. Правительство да будетъ истинно, вожди его нелицемѣрны: тогда всѣ плевелы, тогда всѣ изблеванія смрадность свою возвратятъ на извергателя ихъ; а истина пребудетъ всегда чиста и бѣловидна. Кто возмущаетъ словомъ (да назовемъ такъ, въ угодность власти, всѣ твердыя

размышленія, на истинѣ основанная, власти противная), есть такой же безумецъ, какъ и хулу глаголай на Бога. Буде власть шествуетъ стезею, ей назначенной, то не возмутится отъ пустого звука клеветы, яко же Господь силъ не тревожится хуленіемъ. Но горе ей, если въ жадности своей ломить правду. Тогда и едина мысль твердости ее тревожить; глаголь истины ее сокрушить, дѣяніе мужества ее развѣть.

Личность, но язвительная личность есть обида. Личность въ истинѣ столь же позволительна, какъ и самая истина. Если ослѣпленный судія судитъ въ неправду; и защитникъ невинности издастъ въ свѣтъ его коварный приговоръ; если онъ покажетъ его ухищреніе и неправду, то будетъ сіе личность, но дозволенная; если онъ его назоветъ судією наемнымъ, ложнымъ, глупымъ, есть личность, но дозволить можно. Если же называть его станеть именованіями смрадными, и бранными словами поносить, какъ то на рынкахъ употребительно, то сіе есть личность, но язвительная и недозволенная. Но не правительства дѣло вступаться за судію, хотя бы онъ поносился и въ правомъ дѣлѣ. Не судія да будетъ въ томъ истецъ, но оскорбленное лицо. Судія же предъ свѣтомъ и предъ поставившимъ его судією да оправдится единими дѣлами *. Тако долженствуетъ судить о личности. Она наказанія достойна, но въ печатаніи

* Г. Дикинсонъ, имѣвшій участіе въ бывшей въ Америкѣ перемѣнѣ, и тѣмъ прославившійся, будучи послѣ въ Пенсильваніи президентомъ, не возгнушался сражаться съ наступавшими на него. Изданы были противъ него наижесточайшіе листы. Первѣйшій градоначальникъ области нисшелъ въ ристалище, издалъ въ печать свое защищеніе, оправдался, опровергъ доводы своихъ противниковъ, и ихъ устыдилъ... Се примѣръ для послѣдованія, какъ мститъ должно, когда кто кого обвиняетъ предъ свѣтомъ печатнымъ сочиненіемъ. Если кто свирѣпствуетъ противъ печатныхъ строки, тотъ заставляеть мыслить, что печатанное истинно, а мстящій таковъ, какъ о немъ напечатано.

болѣе пользы устроить, а вреда мало. Когда все будетъ въ порядкѣ, когда рѣшенія всегда будутъ въ законѣ, когда законъ основанъ будетъ на истинѣ, и заклеплется удрученіе, тогда развѣ, тогда личность можетъ сдѣлать развратъ. Скажемъ нѣчто о благодѣяніи, и сколько слова ему вредятъ.

Сочиненія любострастныя, наполненныя похотливыми начертаніями, дышація развратомъ, коего всѣ листы и строки стрекательною наготою зіяютъ, вредны для юношей и незрѣлыхъ чувствъ. Распламеняя воспаленное воображеніе, тревожа спящія чувства и возбуждая покоющееся сердце, безвременную наводятъ возмужалость, обманывая юныя чувства въ твердости ихъ и заготовляя имъ дряхлость. Таковыя сочиненія могутъ быть вредны; но не они разврату корень. Если читая ихъ, юноши пристрастятся къ крайнему услажденію любовной страсти, то не могли бы того произвести въ дѣйствіе, небы были торгующія своею красотою. Въ Россіи таковыхъ сочиненій въ печати еще нѣтъ, а на каждой улицѣ въ обѣихъ столицахъ видимъ раскрашенныхъ любовницъ. Дѣйствіе болѣе развратитъ, нежели слово и примѣръ паче всего. Скитающіяся любовницы, отдающія сердца свои съ публичнаго торгова наддателю, тысячу юношей заразятъ язвою и все будущее потомство тысящи сея; но книга не давала еще болѣзни. И такъ цензура да останется на торговыхъ дѣлкахъ, до произведенія же развратнаго хотя разума ей дѣла нѣтъ. Заклучу симъ: цензура печатаемаго принадлежитъ обществу, оно даетъ сочинителю вѣнецъ, или употребить листы на обертки. Равно какъ ободреніе театральному сочиненію даетъ публика, а не директоръ театра. Такъ и выпускаемому въ міръ сочиненію цензоръ ни славы не дастъ, ни безславія. Завѣса поднялась, взоры всѣхъ устремились къ дѣйствованію; нравится, плещутъ; не нравится, стучать

и свищутъ. Оставь глупое на волю сужденія общаго; оно тысячу найдетъ цензоровъ. Настрожайшая полиція не возможетъ такъ запретить дряни мыслей, какъ негодующая на нее публика. Одинъ разъ имъ воньмутъ, потомъ умрутъ они и не воскреснутъ во вѣки. Но если мы признали бесполезность цензуры, или паче ея вредъ въ царствѣ науки, то познаемъ обширную и безпредѣльную пользу вольности печатанія.

Доказательства сему, кажется, не нужны. Если свободно всякому мыслить, и мысли свои объявлять всѣмъ безпрекословно, то естественно, что все, что будетъ придумано, изобрѣтено, то будетъ извѣстно; великое будетъ велико, истина не затмится. Не дерзнуть правители народовъ удалиться отъ стези правды и убоятся; ибо пути ихъ, злость и ухищреніе обнажатся. Вострепещетъ судія, подписывая несправедный приговоръ, и его раздеретъ. Устыдится власть имѣющій употреблять ее на удовлетвореніе только своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежемъ, прикрытое убійство убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истины. Спокойствіе будетъ дѣйствительное, ибо заквасу въ немъ не будетъ. Нынѣ поверхность только гладка, но иль на днѣ лежащій мутится, и тмитъ прозрачность водъ.

Прощаяся со мною, порицатель цензуры даль мнѣ небольшую тетрадку. Если, читатель, ты нескучливъ, то читай, что передъ тобою лежитъ. Если же бы случилось, что ты самъ принадлежишь къ цензурному комитету, то загни листь, и скачи мимо.

Краткое повѣствованіе о происхожденіи цензуры.

Если мы скажемъ, и утвердимъ ясными доводами, что цензура съ инквизиціею принадлежатъ къ одному

корню; что учредители инквизиціи изобрѣли цензуру, то есть разсмотрѣніе приказное книгъ до изданія ихъ въ свѣтъ, то мы хотя ничего не скажемъ новаго, но изъ мрака протекшихъ временъ извлечемъ, вдобавокъ многимъ другимъ, ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобрѣтатели оковъ, которыми отягощался въ разныя времена разумъ человѣческой, что они подстригали ему крыліе, да не обратить полетъ свой къ величію и свободѣ.

Проходя протекшія времена и столѣтія, мы вездѣ обрѣтаемъ терзающія черты власти, вездѣ зримъ силу, возникающую на истинну, иногда ополчающуюся на суевѣріе. Народъ аѳинскій, священнослужителями возбужденный, писанія Протагоры запретилъ, велѣлъ всѣ списки оныхъ собрать и сжечь. Не онъ ли, въ безуміи своемъ, предалъ смерти, на неизгладимое во вѣки себѣ поношеніе, вочеловѣчную истину Сократа. Въ Римѣ находимъ мы больше примѣровъ такового свирѣпствованія. Титъ Ливій повѣствуетъ, что найденныя во гробѣ Нумы писанія были сожжены повелѣніемъ сената. Въ разныя времени случалось, что книги гадательныя велѣно было относить къ Претору. Свѣтоній повѣствуетъ, что кесарь Августъ таковыхъ книгъ велѣлъ сжечь до двухъ тысячъ. Еще примѣръ несообразности человѣческаго разума! Неужели запрещая суевѣрныя писанія, властители сіи думали, что суевѣріе истребится? Каждому, въ особенности своей, воспрещали прибѣгнуть къ гаданію, совершаемому нерѣдко на обузданіе токмо мгновенное грызущей скорби; оставляли явныя и государственныя гаданія Авгуровъ и Аруспицевъ. Но если бы во дни просвѣщенія возмнили книги, учащія гаданію или суевѣріе проповѣдающія, запрещать или жечь, не смѣшно ли бы было, чтобы истина приняла жезлъ гоненія на суевѣріе? чтобъ искала, на пораженіе

заблужденія, опоры власти и меча, какъ видъ ея одинъ есть наижесточайшій бичъ на заблужденіе?

Но кесарь Августъ не на гаданія одни простеръ свои гоненія, онъ велѣлъ сжечь книги Тита Лабіенія. «Злодѣи его, говоритъ Сенека риторъ, изобрѣли для него сіе новаго рода наказаніе. Неслыханное дѣло и необычайное — казнь извлекать изъ ученія. Но, по счастію государства, сіе разумное свирѣпствованіе изобрѣтено послѣ Цицерона. Что бытъ бы могло, если бы троена начальники за благо положили осудить разумъ Цицерона? «Но мучитель скоро отмстилъ за Лабіенія тому, кто исходатайствовалъ сожженіе его сочиненій. При жизни своей видѣлъ онъ, что и его сочиненія преданы были огню *. «Не злomu какому примѣру тутъ слѣдовано, говоритъ Сенека, его собственному **.... Дажь небо, чтобы зло всегда обращалось на изобрѣтателя его, и чтобы воздвигшій гоненіе на мысль зрѣлъ всегда свои осмѣянными, въ поруганіи и на истребленіе осужденными! Если мщеніе когда либо извинительно быть можетъ, то развѣ сіе.

Во времена народнаго правленія, въ Римѣ гоненіе таковаго рода обращалось только на суевѣріе, но при императорахъ простерлось оно на всѣ твердыя мысли. Кремуцій Кордъ, въ исторіи своей, назвалъ Кассія, дерзнувшаго осмѣять мучительство Августова на Лабіеніевы сочиненія, послѣднимъ римляниномъ. Римскій сенатъ, ползая предъ Тиверіемъ, велѣлъ, во

* Сочиненія Арія Ментана, издавшаго въ Нидерландахъ первый реэстръ запрещеннымъ книгамъ, вмѣщены были въ тотъ же реэстръ.

** Кассій Северъ, другъ Лабіенія, видя писанія его въ огнѣ, сказалъ: Теперь меня сжечь надлежитъ, ибо я ихъ наизусть знаю. Сіе подало случай при Августѣ къ законоположенію о поносительныхъ сочиненіяхъ, которое, по природному челоуку обезьянству, принято въ Англіи и въ другихъ государствахъ.

угождене ему, Кремуціеву книгу сжечь. Но многіе съ оной остались списки. «Тѣмъ паче, говоритъ Тацитъ, смѣяться можно надъ попеченіемъ тѣхъ, кои мечтають, что всемогуществомъ своимъ, могутъ истребить воспоминовеіе слѣдующаго поколѣнія. Хотя власть бѣшенствуетъ на казнь разсудка, но свирѣпствованіемъ своимъ себѣ устроила стыдъ и посрамленіе, имъ — славу».

Не избавилися сожженія книги іудейскія при Антиохѣ Епифанѣ, царѣ Сирскомъ. Равной съ ними подвержены были участи сочиненія христіанъ. Императоръ Діоклитіанъ книги священнаго писанія велѣлъ предать сожженію. Но христіанскій законъ, одержавъ побѣду надъ мучительствомъ, покорилъ самихъ мучителей, и нынѣ остается во свидѣтельство не ложное, что гоненіе на мысли и мнѣнія не токмо не въ силахъ истребить, но укореняетъ ихъ и распространяетъ. Арнобій справедливо возстаетъ противу таковаго гоненія и мучительства. «Иные вѣщаютъ, говоритъ онъ, полезно для государства, что бы сенатъ истребить велѣлъ писанія, въ доказательство христіанскаго исповѣданія служащія, которыя важность опровергають древнія религіи. Но запрещать писанія и обнародованное хотѣтъ истребить не есть защищать боговъ, но бояться свидѣтельствванія. «Но, по распространеніи христіанскаго исповѣданія, священнослужители онаго толико же стали злобны противъ писаній, которыя были имъ противны и не въ пользу. Недавно порицали строгость сію въ язычникахъ, недавно почитали ее знакомъ недовѣренія къ тому, что защищали, но скоро сами ополчились всемогуществомъ. Греческіе императоры, занимаяся болѣе церковными преніями, нежели дѣлами государственными, а потому управляемые священниками, воздвигли гоненіе на всѣхъ тѣхъ, кто дѣянія и ученія Іисусовы понималъ съ ними

различно. Такое гонение распростерлося и на произведение разсудка и разума. Уже мучитель Константинъ, Великимъ названный, слѣдуя рѣшенію Никейскаго собора, предавшему Аріево учение проклятію, запретилъ его книги, осудилъ ихъ на сожженіе, а того, кто оныя книги имѣть будутъ, на смерть. Императоръ Θεодосій II проклятыя книги Несторія велѣлъ всѣ собрать и предать огню. На Халкидонскомъ соборѣ то же положено о писаніяхъ Евтихія. Въ Пандектахъ Юстиніановыхъ сохранены нѣкоторыя таковыя рѣшенія. Несмысленные! не вѣдали, что истребляя превратное или глупое истолкованіе христіанскаго ученія, и запрещая разуму трудиться въ изслѣдованіи какихъ либо мнѣній, они остановили его шестіе; у истины они отнимали сильную опору, различіе мнѣній, пренія и невозбранное мыслей своихъ изрѣченіе. Кто можетъ поручиться, что Несторій, Арій, Евтихій и другіе еретики быть бы могли предшественниками Лютера, и если бы вселенскіе соборы не были созданы, что бы Декартъ родиться могъ десять столѣтій прежде? Какой шагъ вспять сдѣланъ ко тьмѣ и невѣжеству!

По разрушеніи Римскія имперіи, монахи въ Европѣ были хранители учености и науки. Но никто у нихъ не оспаривалъ свободы писать, что они желали. Въ 768 году Амвросій Оперть, монахъ Бенедиктинской, посылая толкованіе свое на Апокалипсисъ къ папѣ Стефану III и прося дозволенія о продолженіи своего труда и о изданіи его въ свѣтъ, говоритъ, что онъ первой изъ писателей проситъ таковаго дозволенія. «Но да не исчезнетъ, продолжаетъ онъ, свобода въ писаніи для того, что уничиженіе поклонилось непринужденно». Соборъ Санскій, въ 1140 году, осудилъ мнѣнія Абелардовы, а папа сочиненія его велѣлъ сжечь.

Но ни въ Греціи, ни въ Римѣ, нигдѣ примѣра не находимъ, чтобы избранъ былъ судія мысли, чтобы кто

дерзнуть сказать: у меня просите дозволенія, если уста ваши отверзать хотите на велерѣчіе; у насъ клеймится разумъ, науки и просвѣщеніе, и все, что безъ нашего клейма явится въ свѣтъ объявляемъ заранѣе глупымъ, мерзкимъ, негоднымъ. Таковое постыдное изобрѣтеніе предоставлено было христіанскому священству, и цензура была современна инквизиціи.

Нерѣдко, проходя исторію, находимъ разумъ — суевѣрію, изобрѣтенія наиполезнѣйшія современниками грубѣйшему невѣжеству. Въ то время, какъ боязливое недовѣріе къ вещи утверждаемой побудило монаховъ учредить цензуру, и мысль истреблять въ ея рожденіи, въ то самое время, дерзалъ Колумбъ въ неизвѣстность морей на исканіе Америки; Кеплеръ предузнавалъ бытіе притяжательной въ природѣ силы, Ньютономъ доказанной; въ то же время родился, начертавшій въ пространствѣ путь небеснымъ тѣлесамъ Коперникъ. Но, къ вящшему сожалѣнію о жребіи человѣческаго умствованія, скажемъ, что мысль великая рождала иногда невѣжество. Книгопечатаніе родило цензуру; разумъ философскій, въ XVIII столѣтіи, произвелъ Иллюминатовъ.

Въ 1479 году, находимъ древнѣйшее, доселѣ извѣстное дозволеніе на печатаніе книги. На концѣ книги подъ заглавіемъ: «Знай самъ себя», печатанной въ 1480 году, присоединено слѣдующее: «Мы, Морфей Жирардо, Божіимъ милосердіемъ Патріархъ Венеціанскій, первенствующій въ Далматіи, по прочтеніи вышеписанныхъ Господь, свидѣтельствующихъ о вышеписанномъ твореніи, и по такому же онаго заключенію и присоединенному довѣренію, также свидѣтельствуемъ, что книга сія православна и богобоязлива». Древнѣйшій монументъ цензуры, но не древнѣйшій безумія!

Древнѣйшее о цензурѣ узаконеніе, доселѣ

извѣстное, находимъ въ 1486 году, изданное въ самомъ томъ городѣ, гдѣ изобрѣтено книгопечатаніе. Предузнавали монашескія правленія, что оно будетъ орудіемъ сокрушенія ихъ власти, что оно ускоритъ разверженіе общаго разсудка, и могущество, на мнѣніи, а не на пользѣ общей основанное, въ книгопечатаніи обрящетъ свою кончину. Да позволятъ намъ здѣсь присовокупить памятникъ, нынѣ еще существующій, на пагубу мысли и на посрамленіе просвѣщенія.

Указъ о неизданіи книгъ греческихъ, латинскихъ и пр. на народномъ языкѣ, безъ предварительнаго ученыхъ удостоенія 1486 года *.

Бертольдъ, Божією милостію, Святыя Маинцкія Епархіи Архіепископъ, въ Германіи Архиканцлеръ и Курфирсть. Хотя для приобрѣтенія человѣческаго ученія, чрезъ Божественное печатанія искусство, возможно съ изобиліемъ и свободнѣе получать книги, до разныхъ наукъ касающіяся; но до свѣдѣнія нашего дошло, что нѣкоторые люди, побуждаемые суетныя славы или богатства желаніемъ, искусство сіе употребляютъ во зло, и данное для наученія въ житіи человѣческомъ обращаютъ на пагубу и злорѣчіе.

Мы видѣли книги, до священныхъ должностей и обрядовъ исповѣданія нашего касающіяся, переведенныя съ латинскаго на нѣмецкой языкъ, и неблагопристойно для святаго закона, въ рукахъ простаго народа обращающіяся, что-жъ сказать наконецъ о предписаніяхъ святыхъ правилъ и законоположеній: хотя они людьми искусными въ законоученіи, людьми мудрѣйшими и краснорѣчивѣйшими писаны разумно и тщательно, но наука сама по себѣ толико затруднительна, что краснорѣчивѣйшаго и ученѣйшаго человѣка едва на оную достаточна цѣлая жизнь.

* Кодексъ дипломатическій, изданный Гуденомъ. Томъ IV.

Нѣкоторые глупые, дерзновенные и невѣжды, попускаются переводить на общій языкъ таковыя книги. Многіе ученые люди, читая переводы сіи, признаются, что ради великой несвойственности и худого употребленія словъ, они непонятнѣе подлинниковъ. Что же скажемъ о сочиненіяхъ, до другихъ наукъ касающихся, въ которыя часто вмѣшиваются ложное, надписываютъ ложными названіями, и тѣмъ паче славнѣйшимъ писателямъ приписываютъ свои вымыслы, чѣмъ болѣе находится покушниковъ.

Да вѣщаютъ таковыя переводчики, если возлюбляютъ истину, съ какимъ бы намѣреніемъ то ни дѣлали, съ добрымъ или худымъ, до того нѣтъ нужды; да вѣщаютъ: нѣмецкій языкъ удобенъ ли къ преложенію на оной того, что греческіе и латинскіе изящные писатели о вышнихъ размышленіяхъ Христіанскаго исповѣданія и о наукахъ писали точнѣйше я разумнѣйше? Признаться надлежитъ, скудости ради своей, языкъ нашъ на сказанное недостаточенъ весьма, и нужно для того, чтобы они неизвѣстныя имена вещамъ въ мозгу своемъ сооружали; или если употребятъ древнія, то испортятъ истинный смыслъ; чего наипаче опасаемся въ писаніяхъ священныхъ, въ разсужденіи ихъ важности. Ибо грубымъ и неученымъ людямъ и женскому полу, въ руки которыхъ попадутся книги священныя, кто покажетъ истинный смыслъ? Разсмотри святаго Евангелія строки, или посланія Апостола Павла, всякъ разумный признается, что много въ нихъ прибавленій и исправленій писцовыхъ.

Сказанное нами довольно извѣстно. Что же помыслимъ о томъ, что въ писателяхъ Каѳолическія церкви находится зависящее отъ строжайшаго разсмотрѣнія? Многое въ примѣръ поставить можемъ, но для сего намѣренія довольно уже нами сказаннаго.

Понеже начало сего искусства, въ славномъ

нашемъ градѣ Маинцѣ, скажемъ истиннымъ словомъ, божественно явилось, и нынѣ въ ономъ исправленно и обогащенно пребываетъ, то справедливо, чтобы мы въ защиту нашу приняли важность сего искусства. Ибо должность наша есть сохранять святыя писанія въ нерастлѣнной непорочности. Сказавъ такимъ образомъ о заблужденіяхъ и о продерзости людѣй наглыхъ и злодѣевъ, желая, елико намъ возможно, пособіемъ Господнимъ, о которомъ дѣло здѣсь, предупредить и наложить узду, всѣмъ и каждому, церковнымъ и свѣтскимъ нашей области подданнымъ, и внѣ предѣловъ оныя торгующимъ, какого бы они званія и состоянія ни были; симъ каждому повелѣваемъ, чтобы никакое сочиненіе, въ какой бы наукѣ, художествѣ или знаніи ни было, съ греческаго, латинскаго, или другого языка переводимо не было на нѣмецкій языкъ, или уже переведенное, съ перемѣною токмо заглавія, или чего другого, не было раздаваемо или продаваемо, явно или скрытно, прямо или постороннимъ образомъ, если до печатанія или послѣ печати, до изданія въ свѣтъ, не будетъ имѣть отверстаго дозволенія на печатаніе, или изданіе въ свѣтъ отъ любезныхъ намъ свѣтлѣйшихъ и благородныхъ докторовъ и магистровъ университетскихъ, а именно: во градѣ нашемъ Маинцѣ — отъ Иоганна Бертрама де Наумбурха, въ касающемся до Богословія, отъ Александра Дидриха въ законоученіи, отъ Θεодорика де Мешедя во врачебной наукѣ, отъ Андрея Елера во словесности, избранныхъ для сего въ городѣ нашемъ Ерфуртѣ докторовъ и магистровъ. Въ городѣ же Франкфуртѣ, если таковыя на продажу изданныя книги не будутъ смотрѣны и утверждены, почтеннымъ и намъ любезнымъ, однимъ Богословія магистромъ и однимъ или двумя докторами и лиценціатами, которые, отъ думы онаго города, на годовомъ жалованьи содержимы быть имѣютъ.

Если кто сіе Наше попечительное постановление презреть, или противъ таковаго Нашего указа подасть совѣтъ, помощь или благопріятство, своимъ лицомъ или постороннимъ, тѣмъ самимъ подвергаетъ себя осужденію на проклятіе; да сверхъ того лишенъ быть имѣетъ тѣхъ книгъ, и заплатитъ сто золотыхъ гульденовъ пени въ казну нашу. И сего рѣшенія никто безъ особаго повелѣнія да нарушить не дерзаетъ. Дано въ замкѣ С. Мартына, во градѣ Нашемъ Майнцѣ, съ приложеніемъ печати Нашей. Мѣсяца Януарія въ четвертый день 1486 года.

Его же о предыдущемъ, какимъ образомъ отправлять цензуру. Лѣта 1486, Бертольдъ и пр. Почтеннѣйшимъ ученѣйшимъ и любезнѣйшимъ Намъ во Христѣ И. Бертраму богословію, А. Дидриху законоученія, Ө. де Мешедѣ, врачеванія докторамъ и А. Елеру, словесности магистру здравіе и къ нижеписанному прилежаніе.

Извѣстившись о соблазнахъ и подлогахъ, отъ нѣкоторыхъ въ наукахъ переводчиковъ и книгопечатниковъ происшедшихъ и желая онымъ предварить и заградить путь по возможности, повелѣваемъ, да никто, въ Епархіи и области нашей, не дерзаетъ переводить книги на нѣмецкій языкъ, печатать или печатныя раздавать, доколѣ таковыя сочиненія или книги, въ городѣ нашемъ Майнцѣ, не будутъ рассмотрѣны вами, и касательно до самой вещи, доколѣ не будутъ въ переводѣ и для продажи вами утверждены, согласно съ выше объявленнымъ указомъ.

Надѣяся твердо на ваше благоразуміе и осторожность, Мы вамъ поручаемъ: когда назначаемые къ переводу, печатанію или продажѣ сочиненія или книги къ вамъ принесены будутъ, то вы рассмотрите ихъ содержаніе, и если не легко можно дать имъ истинной смыслъ, или могутъ возродить заблужденія и соблазны,

или оскорбить цѣломудріе, то оныя отвергните; тѣ, которые вы отпустите свободными, имѣете вы подписать своеручно, и именно на концѣ двое отъ васъ; дабы тѣмъ виднѣе было, что тѣ книги вами смотрѣны и утверждены. Богу нашему и Государству любезную и полезную должность отправляйте. Данъ въ замкѣ С. Мартына. 10 Января 1486 года».

Разсматривая сіе новое по тогдашнему времени законоположеніе, находимъ, что оно клонилось болѣе на запрещеніе, чтобы мало было книгъ печатано на нѣмецкомъ языкѣ, или другими словами, чтобы народъ пребывалъ всегда въ невѣжествѣ. На сочиненія, на латинскомъ языкѣ писанныя, цензура, кажется, не распространялася. Ибо тѣ, которые были свѣдущи въ языкѣ латинскомъ, казалось, были уже ограждены отъ заблужденія, ему неприступны, и что читали, понимали ясно и не криво *. И такъ, священники хотѣли, чтобы одни причастники ихъ власти были просвѣщенны, чтобы народъ науку почиталъ божественнаго происхожденія, превыше его понятія, и не смѣлъ бы оныя коснуться. И такъ изобрѣтенное на заключеніе истины и просвѣщенія въ тѣснѣйшіе предѣлы, изобрѣтенное недовѣряющею властію ко своему могуществу, изобрѣтенное на продолженіе невѣжества и мрака, нынѣ, во дни наукъ и любомудрія, когда разумъ отрясъ несродные ему путы суевѣрія, когда истина блистаетъ столично паче и паче, когда источникъ ученія протекаетъ до дальнѣйшихъ отраслей общества, когда старанія правительствъ стремятся на истребленіе заблужденій, на отверстіе безпреткновенныхъ путей разсудку къ истинѣ, постыдное монашеское изобрѣтеніе трепещущей власти принято нынѣ повсемѣстно, укоренено и благою

* Сравнить съ нимъ можно дозволеніе имѣть книги иностранныя всякаго рода и запрещеніе таковыхъ же на языкѣ народномъ.

пріемлется преградою блужденію. Неистовые! осмотритесь, вы стяжаете превратностію дать истинѣ опору, вы заблужденіемъ хотите просвѣщать народы. Блюдитесь убо, да не возродится тьма. Какая вамъ польза, что властвовать будете надъ невѣждами, тѣмъ паче загрубѣлыми, что не отъ недостатка пособій къ просвѣщенію невѣжды пребыли въ невѣжествѣ природы, или паче въ естественной простотѣ, но, сдѣлавъ уже шагъ къ просвѣщенію, остановлены въ шестви и обращены вспять, во тьму гонимы? Какая въ томъ вамъ польза бороться самимъ съ собою, и исторгать шуйцею, что десницею насадили? Воззрите на веселящееся о семь священство. Вы заранѣе уже ему служите. Прострите тьму и почувствуйте на себѣ оковы, если не всегда оковы священнаго суевѣрія, политическаго, не столь хотя смѣшнаго, но столь же пагубнаго.

По счастью однакоже общества, что не изгнали изъ областей вашихъ книгопечатанія. Яко древо, во всегдашней веснѣ насажденное, не теряетъ своя зелены, тако орудія книгопечатанія остановлены могутъ быть въ дѣйствіи, но не разрушены.

Папы, уразумѣвъ опасность ихъ власти, отъ свободы печатанія родиться могущей, не укоснили законоположить и цензурѣ; и сіе положеніе пріяло силу общаго закона, на бывшемъ вскорѣ потомъ соборѣ въ Римѣ. Священный Тиверій, папа Александръ VI, первый изъ папъ законоположилъ о цензурѣ въ 1507 году. Самъ согбенный подъ всеми злодѣянїями, не устыдился пещися о непорочности исповѣданія Христіанскаго. Но власть когда краснѣла! Буллу свою начинаетъ онъ жалобой на діавола, который куколь сѣетъ во пшеницѣ, и говоритъ: «Узнавъ, что посредствомъ сказаннаго искусства, многія книги и сочиненія, въ разныхъ частяхъ свѣта, наипаче въ Кельнѣ, Майнцѣ, Триерѣ, Магдебургѣ напечатанныя, содержатъ въ себѣ разныя заблужденія,

ученія пагубныя, Христіанскому закону враждебныя, и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ печатаются, желая безъ отлагательства предварить сей ненавистной язвѣ, всѣмъ и каждому сказаннаго искусства печатникамъ и къ нимъ принадлежащимъ, и всѣмъ, кто въ печатномъ дѣлѣ обращается въ помянутыхъ областяхъ, подъ наказаніемъ проклятiя и денежныя пени, опредѣляемой и взыскиваемой почтенными братьями нашими, Кельнскимъ, Маинцкимъ, Триерскимъ и Магдебургскимъ Архіепископами или ихъ намѣстниками въ областяхъ ихъ, въ пользу Апостольской камеры, Апостольскою властію наистрожайше запрещаемъ, чтобы не дерзали книгъ, сочиненіи или писаній печатать или отдавать въ печать, безъ доклада вышесказаннымъ Архіепископамъ или Намѣстникамъ, и безъ ихъ особливаго и точнаго безденежно испрошеннаго дозволенія; ихъ же совѣсть обременяемъ, да прежде нежели дадутъ такое дозволеніе, назначенное къ печатанію прилежно разсмотрѣть, или чрезъ ученыхъ и православныхъ велятъ разсмотрѣть, и да прилежно пекутся, чтобы не было печатало противнаго вѣрѣ православной, безбожное и соблазнъ производящаго... А дабы прежнія книги не содѣлали болѣе несчастій, то велѣно было разсмотрѣть всѣ о книгахъ реестры и всѣ печатныя книги, а которыя что либо содержали противное католическому исповѣданію, тѣ сжечь.

О вы, цензуру учреждающіе, вспомните, что можете сравниться съ папою Александромъ VI, и устыдитесь.

Въ 1515 году, Латеранскій соборъ о цензурѣ положилъ, чтобы никакая книга не была печатана безъ утвержденія священства.

Изъ предыдущаго видѣли мы, что цензура избобрѣтена священствомъ, и ему была единственно присвоена. Сопровождаемая проклятiемъ и денежнымъ

взысканіемъ, справедливо въ тогдашнее время казаться могла ужасною нарушителю изданныхъ о ней законоположеній. Но опроверженіе Лютеромъ власти папской, отдѣленіе разныхъ исповѣданій отъ Римскія церкви, пренія различныхъ властей, въ продолженіе тридесятилѣтней войны, произвели много книгъ, которыя явились въ свѣтъ безъ обыкновеннаго клейма цензуры. Вездѣ, однакоже, духовенство присвоило себѣ право производить цензуру надъ изданіями; и когда, въ 1650 году, учреждена была во Франціи цензура гражданская, то богословскій факультетъ Парижскаго университета новому установленію противорѣчилъ, ссылаясь, что двѣсти лѣтъ онъ пользовался симъ правомъ.

Скоро по введеніи * книгопечатанія въ Англіи, учреждена цензура. Звѣздная палата, не меньше ужасная въ свое время въ Англіи, какъ въ Испаніи инквизиція, или въ Россіи тайная канцелярія, опредѣлила число печатниковъ и печатныхъ становъ; учредила освободителя, безъ дозволенія котораго ничего печатать не смѣли. Жестокости ея, противъ писавшихъ о правительствѣ, несчетны, и исторія ея оными наполнена. И такъ, если въ Англіи суевѣріе духовное не въ силахъ было наложить на разумъ тяжкую узду цензуры, возложена она суевѣріемъ политическимъ. Но то и другое пеклися, да власть будетъ всецѣла, да очи просвѣщенія покрыты всегда пребудутъ туманомъ обаянія, и да насиліе царствуетъ на счетъ разсудка.

Со смертію графа Страффорда, рушилась звѣздная

* Вилліамъ Какстонъ, Лондонскій купецъ, завелъ въ Англіи книгопечатницу при Эдуардѣ IV, въ 1474 году. Первая книга, печатанная на англійскомъ языкѣ, была: Разсужденіе о шашечной игрѣ, переведенное съ французскаго языка. Вторая: Собраніе рѣченій и словъ философовъ, переведенное лордомъ Гиверсомъ.

палата; но ни уничтоженіе сего, ни судебная казнь Карла I, не могли утвердить въ Англіи вольности книгопечатанія. Долгой Парламентъ возобновилъ прежнія положенія, противъ ея сдѣланныя. При Карлѣ II и при Яковѣ I, они паки возобновлены. Даже по совершеніи премѣны, въ 1692 году, узаконеніе сіе подтверждено, но на два только года. Скончавшись въ 1694 году, вольность печатанія утверждена въ Англіи совершенно, и цензура, зѣвнувъ въ послѣдній разъ, издохла *.

Американскія правительства приняли свободу печатанія между первѣйшими законоположеніями, вольность гражданскую утверждающими. Пенсильванская область въ основательномъ своемъ законоположеніи, въ главѣ I, въ предложительномъ объявленіи правъ жителей Пенсильванскихъ, въ 12 статьѣ говоритъ: «народъ имѣетъ право говорить, писать и обнародовать свои мнѣнія; слѣдовательно, свобода печатанія никогда не долженствуетъ быть затрудняема». Въ главѣ 2, о образѣ правленія, въ отдѣленіи 35: «печатаніе да будетъ свободно для всѣхъ, кто хочетъ изслѣдовать положенія законодательнаго собранія, или другой отрасли правленія». Въ проектѣ о образѣ правленія въ Пенсильванскомъ государствѣ, напечатанномъ, дабы жители онаго могли сообщать свои примѣчанія, въ 1776 году въ іюлѣ, отдѣленіе 35: «Свобода печатанія отверста да будетъ всѣмъ, желающимъ изслѣдовать законодательное правительство, и общее собраніе да не коснется оныя никакимъ положеніемъ. Никакой книгопечатникъ да не потребуется къ суду за то, что издалъ въ свѣтъ

* Въ Даніи вольное книгопечатаніе было мгновенно. Стихи Вольтеровы на сей случай къ датскому королю во свидѣтельство остались, что похвалою даже мудрому законоположенію спѣшить не надлежитъ.

примѣчанія, цѣненія, наблюденія о поступкахъ общаго собранія, о разныхъ частяхъ правленія, о дѣлахъ общихъ или о поведеніи служащихъ, поколику оное касается до исполненія ихъ должностей». Делаварское государство, въ объявленіи изъяснительномъ правъ, въ 23 статьѣ, говоритъ: «Свобода печатанія да сохраняется будетъ ненарушимо». Мариландское государство, въ 38 статьѣ, тѣми же словами объясняется. Виргинское, въ 14 статьѣ, говоритъ сими словами: «Свобода печатанія есть наивеличайшая защита свободы государственной».

Книгопечатаніе, до перемѣны 1789 года во Франціи послѣдовавшей, нигдѣ толико стѣсняемо не было, какъ въ семь государствъ. Стоглазый Аргъ, сторучный Бриарей, парижская полиція свирѣпствовала противъ писаній и писателей. Въ Бастильскихъ темницахъ, томилися несчастные, дерзнувшіе охуждать хищность министровъ и ихъ распутство. Если бы языкъ французскій не былъ толико употребителенъ въ Европѣ, не былъ бы всеобщимъ, то Франція, стена подъ бичемъ цензуры, не достигла бы до того величія въ мысляхъ, какое явили многіе ея писатели. Но общее употребленіе французскаго языка побудило завести въ Голландіи, Англии, Швейцаріи и Нѣмецкой землѣ книгопечатницы, и все, что явится не дерзало во Франціи, свободно обнародовано было въ другихъ мѣстахъ. Тако сила, кичася своими мышцами, осмѣяна была и не ужасна; тако свирѣпства пѣнящіяся челюсти праздно оставалися, и слово твердое ускользало отъ нихъ не поглощено.

Но дивись несообразности разума человѣческаго. Нынѣ, когда во Франціи всѣ твердятъ о вольности, когда необузданность и безначаліе дошли до края возможнаго, цензура во Франціи не уничтожена. И хотя все тамъ печатается нынѣ невозбранно, но тайнымъ образомъ. Мы недавно читали — да восплачутъ французы о участи своей и съ ними человѣчество! — мы читали недавно, что

народное собраніе, толико же поступая самодержавно, какъ доселѣ ихъ государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали подѣ судѣ за то, что дерзнулъ писать противъ народнаго собранія. Лафайетъ былъ исполнителемъ сего приговора. О, Франція! ты еще хождаешь близъ Бастильскихъ пропастей.

Размноженіе книгопечатницъ въ Нѣмецкой землѣ, сокрывая отъ власти орудія оныхъ, отъемлетъ у нея возможность свирѣпствовать противъ разсудка и просвѣщенія. Малыя Нѣмецкія правленія, хотя вольности книгопечатанія стараются положить преграду, но безуспѣшно. Векерли, хотя мстящею властію посаженъ былъ подѣ стражу, но Сѣдое Чудовище осталось у всѣхъ въ рукахъ. Покойной Фридрихъ II, король Прусскій, въ земляхъ своихъ печатаніе сдѣлалъ почти свободнымъ — не какимъ либо законоположеніемъ, но дозволеніемъ токмо и образомъ своихъ мыслей. Чему дивиться, что онъ не уничтожилъ цензуры; онъ былъ самодержецъ, коего любезнейшая страсть была всесиліе. Но воздержись отъ смѣха... Онъ узналъ, что указы, имъ изданные, нѣкто намѣренъ былъ собравъ напечатать. Онъ и къ онымъ приставилъ двухъ цензоровъ, или правильнѣе сказать, браковщиковъ. О властвованіе! о всесиліе! ты мышцамъ своимъ не довѣряешь. Ты боишься собственнаго своего обвиненія, боишься, чтобы языкъ твой тебя не посрамилъ, чтобы рука твоя тебя не заушила!.. Но какое добро сіи насильствованные цензоры произвести могли? Не добро, но вредъ. Скрыли они отъ глазъ потомства нелѣпое какое-либо законоположеніе, которое на судѣ будущій власть оставить стыдилась; которое, оставшія явнымъ, было бы, можетъ быть, уздою власти, да не дерзаетъ на уродливое. Императоръ Іосифъ II рушилъ отчасти преграду просвѣщенія, которая въ австрійскихъ

наслѣдныхъ владѣніяхъ, въ царствованіе Маріи Терезіи, тяготила разсудокъ; но не могъ онъ стрясти съ себя бремени предразсужденія, и предлинное издалъ о цензурѣ наставленіе. Если должно его хвалить за то, что не возбранялъ опорочивать свои рѣшенія, находитъ въ поведеніи его недостатки, и таковыя порицанія издавать въ печати; но похулимъ его за то, что на свободѣ въ изъясненіи мыслей онъ оставилъ узду. Сколь легко употребить можно оную во зло!... *. Чему дивиться, скажемъ и теперь, какъ прежде: онъ былъ царь. Скажи же, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей, если не въ царской?

Въ Россіи... Что въ Россіи съ цензурою происходило, узнаете въ другое время. А теперь, не производя цензуры надъ почтовыми лошадьми, я поспѣшно отправился въ путь.

* Въ новѣйшихъ извѣстіяхъ читаемъ, что наслѣдникъ Іосифа II намѣренъ возобновить цензурную комиссію, предмѣстникомъ его уничтоженную.

Мѣдное.

«Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли»... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ... пляшутъ... подойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля... Но я читалъ слѣдующее. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія до сердца моего не проникъ. О мой другъ, гдѣ бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся Россійская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ платить того, что занялъ или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про..... или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется... Публикуется... «Сегодня, по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда, или городского магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга отставнаго капитана Г... недвижимое имѣніе, домъ, состоящій въ... части, подъ №... и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго пола; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желаящіе могутъ осмотрѣть заблаговременно».

На дешевое охотниковъ всегда много. Наступилъ день и часъ продажи. Покупщики съѣзжаются. Въ залѣ, гдѣ она производится, стоятъ неподвижны на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ въ 75, опершись на вязовой дубинкѣ, жаждетъ угадать, кому судьба его отдастъ въ руки, кто закроетъ его глаза. Съ отцомъ господина своего онъ былъ въ Крымскомъ

походѣ, при фельдмаршалѣ Минихѣ; въ Франкфуртскую баталію онъ раненаго своего господина унесъ на плечахъ изъ строя. Возвратясь домой, былъ дядькою своего молодого барина. Во младенчествѣ онъ спасъ его отъ утопленія, бросясь за нимъ въ рѣку, куда сей упалъ, переѣзжая на паромѣ, и съ опасностію своей жизни спасъ его. Въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы, куда посаженъ былъ за долги, въ бытность свою въ гвардіи унтеръ-офицеромъ... Старуха 80 лѣтъ, жена его, была кормилицею матери своего молодого барина; его была нянькою и имѣла надзираніе за домомъ до самаго того часа, какъ выведена на сіе торжище. Во все время службы своя, ничего у господъ своихъ не утратила, ничѣмъ не покорыствовалась, никогда не лгала, а если иногда имъ досадила, то развѣ своимъ праводушіемъ... Женщина лѣтъ въ 40 — вдова, кормилица молодого своего барина. И до днесъ чувствуетъ она еще къ нему нѣкоторую нѣжность. Въ жилахъ его льется ея кровь. Она ему вторая мать, и ей онъ болѣе животомъ своимъ обязанъ, нежели своей природной матери. Сія зачала его въ веселіи, о младенчествѣ его не радѣла. Кормилица и нянька его были его воспитательницы. Онѣ съ нимъ расстаются, какъ съ сыномъ... Молодица 18 лѣтъ — дочь ея и внучка стариковъ. Звѣрь лютый, чудовище, извергъ! Посмотри на нее, посмотри на румяныя ея ланиты, на слезы, ліющіяся изъ ея прелестныхъ очей. Не ты ли, не возмогши прельщеніемъ и обѣщаніями уловить ея невинности, ни утратить ея непоколебимости угрозами и казнію, наконецъ употребилъ обманъ, обвѣнчавъ ее за спутника твоихъ мерзостей и, въ видѣ его, наслаждался веселіемъ, котораго она дѣлитъ съ тобою гнушалася. Она узнала обманъ твой. Вѣнчанный съ нею не коснулся болѣе ея ложа, и ты, лишенъ ставъ твоя утѣхи, употребилъ насиліе. Четыре злодѣя, исполнители твоя воли, держа руки ея и ноги... но сего не окончаемъ.

На челѣ ея скорбь, въ глазахъ отчаяніе. Она держитъ младенца, плачевный плодъ обмана или насилія, но живой слѣпокъ прелюбодѣйнаго его отца. Родивъ его, позабыла отцово звѣрство и сердце начало чувствовать къ нему нѣжность. Она боится, чтобы не попасть въ руки ему подобнаго... Младенецъ — твой сынъ, варваръ, твоя кровь. Иль думаешь, что гдѣ не было обряда церковнаго, тутъ нѣтъ и обязанности. Иль думаешь, что данное по приказанію твоему благословіе наемнымъ извѣщателемъ слова Божія сочетованіе ихъ утвердило, иль думаешь, что насильственное вѣнчаніе во храмѣ Божиємъ можетъ назваться союзомъ? Всесильный мерзитъ принужденіемъ, онъ услаждается желаніями сердечными. Они одни непорочны. О! koliko между нами прелюбодѣйствъ и растлѣній совершается во имя отца радостей и утѣшителя скорбей, при его свидѣтеляхъ, недостойныхъ своего сана... Дѣтина лѣтъ въ 25, вѣнчанный ея мужъ — спутникъ и наперсникъ своего господина. Звѣрство и мщеніе въ его глазахъ. Раскаывается о своихъ къ господину своему угожденіяхъ. Въ карманѣ его ножъ; онъ его схватилъ крѣпко; мысль его отгадать нетрудно... Безплодное рвеніе. Достанешься другому. Рука господина твоего, носящаяся надъ главою раба непрестанно, согнетъ выю твою на всякое угожденіе. Гладь, стужа, зной, казнь, все будетъ противъ тебя. Твой разумъ чуждъ благородныхъ мыслей. Ты умереть не умѣешь. Ты склонишься и будешь рабъ духомъ, какъ и состояніемъ. А если бы восхотѣлъ противиться, умрешь въ оковахъ томною смертію. Судіи между вами нѣтъ. Не захочетъ мучитель твой самъ тебя наказывать. Онъ будетъ твой обвинитель. Отдастъ тебя градскому правосудію... Правосудіе!... гдѣ обвиняемый не имѣетъ почти власти оправдаться... Пройдемъ мимо другихъ несчастныхъ, выведенныхъ на торжище.

Едва ужасоносный молотъ испустилъ тупой свой звукъ, и четверо несчастныхъ узнали свою участь... слезы, рыданіе, стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшія были тронуты. Окаменѣлыя сердца! почто безплодное соболѣзнованіе? О Квакеры! если бы мы имѣли вашу душу, мы бы сложилися и, купивъ сихъ несчастныхъ, даровали бы имъ свободу... Живъ многія лѣта въ объятіяхъ одинъ другого, несчастные сіи къ поносной продажѣ восчувствуютъ тоску разлуки. Но если законъ, иль лучше сказать, обычай варварскій, ибо въ законѣ того не писано, дозволяетъ толикое человѣчеству посмѣяніе, какое право имѣете продавать сего младенца? Онъ незаконнорожденный. Законъ его освобождаетъ. Пойдите, я буду доноситель; я избавлю его. Если бы съ нимъ могъ спасти и другихъ! О счастье! почто ты такъ обидило меня въ твоемъ раздѣлѣ? Днесъ жажду вкусити прелестнаго твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть къ богатству... Сердце мое столь было стѣснено, что выскочивъ изъ среды собранія и отдавъ несчастнымъ послѣднюю гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ... Что тебѣ сдѣлалось? ты плачешь! Возвратись, сказалъ я ему; не будь свидѣтелемъ срамнаго позорища. Ты проклиналъ нѣкогда обычай варварской въ продажѣ черныхъ невольниковъ, въ отдаленныхъ селеніяхъ твоего отечества; возвратись, повторилъ я, не будь свидѣтелемъ нашего затменія, и да невозвѣстиши стыда нашего твоимъ согражданамъ, бесѣдуя съ ними о нашихъ нравахъ... Не могу я вѣрить, сказалъ мне мой другъ; невозможно, чтобы тамъ, гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ, столь постыдное существовало обыкновеніе... Не дивись, сказалъ я ему, установленіе свободы въ исповѣданіи обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ, да и тѣ скорѣе пожелаютъ

пріобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія.

Тверь.

Стихотворство у насъ, говорилъ товарищъ мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, уразумѣвъ смѣшное въ Польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подалъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По несчастію случилось, что Сумароковъ въ то же время былъ, и былъ отмѣнной стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ, вслѣдъ за ними, не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ ямбы, какъ такіе, какими писали сіи стихотворцы и преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ отстаивалъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ Іова, или псалмопевца дактилями, или если бы Сумароковъ Семиру или Димитрія написалъ хорееми, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами oprичъ ямбовъ, и болѣе бы славы въ осмилѣтнемъ своемъ пріобрѣлъ трудъ, описавъ взятіе Казани свойственнымъ эпопеѣ стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древней треухъ на Виргилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ; но желалъ бы я, чтобы Омиръ между нами не въ ямбахъ явился, но въ стихахъ подобныхъ его гексаметрамъ, и Костровъ хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы эпоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе самой поэзіи цѣлымъ поколѣніемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ остановили Россійское стихосложеніе. Неутомимой возовикъ Тредіаковскій немало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи глубокой пустили корень. Парнассъ окруженъ ямбами, и рифмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать дактилями, тому тотчасъ Тредіаковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтонъ, Шекспиръ или Вольтеръ. Тогда и Тредіаковскаго выростъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо ко краесловію. Слышавъ долгое время единоголасное въ стихахъ окончаніе, безрифміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ Французской языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволению. Сверхъ же того, въ стихотвореніи такъ, какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно; а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Virgilій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не истребится родъ челоуѣчскій.

Излишнимъ почитаю я бесѣдовать съ вами о разныхъ стихахъ, Россійскому языку свойственныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль, или анапестъ, всякъ знаетъ, если немного кто разумѣетъ правила

стихосложенія. Но то бы было неизлишнее, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣніе коротки. Если совѣтъ мой можетъ что либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что Россійское стихотворство, да и самъ Россійскій языкъ, гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали навсегда ямбами. Гораздо бы Епачевской поэмѣ свойственнѣе было, если бы переводъ Генриады не былъ въ ямбахъ, а ямбы некраесловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрекъ пирной мой товарищъ однимъ духомъ и съ толикою поворотливостію языка, что я не успѣлъ ничего ему сказать на возраженіе, хотя много кой чего имѣлъ на защищеніе ямбовъ и всѣхъ тѣхъ, которые ими писали.

Я и самъ, продолжалъ онъ, заразительному послѣдовалъ примѣру, и сочинялъ стихи ямбами, но то были оды. Вотъ остатокъ одной изъ нихъ, всѣ прочія сгорѣли въ огнѣ: да и оставшуюся та же ожидаетъ участь, какъ и сестеръ ея постигшая. Въ Москвѣ не хотѣли ее напечатать по двумъ причинамъ: первая, что смыслъ въ стихахъ неясенъ и много стиховъ топорной работы, другая, что предметъ стиховъ несвойственъ нашей землѣ. Я ѣду теперь въ Петербургъ просить о изданіи ея въ свѣтъ, ласкаяся яко нѣжный отецъ своего дитяти, что ради послѣдней причины, для коей ее въ Москвѣ печатать не хотѣли, снисходительно воззрять на первую. Если вамъ не въ тягость будетъ прочесть нѣкоторыя строфы, сказалъ онъ мнѣ, подавая бумагу... Я ее развернулъ и читалъ слѣдующее: Вольность... Ода... За одно названіе отказали мнѣ изданіе сихъ стиховъ. Но я очень помню, что въ наказѣ о сочиненіи новаго уложенія, говоря о вольности, сказано: «вольностію называть должно то, что всѣ одинаковымъ повинуются

законамъ. Слѣдственно о вольности у насъ говорить вмѣстно.

1.

О! даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О! вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
Исполни сердце твоимъ жаромъ,
Въ немъ сильныхъ мышцъ твоихъ ударомъ
Во свѣтъ рабства тьму претвори,
Да Бруть и Телль еще проснутся,
Сѣдѣй во власти да смятутся
Отъ гласа твоего Цари.

Сію строфу обвинили для двухъ причинъ: за стихъ «во свѣтъ рабства тьму претвори». «Онъ очень тугъ и труденъ на изрѣченіе, ради частаго повторенія буквы Т и ради соитія частаго согласныхъ буквъ: «бства тьму претв.»», на десять согласныхъ три гласныхъ, а на Россійскомъ языкѣ толико же можно писать сладостно, какъ и на Италіанскомъ... Согласенъ... хотя иные почитали стихъ сей удачнымъ, находя въ негладкости стиха изобразительное выраженіе трудности самаго дѣйствія... Но вотъ другой: «Да смятутся отъ гласа твоего Цари». Желать смятенія Царю если то же, что желать ему зла, слѣдовательно... Но я не хочу вамъ наскучить всѣми примѣчаніями, на стихи мои сдѣланными. Многія, признаюсь, изъ нихъ были справедливы. Позвольте, чтобы я вашимъ былъ чтецомъ.

2.

Я въ свѣтъ ишелъ, и ты со мною... Сію строфу пройдемъ мимо. Вотъ ея содержанье: Человѣкъ во всемъ

отъ рожденія свободенъ...

3.

Но чтожъ претить моей свободѣ,
Желаньямъ зрю вездѣ предѣль;
Возникла обща власть въ народѣ,
Соборной всѣхъ властей удѣль.
Ей общество во всемъ послушно,
Повсюду съ ней единодушно.
Для пользы общей нѣтъ препонъ.
Во власти всѣхъ своей зрю долю,
Свою творю, творя всѣхъ волю:
Вотъ что есть въ обществѣ законъ.

4.

Въ срединѣ злачныя долины,
Среди тягченныхъ жатвой нивъ,
Гдѣ нѣжны процвѣтають крины,
Средь мирныхъ подъ сѣньми оливъ.
Паросска мрамора бѣлѣ,
Яснѣйша дня лучей свѣтлѣ,
Стоитъ прозрачный всюду храмъ.
Тамъ жертва лжива не курится,
Тамъ надпись пламенная зрится:
«Конецъ невинности бѣдамъ...

5.

Оливной вѣтвию вѣнчанно,
На твердомъ камени сѣдѣй,
Безжалостно и хладнокровно,
Глухое божество.

И пр. изображается законъ въ видѣ божества во храмѣ, коего стражи суть истина и правосудіе.

6.

Возводитъ строгія зеницы,
Льетъ радость, трепеть вкругъ себя;
Равно на всѣ взираетъ лица,
Ни ненавидя, ни любя.
Онъ лести чуждъ, лицепріятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли,
Родства не знаетъ, ни пріязни,
Равно дѣлитъ и мзду, и казни;
Онъ образъ Божій на земли.

7.

И се чудовище ужасно,
Какъ гидра, сто имѣя главъ,
Умильно и въ слезахъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ.
Земныя власти попираетъ,
Главою неба досязаетъ,
Его отчизна тамъ, гласитъ.
Призраки, тьму повсюду сѣть,
Обманывать и льстить умѣетъ,
И слѣпо вѣрить всѣмъ велитъ.

8.

Покрывши разумъ темнотою,
И всюду вѣя ползкій ядъ...

Изображеніе священнаго суевѣрія, отъемлющаго
у человѣка чувствительность, влекущаго его въ яремъ
порабощенія и заблужденія, во броню его облекшаго:

Боятся истины велѣль...

Власть называетъ оное извѣтомъ божества;
разсудокъ — обманомъ.

9.

Воззримъ мы въ области обширны,
Гдѣ тусклой тронъ стоитъ рабства;

Въ мирѣ и тишинѣ суевѣріе священное и
политическое, подкрѣпля другъ друга,

Союзно общество гнетуть.
Одно сковать разсудокъ тщится,
Другое волю стерть стремится,
На пользу общую, рекутъ.

10.

Покоя рабскаго подъ сѣнью
Плодовъ златыхъ не возрастетъ;
Гдѣ все ума претить стремленью,
Великость тамъ не прозябеть.

И всѣ злыя слѣдствія рабства, какъ-то:
безпечность, лѣньность, коварство, голодъ и пр.

11.

Чело надменное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ, царь,
На громномъ тронѣ властно сѣвши,
Въ народѣ зреть лишь подлу тварь.
Животъ и смерть въ рукѣ имѣя:
«По волѣ, рекъ, щажу злодѣя,
«Я властію могу дарить;
«Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется;

«Нахмурюсь грозно, все смятется.
«Живешь тогда, велю коль жить».

12.

И мы внимаемъ хладнокровно... какъ алчный
змій, ругаяся всѣмъ, отравляетъ дни веселія и утѣхъ. Но
хотя вокругъ твоего престола всѣ стоятъ преклонше
колѣна, трепещи: се мститель грядетъ, прорицая
вольность...

13.

Возникнетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружить;
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечъ остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ;
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ
Надъ гордою главою царя.
Ликуйте, склепанны народы:
Се право мщенье природы
На плаху возвелъ царя.

14.

И нощи се завѣсу лживой
Со трескомъ мощно разодрать.
Кичливой власти и строптивой
Огромный истуканъ поправъ;
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его, какъ гражданина,
Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ:
«Преступникъ власти, мною данной!
«Вѣщай, злодѣй, мною вѣнчанный,
«Противъ меня возстать какъ смѣль?»

15.

«Тебя одлекъ я во порфиру
«Равенство въ обществѣ блюсти,
«Вдовицу призирати и сиру,
«Отъ бѣды невинность чтобъ спасти,
«Отцомъ ей быть чадолюбивымъ;
«Но мстителемъ непримиримымъ
«Пороку, лжи и клеветѣ;
«Заслуги честью награждати,
«Устройствомъ зло предупредати,
«Хранити нравы въ чистотѣ.

16.

Покрылъ я море кораблями... Далъ способъ къ
пріобрѣтенію богатствъ и благоденствія. Желалъ я,
чтобы земледѣлецъ не былъ плѣнникъ на своей нивѣ и
тебя бы благословлялъ...

17.

«Своихъ кровей я безъ пощады
«Гремящую воздвигнулъ рать;
«Я мѣдны изваялъ громады,
«Злодѣевъ внѣшнихъ чтобъ карать.
«Тебѣ велѣлъ повиноваться,
«Съ тобою къ славѣ устремляться.
«Для пользы всѣхъ, мнѣ можно все.
«Земныя нѣдра раздираю,
«Металль блестящій извлекаю
«На украшеніе твое.

18.

«Но ты, забывъ мнѣ клятву данну,
«Забывъ, что я избралъ тебя,

«Себѣ въ утѣху быть вѣнчанну
«Возмнилъ, что ты Господь, не я;
«Мечемъ мои расторгъ уставы:
«Безгласными повергъ всѣ правы,
«Стыдиться истины велѣлъ.
«Расчистилъ мерзостямъ дорогу,
«Взывать сталъ не ко мнѣ, но къ Богу,
«А мной гнушаться восхотѣлъ.

19.

«Кровавымъ потомъ доставая
«Плодь, кой я въ пищу насадилъ,
«Съ тобою крохи раздѣляя,
«Своей натуги не щадилъ;
«Тебѣ сокровищей всѣхъ мало!
«На что-жъ, скажи, ихъ не достало,
«Что рубище съ меня сорвалъ?
«Дарить любимца полна лести!
«Жену чуждающуюся чести!
«Иль злато Богомъ ты призналъ?

20.

«Въ отличность знакъ изобрѣтенный
«Ты началъ наглости дарить;
«Въ злодѣя мечъ мой изощренный
«Ты сталъ невинности сулить;
«Сгружденные полки въ защиту
«На брань ведешь ли знамениту
«За челоуѣчество карать?
«Въ кровавыхъ борешься долинахъ,
«Дабы упившиися въ Аѳинахъ,
«Ирой, зѣвавъ могли сказать.

21.

Злодѣй злодѣевъ всѣхъ лютѣйшій...

Ты всѣ совокупилъ злодѣянія и жало свое въ
меня устремилъ...

Умри, умри же ты сто кратъ!
Народъ вѣщаль...

22.

Великій мужъ, коварства полный,
Ханжа, и льстецъ, и святотать!
Единъ ты въ свѣтъ столь благотворный
Примѣръ великій могъ подать.
Я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,
Что власть въ рукѣ своей имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ.
Но научилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себя народы,
Ты Карла на судѣ казнилъ.

23.

И се гласъ вольности раздается во всѣ концы...

На вѣче весь течетъ народъ:
Престоль чугунный разрушаетъ,
Самсонъ, какъ древлѣ, сотрясаетъ
Исполненный коварствъ чертогъ.
Закономъ строить твердь природы.
Великъ, великъ ты, духъ свободы,
Зиждителень, какъ самъ есть Богъ!

24.

Въ слѣдующихъ одиннадцати строфахъ
заключается описаніе царства свободы и дѣйствія ея, то
есть сохранность, спокойствіе, благоденствіе, величіе...

34.

Но страсти изощряя злобу...
Превращаютъ спокойствіе гражданъ въ пагубу...
Отца на сына воздвигаютъ,
Союзы брачны раздираютъ,
И все слѣдствія безмѣрнаго желанія властвовать...

35. 36. 37.

Описаніе пагубныхъ слѣдствій роскоши.
Междоусобій. Гражданская брань. Марій, Сулла,
Августъ...

Тревожну вольность усыпиль.

Чугунный скипетръ обвилъ цвѣтами... слѣдствіе
того — порабощеніе...

38. 39.

Таковъ есть законъ природы; изъ мучительства
рождается вольность, изъ вольности рабство...

40.

На что сему дивиться, и человекъ родится на то,
чтобы умереть...

Слѣдующія 8 строфъ содержатъ прорицанія о

будущемъ жребіи отечества, которое раздѣлится на части и тѣмъ скорѣе, чѣмъ будетъ пространнѣе. Но время еще не пришло. Когда же оно наступитъ, тогда

Встречать заклепы тяжелой ночи.

Упругая власть при издыханіи приставитъ стражу къ слову и соберетъ всѣ свои силы, дабы послѣднимъ махомъ раздавить возникающую вольность...

49.

Но человѣчество возреветъ въ оковахъ и направляемое надеждою свободы и неистребимымъ природы правомъ, двинется... И власть приведена будетъ въ трепетъ. Тогда всѣхъ силъ сложеніе, тогда тяжелая власть

Развѣтсѣтся въ одно мгновенье.
О день избраннѣйшій всѣхъ дней!

50.

Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ божества.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность возсіяла.

Вотъ и конецъ, сказалъ мнѣ новомодной стихотворецъ... Я очень тому порадовался и хотѣлъ было сказать, можетъ быть, неприятное на стихи его возраженіе, но колокольчикъ возвѣстилъ мнѣ, что въ дорогѣ складнѣе поспѣшать на почтовыхъ клячахъ, нежели карабкаться на пегаса, когда онъ съ норовомъ.

Городня.

Въѣзжая въ сію деревню, не стихотворческимъ пѣніемъ слухъ мой былъ ударяемъ, но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставъ изъ моей кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутской наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній, казенныхъ и помѣщичьихъ, сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ пятидесяти, держа за голову двадцатилѣтняго парня, вопила: Любезное мое дитяtko, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительской? Поля наши порастутъ травою, мохомъ наша хижина. Я бѣдна, престарѣлая мать твоя, скитаться должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? Кто напоить меня и накормить? Да все то не столь сердцу тягостно: кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матери сырой землѣ. Кто придетъ вспомнать меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза, не будетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она также вопила... Прости, мой другъ сердечной, прости, мое красное солнышко. Мнѣ, твоей невѣстѣ нареченой, не будетъ больше утѣхи ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мной солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы безчеловѣчные наши старосты, хоть дали бы намъ обвѣнчаться; хотя бы ты, мой милой другъ,

хотя бы одну уснулъ ноченьку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. Авось ли бы Богъ меня помиловалъ и далъ бы мнѣ паренька на утѣшеніе.

Парень имъ говорилъ: Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ государь на службу. На меня палъ жеребій. Воля Божія. Кому не умереть, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку... Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другого рода слова внялъ слухъ мой въ близстоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ тридцати, посредственнаго роста, стоящаго бодро и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго.

Услышалъ Господь молитву мою, вѣщалъ онъ. Достигли слезы несчастнаго до утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣтъ можетъ отъ добраго или худого моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батошьемъ наказанъ не буду!

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господской былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину, необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ: Если бы, государь мой, съ одной стороны, поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и, стоя между двухъ гибелей, неминуемо бы должно было итти направо или налево, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой, избралъ бы броситься въ рѣку въ надеждѣ, что переплывъ на другой берегъ, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ, но умирать томною

смертію, подъ батожьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнемъ поруганіи; государь мой, хотя холопей считаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но, къ несчастію ихъ горчайшему, они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратии, дворянъ.

И по истинѣ не ожидалъ я сказаннаго отъ одѣтаго въ смурой кафтанъ со бритымъ лбомъ. Но, желая удовлетворить моему любопытству, я просилъ его, чтобы онъ увѣдомилъ меня, какъ будучи столь низкаго состоянія, онъ достигъ понятій, не достающихъ нерѣдко въ людяхъ, несвойственно называемыхъ благородными.

Если вы не поскучаете слышать моей повѣсти, то я вамъ скажу, что я родился въ рабствѣ, сынъ дядьки моего бывшаго господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовутъ уже Ванькою, ни поносительнымъ именованіемъ, ни позова не сдѣлаютъ свистомъ. Старой мой баринъ, человекъ добросердечной, разумной и добродѣтельный, нерѣдко рыдавшій надъ участію своихъ рабовъ, хотѣлъ за долговременныя заслуги отца моего отличить и меня, давъ мнѣ воспитаніе, наравнѣ съ своимъ сыномъ. Различія между нами почти не было, развѣ только то, что онъ на кафтанѣ носилъ сукно моего потоньше. Чему учили молодого боярина, тому учили и меня; наставленія намъ во всемъ были одинаковы, и безъ хвастовства скажу, что во многомъ я лучше успѣлъ своего молодого господина.

Ванюша, говорилъ мнѣ старый баринъ, счастье твое зависитъ совсѣмъ отъ тебя. Ты болѣе къ учености и нравственности имѣешь побужденій, нежели мой сынъ. Онъ по мнѣ будетъ богатъ, и нужды не узнаетъ, а ты съ рожденія съ нею познакомился. И такъ старайся быть достоинъ моего о тебѣ попеченія... На семнадцатомъ

году возраста молодого моего барина, отправленъ былъ онъ и я въ чужіе края съ надзирателемъ, коему предписано было, меня почитать спутникомъ, а не слугою. Отправляя меня, старой мой баринъ сказалъ мнѣ: надѣюсь, что ты возвратишься къ утѣшенію моему и своихъ родителей. Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства, но внѣ оныхъ ты свободенъ. Возвратясь же въ оное, узъ, рожденіемъ твоимъ на тебя наложенныхъ, ты не обрящешь. Мы отсутственны были пять лѣтъ, и возвращались въ Россію; молодой мой баринъ въ радости видѣть своего родителя, а я, признаюсь, ласкаяся пользоваться сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніемъ. Сердце трепетало, вступая опять въ предѣлы моего отечества. И по истинѣ предчувствіе его было неложно. Въ Ригѣ молодой мой господинъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца. Онъ былъ оною тронутъ, я приведенъ въ отчаяніе, ибо всѣ мои старанія пріобрѣсти дружбу и довѣренность молодого моего барина всегда были тщетны. Онъ не только меня не любилъ, изъ зависти, можетъ быть, тѣснымъ душамъ свойственной, но ненавидѣлъ.

Примѣтивъ мое смятеніе, извѣстіемъ о смерти его отца произведенное, онъ мнѣ сказалъ, что сдѣланное мнѣ обѣщаніе не позабудетъ, если я того буду достоинъ. Въ первый разъ, онъ осмѣлился мнѣ сіе сказать, ибо получивъ свободу смертію своего отца, онъ въ Ригѣ же отпустилъ своего надзирателя, заплативъ ему за труды его щедро. Справедливость надлежитъ отдать бывшему моему господину, что онъ много имѣетъ хорошихъ качествъ, но робость духа и легкомысліе оныя помрачаютъ.

Черезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда, бывший мой господинъ влюбился въ изрядную лицомъ дѣвицу, но которая съ красотою тѣлесною соединила скареднѣйшую душу и сердце жестокое и суровое.

Воспитанная въ надменности своего происхожденія, отличностію почитала только внѣшность, знатность, богатство. Черезъ два мѣсяца, она стала супруга моего барина и моя повелительница. До того времени, я не чувствовалъ перемѣны въ моемъ состояніи, жилъ въ домѣ господина моего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ, по я предупреждалъ его иногда желанія, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дома, въ которомъ она опредѣлялася начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первый вечеръ по свадьбѣ и слѣдующій день, въ которой я ей представленъ былъ супругомъ ея, какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества: но въ вечеру, когда при довольно многолюдномъ собраніи, пришли всѣ къ столу и сѣли за первой ужинъ у новобрачныхъ, и я, по обыкновенію моему, сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу: если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, то бы холопей за оной не сажалъ. Онъ взглянулъ на меня и, движимъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, чтобы я изъ-за стола вышелъ и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, колико чувствительно мнѣ было сіе униженіе. Я, скрывъ, однакоже, изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день, не смѣлъ я показаться. Не навѣдываясь обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. То же было и въ слѣдующіе дни. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа, осматривая домъ и распредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ моимъ бариномъ. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи въ оныхъ, мнѣ въ посмѣяніе, но возвратясь домой, мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ

этажѣ, съ холостыми офиціантами, гдѣ моя постеля, сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ уже поставлены; все прочее она оставила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ коихъ помѣстила своихъ дѣвокъ.

Что въ душѣ моей происходило, слыша сіе, удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но, дабы не занимать васъ излишнимъ, можетъ быть, повѣствованіемъ, госпожа моя, вступивъ въ управленіе дома и не находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи и надѣла на меня ливрею. Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О, государь мой, лучше бы мнѣ не родиться! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрасти въ невѣжествѣ, не думавъ никогда, что есмь человѣкъ всѣмъ другимъ равный. Давно бы, давно бы избавилъ себя ненавистной мнѣ жизни, если бы не удерживало прещеніе вышняго надъ всѣми судіи. Я опредѣлилъ себя сносить жребій мой терпѣливо. И сносилъ не токмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступилъ я своего обѣта, и не отъялъ у себя томные остатки плачевнаго житія, при случившемся новомъ души уязвленіи.

Племянникъ моей барыни, молодецъ осмнадцати лѣтъ, сержантъ гвардіи, воспитанный во вкусѣ Московскихъ щегольковъ, влюбился въ горничную дѣвку своей тетюшки, и скоро овладѣвъ опытною ея горячностію, сдѣлалъ ее матерью. Сколь онъ ни рѣшителенъ былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ происшествіи нѣсколько смутился. Ибо тетюшка его, узнавъ о семъ, запретила входъ къ себѣ своей горничной, а племянника побранила слегка. По обыкновенію милосердыхъ господъ, она намѣрилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдавъ ее за

конюха замужъ. Но какъ всѣ они были уже женаты, а беременной для славы дома надобенъ былъ мужъ, то хуже меня изъ всѣхъ служителей не нашла. И о семь госпожа моя, въ присутствіи своего супруга, мнѣ возвестила, яко отмѣнную мнѣ милость. Не могъ я болѣе терпѣть поруганія... Безчеловѣчная женщина! во власти твоей состоитъ меня мучить и уязвлять мое тѣло. Говорите вы, что законы даютъ вамъ надъ нами сіе право. Я и сему мало вѣрю; но то твердо знаю, что вступать въ бракъ никто принужденъ быть не можетъ... Слова мои произвели въ ней звѣрское молчаніе. Обратясь потомъ къ супругу ея... Неблагодарный сынъ челоуѣколюбиваго родителя, забылъ ты его завѣщаніе, забылъ и свое изреченіе; но не доводи до отчаянія души, твоя благороднѣйшей, страшись!... Болѣе сказать я не могъ, ибо по повелѣнію госпожи моей, отведенъ былъ на конюшню, и сѣченъ нещадно кошками. На другой день, едва я могъ встать отъ побоевъ съ постели; и паки приведенъ былъ предъ госпожу мою. Я тебѣ прощу, говорила она, твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушѣ, она тебя проситъ, и я, любя ее въ самомъ ея преступленіи, хочу это для нея сдѣлать. Мой отвѣтъ, сказалъ я ей, вы слышали вчера, другого не имѣю. Присовокуплю только то, что просить на васъ буду начальство въ принужденіи меня къ тому, къ чему не имѣете права... Ну, такъ пора въ солдаты, вскричала яростно моя госпожа... Потерявшій путешественникъ въ страшной пустынѣ свою стезю меньше обрадуется, сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова: въ солдаты, повторила она, и на другой день то было исполнено... Несмысленная! она думала, что такъ, какъ и поселянамъ, поступленіе въ солдаты есть наказаніе. Мнѣ было то отрада, и какъ скоро мнѣ выбрили лобъ, то я почувствовалъ, что я переродился. Силы мои обновилися. Разумъ и духъ паки

начали дѣйствовать. О! надежда сладостное несчастному чувствіе, пребуди во мнѣ... Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаянія изступила изъ очей его... Я прижалъ его къ сердцу моему. Лицо его новымъ озарилось весельемъ. Не все еще исчезло; ты вооружаешь душу мою, вѣщаль онъ мнѣ, противъ скорби, давь чувствовать мнѣ, что бѣдствіе мое не безконечно....

Отъ сего несчастнаго я подошелъ къ толпѣ, среди которой увидѣлъ трехъ скованныхъ челоуѣкъ крѣпчайшими желѣзами. Удивленія достойно, сказалъ я самъ себѣ, взирая на сихъ узниковъ, теперь унылы, томны, робки, не токмо не желаютъ быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вмѣстить ихъ въ сіе состояніе; но обыкнувъ въ семъ тяжкомъ во исполненіи званіи, становятся бодры, предприимчивы, гнушаяся даже прежняго своего состоянія. Я спросилъ у одного близъ стоящаго, которой по одеждѣ своей приказнымъ служителемъ быть казался... Конечно, бояся ихъ побѣгу, заключили ихъ въ толь тяжкія оковы?... Вы отгадали. Они принадлежали одному помѣщику, которому зандобилися деньги на новую карету, и для полученія оной, онъ продалъ ихъ для отдачи въ рекруты казеннымъ крестьянамъ.

Я. Мой другъ, ты ошибаешься, казенные крестьяне покупать не могутъ своей братіи.

Онъ. Не продажею оно и дѣлается. Господинъ сихъ несчастныхъ, взявъ по договору деньги, отпускаетъ ихъ на волю; они будто по желанію приписываются въ государственные крестьяне къ той волости, которая платила за нихъ деньги, а волость по общему приговору отдаетъ ихъ въ солдаты. Ихъ везутъ теперь съ отпускными, для приписанія въ нашу волость.

Вольные люди, ничего не преступившіе, въ оковахъ, продаются какъ скоты! О законы: премудрость ваша часто бываетъ только въ вашемъ слогѣ! Не явное

ли се вамъ посмѣяніе? Но паче еще того, посмѣяніе священнаго имени вольности. О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся въ отчаяніи своемъ, разбили желѣзомъ вольности ихъ препятствующимъ главы наши, главы безчеловѣчныхъ своихъ господъ, и кровію нашею обагрили нивы свои! Что бы тѣмъ потеряло государство? Скоро бы изъ среды ихъ исторгнулись великіе мужи для заступленія избитаго племени; но были бы они другихъ о себѣ мыслей и права угнетенія лишены... Не мечта сіе, но взоръ проникаетъ густую завѣсу времени, отъ очей нашихъ будущее скрывающую; я зрю сквозь цѣлое столѣтіе... Съ негодованіемъ отошелъ я отъ толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя немного имѣли твердости, утщетили бы удручительные помыслы своихъ тирановъ. Возвратимся... Друзья мои, сказалъ я плѣнникамъ въ отечествѣ своемъ, вѣдаете ли вы, что если вы сами не желаете вступить въ воинское званіе, никто къ тому васъ принудить не можетъ... Перестань, баринъ, шутить надъ горькими людьми. И безъ твоей шутки больно было разставаться одному съ дряхлымъ отцомъ, другому съ малолѣтними сестрами, третьему съ молодою женою. Мы знаемъ, что господинъ насъ продалъ, для отдачи въ рекруты, за тысячу рублей... Если вы до сего времени не вѣдали, то вѣдайте, что въ рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могутъ; что вамъ отъ барина дана отпускная; и что васъ покупщики ваши хотятъ приписать въ свою волость, будто по вашей волѣ... О, если такъ, баринъ, то спасибо тебѣ; когда насъ поставятъ въ мѣру, то всѣ скажемъ, что мы въ солдаты не хотимъ и что мы вольные люди... Прибавьте къ тому, что васъ продалъ вашъ господинъ не въ указное время и что отдаютъ васъ насильнымъ

образомъ *... Легко себѣ вообразить можно радость, распростершуюся на лицахъ сихъ несчастныхъ. Вспрянувъ отъ своего мѣста, и бодро потрясая свои оковы, казалось, что испытываютъ свои силы, какъ бы ихъ свергнуть. Но разговоръ сей ввелъ было меня въ великія хлопоты: отдатчики рекрутскіе, вразумѣвъ моей рѣчи, воспаленные гнѣвомъ, прискочивъ ко мнѣ, говорили: Баринъ не въ свое мѣшается дѣло, отойди, пока сухъ, — и сопротивляющагося начали меня толкать столь сильно, что я съ поспѣшностію принужденъ былъ удалиться отъ сея толпы.

Подходя къ почтовому двору, нашель я еще собраніе поселянъ, окружающихъ человѣка въ разодранномъ сюртукѣ, нѣсколько, казалось, пьянаго, кривляющагося на предстоящихъ, которые, глядя на него, хохотали до слезъ... Что тутъ за чудо, спросилъ я у одного мальчика, чему вы смѣтаетесь?.. А вотъ рекрутъ иноземець по-русски не умѣетъ пикнуть... Изъ рѣдкихъ словъ, имъ изреченныхъ, узналъ я, что онъ былъ французъ. Любопытство мое паче возбудилося; я желалъ узнать, какъ иностранецъ могъ отдаваемъ быть въ рекруты крестьянами? Я спросилъ его на сродномъ ему языкѣ... Мой другъ, какими судьбами ты здѣсь находишься?

Французъ. Судьбѣ такъ захотѣлося: гдѣ хорошо, тутъ и жить должно.

Я. Да какъ ты попался въ рекруты?

Фран. Я люблю воинскую жизнь, мнѣ она уже извѣстна, я самъ... захотѣлось.

Я. Но какъ то случилось, что тебя отдають изъ деревни въ рекруты? Изъ деревень берутъ въ солдаты обыкновенно однихъ крестьянъ, и русскихъ; а ты, я

* Во время рекрутскаго набора, запрещается въ продажѣ крестьянъ совершать купчія.

вижу, не мужикъ и не русской.

Фран. А вотъ какъ. Я въ Парижѣ съ ребячества учился перукумахерству. Выѣхалъ въ Россію съ однимъ господиномъ. Чесалъ ему волосы въ Петербургѣ цѣлой годъ. Ему мнѣ заплатить было не чѣмъ. Я, оставивъ его, не нашедъ мѣста, чуть не умеръ съ голоду. По счастью, могъ попасть въ матросы на корабль, идущій подъ Россійскимъ флагомъ. Прежде отправленія въ море, приведенъ я къ присягѣ, какъ Россійскій подданный, и отправился въ Любекъ. На морѣ часто корабельщикъ билъ меня линькомъ за то, что былъ лѣнивъ. По неосторожности моей, упалъ съ вантовъ на палубу и выломалъ себѣ три пальца, что меня навсегда сдѣлало неспособнымъ управлять гребнемъ. Приѣхавъ въ Любекъ, попался прусскимъ наборщикамъ, и служилъ въ разныхъ полкахъ. Нерѣдко за лѣность и пьянство битъ былъ палками. Заколовъ будучи пьяной своего товарища, ушелъ изъ Мемеля, гдѣ я находился въ гарнизонѣ. Вспомнилъ, что я обязанъ въ Россіи присягою, и яко вѣрной сынъ отечества, отправился въ Ригу съ двумя талерами въ карманѣ. Дорогою питался милостынею. Въ Ригѣ счастье и искусство мое мнѣ послужили; выигралъ въ шинкѣ рублей съ двадцать и, купивъ себѣ за десять изрядной кафтанъ, отправился лакеемъ съ казанскимъ купцомъ въ Казань. Но, проѣзжая Москву, встрѣтился на улицѣ съ двумя моими земляками, которые совѣтовали мнѣ оставить хозяина и искать въ Москвѣ учительскаго мѣста. Я имъ сказалъ, что худо читать умѣю. Но они мнѣ отвѣчали: ты говоришь по-французски, то и того довольно. Хозяинъ мой не видѣлъ, какъ я на улицѣ отъ него удалился; онъ продолжалъ путь свой, а я остался въ Москвѣ. Скоро мнѣ земляки мои нашли учительское мѣсто за сто пятьдесятъ рублей, пудъ сахару, пудъ кофе, десять фунтовъ чаю въ годъ, столъ, слуга и карета. Но жить

надлежало въ деревнѣ. Тѣмъ лучше. Тамъ цѣлой годъ не знали, что я писать не умѣю. Но какой то свать того господина, у котораго я жилъ, открылъ ему мою тайну, и меня свезли въ Москву обратно. Не нашедъ другого подобнаго сему дурака, не могли отправлять мое ремесло съ изломанными пальцами, убоясь умереть съ голоду, я продалъ себя за двѣсти рублей. Меня записали въ крестьяне и отдають въ рекруты. Надѣюсь, говорилъ онъ важнымъ видомъ, что коль скоро будетъ война, то дослужуся до генеральскаго чина; а не будетъ войны, то набью карманъ (коли можно) и увѣнчанъ лаврами, отъѣду на покой въ мое отечество.

Пожаль я плечами не одинъ разъ, слушавъ сего бродягу, и съ уязвленнымъ сердцемъ легъ въ кибитку, отправился въ путь.

Завидово.

Лошади были уже впряжены въ кибитку, и я приготавлился къ отъѣзду, какъ вдругъ сдѣлался на улицѣ великой шумъ. Люди начали бѣгать изъ края въ край по деревнѣ. На улицѣ видѣлъ я воина въ гренадерской шапкѣ, гордо расхаживающаго, и держа поднятую плеть, кричащаго: Лошадей скорѣе; гдѣ староста? его превосходительство будетъ здѣсь чрезъ минуту; подай мнѣ старосту... Снявъ шляпу за сто шаговъ, староста бѣжалъ во всю прыть на сдѣланный ему позывъ... Лошадей скорѣе... Тотчасъ, батюшка; пожалуйста подорожную... На. Да скорѣе же, а то я тебя... говорилъ онъ, поднявъ плеть надъ головою дрожащаго старосты. Недоконченная сія рѣчь столь же была выраженія исполнена, какъ у Виргилія, въ Энеидѣ, рѣчь Эола къ вѣтрамъ: «Я васъ»..... И сокращенный видомъ плети властно-вѣлительнаго гренадера староста столь же живо ощущалъ мощь десницы грозящаго воина, какъ бунтующіе вѣтры ощущали надъ собою власть сильной Эоловой остроги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорилъ: «Его превосходительству, съ честною его фамиліей, потребно пятьдесятъ лошадей, а у насъ только тридцать на лицо, другія въ разгонѣ... «Роди, старый чертъ. А не будетъ лошадей, то тебя изуродую... «Да гдѣ же ихъ взять, коли взять негдѣ... «Разговорился еще... А вотъ лошади у меня будутъ»... И схватя старика за бороду, началъ его бить по плечамъ плетью нещадно... «Полно ли съ тебя. Да вотъ три свѣжія, говорилъ строгій судья ямскаго стана, указывая на впряженныхъ въ мою повозку. Выпряги ихъ для насъ... Коли баринъ да ихъ отдасть... Какъ бы онъ не отдалъ. У меня и ему то же достанется. Да кто онъ таковъ?... Невѣсть какой-то..... Какъ онъ

меня величалъ, того не знаю.

Между тѣмъ, я, вышедъ на улицу, воспретилъ храброму предтечѣ его превосходительства исполнить его намѣреніе, выпрягая изъ повозки моей лошадей, меня заставить ночевать въ почтовой избѣ.

Споръ мой съ гвардейскимъ полканомъ прерванъ былъ приѣздомъ его превосходительства. Еще издали слышенъ былъ крикъ повощиковъ и топотъ лошадей, скачущихъ во всю мочь. Частое біеніе копытъ, и зрѣнію уже непримѣтное обращеніе колесъ поднимающеюся пылью толико сгустили воздухъ, что колесница его превосходительства закрыта была непроницаемымъ облакомъ отъ взоровъ ожидающихъ его, аки громовой тучи, ямщиковъ. Донъ Кихоть, конечно, нѣчто чудесное бы тутъ увидѣлъ; ибо несущееся пыльное облако подъ знатною его превосходительства особою, вдругъ остановясь, разверзлося, и онъ предсталъ намъ отъ пыли сѣровиденъ, отродію черныхъ подобнымъ.

Отъ приѣзда моего на почтовый станъ до того времени, какъ лошади вновь впряжены были въ мою повозку, прошло по крайней мѣрѣ цѣлый часъ. Но повозки его превосходительства запряжены были не болѣе какъ въ четверть часа, и поскакали онѣ на крыльяхъ вѣтра. А мои клячи, хотя лучше казались тѣхъ, кои удостоилися везти превосходительную особу, но не боятся гренадерскаго кнута, бѣжали посредственною рысью.

Блаженны въ единовластныхъ правленіяхъ вельможи. Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа имъ повинуется. Даже несмысленные скоты угождаютъ ихъ желаніямъ, и дабы имъ въ путешествіи зѣвая не наскучилось, скачутъ они, не жалѣя ни ногъ, ни легкаго, и нерѣдко отъ туги околеваютъ. Блаженны, повторяю я, имѣющіе внѣшность, къ благоговѣнію всѣхъ влекущую. Кто вѣдаетъ изъ трепещущихъ отъ плети,

имъ грозящей, что тотъ, во имя коего ему грозятъ, безгласнымъ въ придворной грамматикѣ называется; что ему ни А..., ни О..., всю жизнь свою сказать не удалось; * что онъ долженъ, и сказать стыдно, кому — своимъ возвышеніемъ: что въ душѣ своей онъ скарденнѣйшее есть существо; что обманъ, вѣроломство, предательство, блудъ, отравленіе, татьство, грабежъ, убивство, ему стоять, какъ выпить стаканъ воды; что ланиты его никогда отъ стыда не краснѣли, развѣ отъ гнѣва или пощечины, что онъ другъ всякаго придворнаго истопника и рабъ едва, едва при дворѣ нѣчто значащаго. Но властелинъ и презирающъ невѣдающихъ его низкости и ползущества. Знатность, безъ истиннаго достоинства, подобна колдунамъ въ нашихъ деревняхъ. Всѣ крестьяне ихъ почитаютъ и боятся, думая, что они чрезъестественные повелители. Надъ ними сіи обманщики властвуютъ по своей волѣ. А коль скоро въ толпу, ихъ боготворящую, завернется мало кто грубѣйшаго невѣжества отчуждившійся, то обманъ ихъ обнаруживается, и таковыхъ дальновидцевъ они не терпятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они творятъ чудеса. Равно берегись и тотъ, кто посмѣетъ обнаружить колдовство вельможъ.

Но гдѣ мнѣ гнаться за его превосходительствомъ! Онъ поднялъ пыль столбомъ, которая по пролетѣ его исчезла, и я пріѣхалъ въ Клинь, нашель даже память его погибшею съ шумомъ.

* См. рукописную Придворную грамматику Фонъ-Визина.

Клинъ.

Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміамъ князь.... Поющій сію народную пѣснь, называемую Алексѣемъ Божиимъ человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сидящій у воротъ почтового двора, окруженный толпою по большей части ребячь и юношей. Серебровидная его глава, замкнутыя очи, видъ спокойствія, въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца предстоять ему со благоговѣніемъ. Неискусной хотя его напѣвъ, но нѣжностію изреченія сопровождаемый, проникалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внемлющихъ, нежели взрощенные во благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внемлютъ кудрявому напѣву Габріэлли, Маркези, или Тоди. Никто изъ предстоящихъ не остался безъ зыбленія внутрь глубокаго, когда Клиньскій пѣвецъ, дошедъ до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежесекундно гласомъ изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто, на коемъ были его очи, исполнялися изступающихъ изъ чувствительной отъ бѣды души слезъ и потоки оныхъ пролилися по ланитамъ воспѣвающаго. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; съ устъ юности отлетѣла спутница ея улыбка; на лицѣ отрочества явились робость, неложной знакъ болѣзненнаго, но неизвѣстнаго чувствованія; даже мужественный возрастъ, къ жестокости толико привыкшій, видъ воспріялъ важности. О, природа! возопилъ я паки.....

Сколь сладко незвѣтное чувствованіе скорби! Колико сердце оно обновляетъ и онаго чувствительность. Я рыдалъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ исторгнутыя изъ сердца Вертеромъ.... О

мой другъ, мой другъ! почто и ты не зрѣлъ сія картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія была бы гораздо усладительнѣе.

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денежки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба довольно равнодушно; но всегда сопровождая благодарность свою поклономъ, крестясь и говоря къ подающему: «Дай Богъ тебѣ здоровья». Я не хотѣлъ отъѣхать, не побывъ сопровождаемъ молитвою сего, конечно, пріятнаго небу старца. Желалъ его благословенія на совершеніе пути и желанія моего. Казалось мнѣ, да и всегда сіе мечта, какъ будто соблагословеніе чувствительныхъ душъ облегчаетъ стезю въ шествіи, и отъемлетъ терпѣніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку толико же дрожащею отъ боязни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, не успѣлъ онъ изречи обыкновеннаго своего благословенія подающему, отвлеченъ отъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, вѣщалъ я самъ себѣ, подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человѣчества; въ моемъ рублѣ ощущаетъ, можетъ быть, мою гордость. Онъ не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! колико малъ я самъ себѣ тогда казался, колико завидовалъ давшимъ полушку и краюшку хлѣба пѣвшему старцу!... Не пятакъ ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно, какъ и всякое свое слово... Нѣтъ, дѣдушка, рублевикъ, сказалъ близстоящій его мальчикъ... Почто такая милостыня? сказалъ слѣпой, опуская мѣста своихъ очей и ища, казалось, мысленно вообразити себѣ то, что въ горсти его лежало. Почто она не могущему ею пользоваться? Если бы я не лишенъ

быль зрѣнія, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имѣя въ немъ нужды, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ! если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, умолкъ бы хотя на одни сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но на что онъ мнѣ теперь? не вижу, куда его и положить; подастъ онъ, можетъ быть, случай къ преступленію. Полушку немного прибыли украсть, но за рублемъ охотно многіе протянуть руку. Возьми его назадъ, добрый господинъ: и ты, и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора... О истина! коликъ ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь въ укоризну... Возьми его назадъ: мнѣ, право, онъ не надобенъ, да и я уже его не стою: ибо не служилъ изображенному на немъ государю. Угодно было Создателю, чтобы еще въ боевыхъ моихъ лѣтахъ лишенъ я былъ вождей моихъ. Терпѣливо сношу его прощеніе. За грѣхи мои онъ меня посѣтилъ... Я былъ воинъ; на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатіи сраженія; я не щадила никогда у ногъ моихъ лежащаго непріятеля и просящаго безоруженному помилованія не дарилъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего, когда устремился на караніе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнія и чувствъ пролетѣвшимъ мимо очей въ силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О! вы, послѣдующіе мнѣ, будьте мужественны, но помните человѣчество... Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль, и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничной пирогъ, дѣдушка, говорила слѣпому подошедшая женщина лѣтъ пятидесяти... Съ какимъ восторгомъ онъ принялъ его обѣими руками... Вотъ истинное благодѣяніе, вотъ истинная милостыня. Тридцать лѣтъ сряду, ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Не забыла

ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала во младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ нерѣдко побой крестьянамъ отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ; прибѣжалъ на крикъ мужика и его избавилъ отъ побой, можетъ быть, чего и больше, но впредь отгадывать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи. Вотъ чего не позабываетъ она каждой день и каждой праздникъ. Дѣло мое было невеликое, но доброе. А добро пріятно Господу; за нимъ никогда ничто не пропадаетъ.

Неужели ты меня столько предъ всѣми обидишь, старичекъ, сказалъ я ему, и одно мое отвергнешь подаваніе? Неужели моя милостыня есть милостыня грѣшника? Да и та бываетъ ему на пользу, если служить къ умягченію его ожесточеннаго сердца... Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнію. Говорилъ старецъ: Не вѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ послужить могущаго подаванія; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай, что можетъ быть мнѣ полезно... Холодная у насъ была весна, у меня болѣло горло... платчишка не было, чѣмъ повязать шеи... Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась... Нѣтъ ли старенькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, я его повяжу: онъ мою согрѣетъ шею, горло болѣть перестанетъ, и я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно воспоминаніе нищаго... Я снялъ платокъ съ моей шеи, повязалъ на шею слѣпого... и разстался съ нимъ.

Возвращаясь чрезъ Клинь, я уже не нашель

слѣплого пѣвца. Онъ за три дня до моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая ему принесла пирогъ по праздникамъ, надѣлъ, заболѣвъ, передъ смертію, на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило, слушавъ сіе.

Пешки.

Сколь мнѣ ни хотѣлось поспѣшать въ окончаніе моего путешествія, но по пословицѣ: голодъ не свой братъ, принудилъ меня зайти въ избу, и доколѣ не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетовъ и прочаго французскаго кушанья, на отраву изобрѣтеннаго, принудилъ меня пообѣдать старымъ кускомъ жареной говядины, которая со мною ѣхала въ запасѣ. Пообѣдавъ сей разъ, гораздо хуже, нежели иногда обѣдаютъ многіе полковники (не говорю о генералахъ) въ дальнихъ походахъ, я, по похвальному общему обыкновению, налилъ въ чашку приготовленнаго для меня кофе, и услаждалъ прихотливость мою плодами пота несчастныхъ африканскихъ невольниковъ.

Увидѣвъ предо мною сахаръ, мѣсившая квашню хозяйка подслала ко мнѣ маленькаго мальчика попросить кусочекъ сего боярскаго кушанья... Почему боярское? сказали я ей, давая ребенку остатокъ моего сахара; неужели и ты его употребляешь не можешь?... Потому и боярское, что намъ купить его не на что, а бояре его употребляютъ для того, что не сами достаютъ деньги. Правда, что и бурмистръ нашъ, когда ѣздитъ въ Москву, то его покупаетъ, но также на наши слезы... Развѣ ты думаешь, что тотъ, кто употребляетъ сахаръ, заставляетъ васъ плакать... Не всѣ: но всѣ господа дворяне. Не слезы ли ты крестьянъ пьешь, когда они ѣдятъ такой же хлѣбъ, какъ и мы?... Говоря сіе, показывала она мнѣ составъ своего хлѣба. Онъ состоялъ изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки... Да и то слава Богу, при нынѣшнихъ неурожаяхъ. У многихъ сосѣдей нашихъ и того хуже. Чтожъ вамъ, бояре, въ томъ прибыли, что вы ѣдите сахаръ, а мы голодны? Ребята мрутъ, мрутъ и взрослые. Но какъ

быть: потужишь, потужишь, а дѣлай то, что господинъ велить... И начала сажать хлѣбы въ печь.

Сія укоризна, произнесенная не гнѣвомъ или негодованіемъ, но глубокимъ ощущеніемъ душевныя скорби, исполнила сердце мое грустію. Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно всю утварь крестьянскія избы. Первой разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ на немъ скользило... Четыре стѣны, до половины покрытыя такъ, какъ и весь потолокъ, сажею: полъ въ щеляхъ, на вершокъ, по крайней мѣрѣ, поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ, всякое утро, зимою и лѣтомъ, наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутой пузырь, смеркающійся въ полдень, пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (счастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ, всякой день, есть пустая щи)! Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; столъ, топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Кюрыто кормить свиней, или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ счастью, кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувъ данная природою, онучки съ лаптями для выхода... Вотъ въ чемъ почитается, по справедливости, источникъ государственнаго избытка, силы, могущества: но тутъ же видны слабость, недостатки и злоупотребленія законовъ, и ихъ шероховатая, такъ сказать, сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе... Звѣри алчные, пиявицы ненасытныя, что крестьянину мы оставляемъ? то, чего отнять не можемъ — воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли — хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ... Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь... Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ

отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны, почти всеиліе; съ другой, немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ, въ отношеніи крестьянина, есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребіи заклепанного во узы, се жребіи заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребіи вола во ярмѣ.....

Жестокосердый помѣщикъ, посмотри на дѣтей крестьянъ тебѣ подвластныхъ. Они почти наги. Отчего? не ты ли родшихъ ихъ въ болѣзни и горести обложилъ, сверхъ всѣхъ полевыхъ работъ, оброкомъ? Не ты ли несотканное еще полотно опредѣляешь себѣ въ пользу. На что тебѣ смрадное рубище, которое къ нѣгѣ привыкшая твоя рука подъяти гнушается? едва послужитъ оно на отираніе тебѣ скота. Ты собираешь и то, что тебѣ ненадобно, несмотря на то, что непокрытая нагота твоихъ крестьянъ тебѣ въ обвиненіе будетъ. Если здѣсь нѣтъ на тебя суда, но предъ судією, не вѣдающимъ лицепріятія, давшимъ нѣкогда и тебѣ путеводителя благого, совѣсть, но коего развратной твоей разсудокъ давно изгналъ изъ своего жилища, изъ сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездіемъ. Неусыпной сей дѣяній твоихъ стражъ уловитъ тебя наединѣ, и ты почувствуешь его кары. О, еслибы она была тебѣ и подвластнымъ на пользу... О, еслибы человѣкъ, входя почасту во внутренность свою, исповѣдалъ бы неукротимому судіи своему, совѣсти, свои дѣянія! Претворенный въ столпъ неподвижный громopodobнымъ ея гласомъ, не пускался бы онъ на тайныя злодѣянія; рѣдки бы тогда стали губительства опустошенія... и пр. и пр.

Черная грязь.

Здѣсь я видѣлъ также изрядной опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претворится опредѣленныхъ, зрѣлись, на челѣ опредѣленныхъ вступать въ супружество, печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ, и властію господина своего влекутся на казнь, къ алтарю Отца всѣхъ благъ, Подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, Зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его приметъ исторгнутую властію клятву, и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется не наказаннымъ!.. Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ, градодержатель, для охраненія закона опредѣленный дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семь свою пользу. Первой ради полученія мзды; другой — дабы, истребляя поносильное челоуѣчеству насиліе, не лишится самому лестнаго преимущества управлять себѣ подобнымъ самовластно... О! горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучать моихъ.

Я тебѣ, читатель, позабылъ сказать, что парнасскій судья, съ которымъ я въ Твери обѣдалъ въ трактирѣ, мнѣ сдѣлалъ подарокъ. Голова его надъ многимъ чемъ испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешь, суди самъ; а мнѣ скажи на ушко, каково тебѣ покажется. Если читая, тебѣ захочется спать, то сложи книгу и усни. Береги ее для бессонницы.

Слово о Ломоносовѣ.

Пріятность вечера, послѣ жаркаго лѣтняго дня, выгнала меня изъ моей кельи. Стопы мои направилъ я за Невскій монастырь, и долго гулялъ въ рощѣ, позади его лежащей *. Солнце лицо свое уже сокрыло, но легкая завѣса ночи едва, едва ли на синемъ сводѣ была чувствительна **. Возвращаяся домой, я шель мимо Невскаго кладьбища. Ворота были отверзты. Я вошелъ... На семь мѣстѣ вѣчнаго молчанія, гдѣ наитвердѣйшее чело поморщится несомнѣнно, помысливъ, что тутъ долженствуетъ быть конецъ всѣхъ блестящихъ подвиговъ, на мѣстѣ незыблемаго спокойствія и равнодушія непоколебимаго, могло ли бы, казалось, совмѣстно быть киченіе, тщеславіе и надменность. Но гробницы великолѣпныя? Суть знаки несомнѣнные человѣческія гордыни; но знаки желанія его жити вѣчно? Но се ли вѣчность, которая человѣкъ толико жаждущъ?.. Не столпъ, воздвигнутый надъ тлѣніемъ твоимъ, сохранить память твою въ дальнѣйшее потомство. Не камень со изсѣченіемъ имени твоего пренесетъ славу твою въ будущія столѣтія. Слово твое, живущее присно и во вѣки въ твореніяхъ твоихъ, слово Россійскаго племени, тобою въ языкъ нашемъ обновленное, прелетитъ во устахъ народныхъ за необозримый горизонтъ столѣтій. Пускай стихіи, свирѣпствуя сложенно, разверзнутъ земную хлябь и поглотятъ великолѣпный сей градъ, откуда громкое твое пѣніе раздавалося во всѣ концы обширныхъ Россіи: пускай яростный нѣкій завоеватель истребитъ даже имя любезнаго твоего отечества: но доколѣ слово Россійское

* Озерки.

** Июнь.

ударять будетъ слухъ, ты живъ будешь и не умрешь. Если умолкнетъ оно, то и слава твоя угаснетъ. Лестно, лестно такъ умрети. Но если кто умѣетъ исчислить мѣру сего продолженія, если персть гаданія назначить предѣлъ твоему имени, то не се ли вѣчность?.. Сіе изрекъ я въ восторгѣ, остановясь предъ столпомъ, надъ тлѣніемъ Ломоносова воздвигнутымъ... Нѣтъ, не хладный камень сей повѣствуетъ, что ты жилъ на славу имени Россійскаго, не можетъ онъ сказать, что ты былъ. Творенія твои да повѣствуютъ намъ о томъ, житіе твое да скажетъ, почто ты славенъ.

Гдѣ ты, о возлюбленный мой, гдѣ ты? Приди бесѣдовати со мною о великомъ мужѣ. Приди, да соплетемъ вѣнецъ насадителю Россійскаго слова. Пускай другіе, раболѣпствуя власти, превозносятъ хвалою силу и могущество. Мы воспоемъ пѣснь заслугѣ къ обществу.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ родился въ Холмогорахъ... Рожденный отъ человѣка, которой не могъ дать ему воспитанія, дабы посредствомъ онаго понятіе его изострилося и украсилося полезными и пріятными знаніями; опредѣленный по состоянію своему препровождать дни свои между людей, коихъ окружность мысленныя области не далѣе ихъ ремесла простирается; сужденный дѣлить время свое между рыбнымъ промысломъ и стараніемъ получить мзду своего труда; разумъ молодого Ломоносова не могъ бы достигнуть той обширности, которую онъ прибрѣлъ, трудясь въ испытаніи природы, ни гласъ его — той сладости, которую онъ имѣлъ отъ обхожденія чистыхъ музъ. Отъ воспитанія въ родительскомъ домѣ онъ пріялъ маловажное, но ключъ ученія, знаніе читать и писать, а отъ природы любопытство. И се, природа, твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою въ души наши, стремится къ познанію вещей; а кипящее сердце славолубіемъ не можетъ терпѣть путь, его

стѣсняющихъ. Реветъ оно, клокочетъ, стонетъ и, махомъ прерывая узы, летитъ стремглавъ (нѣтъ преткновенія) къ предлогу своему. Забыто все, одинъ предлогъ въ умѣ; имъ дышимъ, имъ живемъ.

Не выпуская изъ очей своихъ вождеденнаго предмета, юноша собираетъ познаніе вещей въ слабѣйшихъ ручьяхъ протекшаго наукъ источника, до низжайшихъ степеней общества. Чуждый руководства, столь нужнаго для ускоренія въ познаніяхъ, онъ первую силу разума своего, память, остритъ и украшаетъ тѣмъ, что бы разсудокъ его остритъ долженствовало. Сія тѣсная округа свѣдѣній, кои онъ могъ приобрѣсть на мѣстѣ рожденія своего, не могла усладить жаждущаго духа, но паче вожгла въ юношѣ непреодолимое къ ученію стремленіе. Блаженъ! что въ возрастѣ, когда волненіе страстей изводитъ насъ впервые изъ нечувствительности, когда приближаемся степени возмужалости, стремленіе его обратилоя къ познанію вещей.

Подстрекаемъ науки алчбою, Ломоносовъ оставляетъ родительской домъ; течетъ въ престольный градъ, приходитъ въ обитель иноческихъ музъ, и вмѣщается въ число юношей, посвятившихъ себя ученію свободныхъ наукъ и слову Божію.

Преддверіе учености есть познаніе языковъ; но представляется яко поле, терніемъ насажденное, и яко гора, строгимъ камнемъ усѣянная. Глазъ не находитъ тутъ пріятности расположенія, стопы путешественника — покойныя радости на отдохновеніе, ни зеленѣющагося убѣжища утомленному тутъ нѣтъ. Тако учащійся, приступивъ къ неизвѣстному языку, поражается разными звуками. Гортанъ его необыкновеннымъ журчаніемъ исходящаго изъ нея воздуха утомляется, и языкъ, новообразно извиваться принужденный, изнемогаетъ. Разумъ тутъ цѣпенѣтъ,

разсудокъ безъ дѣйствія ослабѣваетъ, воображеніе теряетъ свое крыліе; единая память бдитъ и острится, и всѣ излучины и отверстія свои наполняетъ образами неизвѣстныхъ доселѣ звуковъ. При ученіи языковъ, все отвратительно и тягостно. Еслибы не подкрѣпляла надежда, что пріучивъ слухъ свой къ необыкновенности звуковъ и усвоивъ чуждыя произношенія, не откроются потомъ пріятнѣйшіе предметы, то не уповательно, восхотѣлъ ли бы кто вступить въ столь строгій путь. Но, превозшедъ сіи трудности, коликократно награждается постоянство въ понесенныхъ трудахъ. Новые представляются тогда естества виды, новая цѣпь воображеній. Познаніемъ чуждаго языка становимся мы гражданами тоя области, гдѣ онъ употребляется, собесѣдуемъ съ жившими за многія тысячи вѣковъ, усвоимъ ихъ понятія; и всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ изобрѣтенія и мысли сочetoваемъ и приводимъ въ единую связь.

Упорное прилежаніе въ ученіи языковъ сдѣлало Ломоносова согражданиномъ Аѳинъ и Рима. И се наградилося его постоянство. Ярко слѣпецъ, отъ чрева матерня свѣта не зрѣвшій, когда искусною глазоврачевателя рукою возсіяетъ для него величество дневного свѣтила; быстрымъ взоромъ протекаетъ онъ всѣ красоты природы, дивится ея разновидности и простотѣ. Все его плѣняетъ, все поражаетъ. Онъ живѣе обыкшихъ всегда во зрѣніи очей чувствуетъ ея изящности, восхищается и приходитъ въ восторгъ. Тако Ломоносовъ, получивши свѣдѣніе латинскаго и греческаго языковъ, пожиралъ красоты древнихъ витій и стихотворцевъ. Съ ними научался онъ чувствовать изящности природы: съ ними научался познавать всѣ уловки искусства, кроющагося всегда въ одушевленныхъ стихотворствомъ видахъ, съ ними научался изъяслять чувствія свои, давать тѣло мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были, представилъ бы я, какъ постепенно великій мужъ водворялъ въ понятіе свое понятія чуждыя, кои, преобразовавшись въ душѣ его и разумѣ, въ новомъ видѣ явились въ его твореніяхъ, или родили совсѣмъ другія, уму человѣческому доселѣ недовѣдомыя. Представилъ бы его ищущаго знанія въ древнихъ рукописяхъ своего училища, и гоняющагося за видомъ ученія вездѣ, гдѣ казалось быть его хранилище. Часто обмануть бывалъ въ ожиданіи своемъ, но частымъ чтеніемъ церковныхъ книгъ онъ основаніе положилъ къ изящности своего слога, каковое чтеніе онъ предлагаетъ всѣмъ, желающимъ пріобрѣсти искусство Россійскаго слова.

Скоро любопытство его щедрое получило удовлетвореніе. Онъ ученикъ сталъ славнаго Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблужденія, преподанныя ему въ монашескихъ училищахъ, онъ твердыя и ясныя полагалъ степени къ восхожденію во храмъ любомудрія. Логика научила его разсуждать; математика вѣрныя дѣлать заключенія и убѣждаться единою очевидностію; метафизика преподавала ему гадательныя истины, ведущія часто къ заблужденію; физика и химія, къ коимъ, можетъ быть, ради изящности силы воображенія, прилежалъ отлично, ввели его въ жертвенникъ природы и открыли ему ея таинства; металлургія и минералогія, яко послѣдственницы предыдущихъ, привлекли на себя его вниманіе; и дѣятельно хотѣлъ Ломоносовъ познать правила, въ оныхъ наукахъ руководствующія.

Изобиліе плодовъ и произведеній понудило людей мѣнять ихъ на таковыя, въ коихъ былъ недостатокъ. Сіе произвело торговлю. Великія въ мѣновомъ торгу затрудненія побудили мыслить о знакахъ, всякое богатство и всякое имущество представляющихъ. Изобрѣтены деньги. Злато и серебро,

яко драгоцѣннѣйшіе по совершенству своему металлы, и доселѣ украшеніемъ служившіе, преобразены стали въ знаки, всякое стяжаніе представляющіе. И тогда только по истинѣ, тогда возгорѣлась на сердцѣ человѣческомъ ненасытная сія и мерзительная страсть къ богатствамъ, которая, яко пламень вся пожирающій, усиливается, получая пищу. Тогда, оставивъ первобытную свою простоту и природное свое упражненіе, земледѣліе, человѣкъ предалъ животъ свой свирѣпымъ волнамъ, или, презрѣвъ гладъ и зной пустынный, протекалъ чрезъ оныя въ недовѣдомыя страны, для снисканія богатствъ и сокровищъ. Тогда, презрѣвъ свѣтъ солнечный, живой нисходилъ въ могилу, и расторгнувъ нѣдра земныя, прорывалъ себѣ нору, подобенъ земному гаду, ищущему въ нощи свою пищу. Тако человѣкъ, сокрываясь въ пропастьхъ земныхъ, искалъ блестящихъ металловъ и сокращалъ предѣлы своей жизни на половину, питаясь ядовитымъ дыханіемъ паровъ, изъ земли исходящихъ. Но какъ и самая отравя, ставъ иногда привычкою, бываетъ необходимою человѣку въ употребленіи, такъ и добываніе металловъ, сокращая дни ископателей, не отвергнуто ради своей смертоносности, а паче изысканы способы добывать легчайшимъ образомъ большее число металловъ, по возможности.

Сего то хотѣлъ познать Ломоносовъ дѣятельно, и для исполненія своего намѣренія отправился въ Фрейбергъ. Мнѣ мнится, зрю его пришедшаго къ отверстію, чрезъ которое истекаетъ исторгнутый изъ нѣдръ земныхъ металлъ. Приемлетъ томное свѣтило, опредѣленное освѣщать его въ ущелинахъ, куда солнечные лучи досягать не могутъ николи. Исполнилъ первый шагъ; что дѣлаешь, вопіетъ ему разсудокъ? Неужели отличила тебя природа своими дарованіями для того только, чтобы ты употреблялъ ихъ на пагубу своей собратіи. Что мыслишь, нисходя въ сію пропасть?

Желаешь ли снискать вящее искусство извлекати сребро и злато? Или не вѣдаешь, какое въ мѣрѣ сотворило оно зло? Или забылъ завоеваніе Америки?... Но нѣтъ, нисходи, познай подземныя ухищренія человѣка, и, возвратясь въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа подать совѣтъ зарыть и заровнять сіи могилы, гдѣ тысящи въ животѣ сущіе погребаются.

Трепещущъ нисходитъ въ отверстіе, и скоро теряетъ изъ виду живоносное свѣтило. Желалъ бы я послѣдовать ему въ подземномъ его путешествіи, собрать его размышленія, и представить ихъ въ той связи, и тѣмъ порядкомъ, какими они въ разумѣ его возрождалися. Картина его мыслей была бы для насъ увеселительною и учебною. Проходя первой слой земли, источникъ всякаго прозябанія, подземный путешественникъ обрѣлъ его несходственнымъ съ послѣдующими, отличающимся отъ другихъ, паче всего, своею плодоносною силою. Заключалъ, можетъ быть, изъ того, что поверхность сія земная не изъ чего иного составлена, какъ изъ тлѣнія животныхъ и прозябаній; что плодородіе ея, сила питательная и возобновительная, начало свое имѣетъ въ неразрушимыхъ и первенственныхъ частяхъ всяческаго бытія, которая, не перемѣняя своего существа, перемѣняютъ видъ только свой, изъ сложенія случайнаго рождающійся. Проходя далѣе, подземный путешественникъ зрѣлъ землю, всегда расположенную слоями. Въ слояхъ находилъ иногда остатки животныхъ, въ моряхъ живущихъ, находилъ остатки растений, и заключать могъ, что слоистое расположеніе земли начало свое имѣетъ въ наплавномъ положеніи водъ, и что воды, переселяясь изъ одного края земного тара къ другому, давали землѣ тотъ видъ, какой она въ нѣдрахъ своихъ представляетъ. Сіе единовидное слоевъ расположеніе, теряясь изъ его зрака, представляло иногда ему смѣшеніе многихъ

разнородныхъ слоевъ. Заключалъ изъ того, что свирѣпая стихія — огонь, проникнувъ въ нѣдра земныя и встрѣтивъ противоборствующую себѣ влагу, ярься мутила, трясла, валила и метала все, что ей упорствовать тщилось своимъ противодѣйствіемъ. Смутьивъ и смѣшавъ разнородныя знойнымъ своимъ дохновеніемъ возбудила въ первобытностяхъ металловъ силу притяжательную и ихъ соединила. Тамъ узрѣлъ Ломоносовъ сіи мертвыя по себѣ сокровища въ природномъ ихъ видѣ, вспомнулъ алчбу и бѣдствіе человѣковъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ сіе мрачное обиталище людской ненасытности.

Упражнялся въ познаніи природы, онъ не оставилъ возлюбленнаго своего ученія стихотворства. Еще въ отечествѣ своемъ, случай показалъ ему, что природа назначила его къ величію, что въ обыкновенной стезѣ шествія человѣческаго онъ скитаться не будетъ. Псалтирь, Симеономъ Полоцкимъ въ стихи переложенная, ему открыла о немъ таинство природы, показала, что и онъ стихотворецъ. Бесѣдуя съ Гораціемъ, Виргилиемъ и другими древними писателями, онъ давно уже удостовѣрился, что стихотвореніе Россійское весьма было несродно благогласію и важности языка нашего. Читая нѣмецкихъ стихотворцевъ, онъ находилъ, что слогъ ихъ былъ плавнѣе Россійскаго, что стопы въ стихахъ были расположены по свойству языка ихъ. И такъ онъ вознамѣрился сдѣлать опытъ сочиненія новообразными стихами, поставивъ сперва Россійскому стихотворенію правила, на благогласіи нашего языка основанныя. Сіи исполнилъ онъ, написавъ оду на побѣду, одержанную Россійскими войсками надъ турками и татарами и на взятіе Хотина, которую изъ Марбурга онъ прислалъ въ Академію наукъ. Необыкновенность слога, сила выраженія, изображенія, едва недышащія, изумили читающихъ сіе новое

произведеіе. И сіе первородное чадо стремящагося воображенія по непроложенному пути въ доказательство съ другими купно послужило, что когда народъ направленъ единожды къ усовершенствованію, онъ ко славѣ идетъ не одной тропинкою, но многими стезями вдругъ.

Сила воображенія и живое чувствованіе не отвергають разысканія подробностей. Ломоносовъ, давая примѣры благогласія, зналъ, что изящность слога основана на правилахъ, языку свойственныхъ. Восхотѣлъ ихъ извлечь изъ самаго слова, не забывая однакоже, что обычай первой всегда подаетъ въ сочетаніи словъ примѣръ, и рѣченія, изъ правила исходящія, обычаемъ становятся правильными. Раздробляя всѣ части рѣчи и сообразуя ихъ съ употребленіемъ ихъ, Ломоносовъ составилъ свою грамматику. Но, не довольствуясь преподавать правила Россійскаго слова, онъ даетъ понятіе о человѣческомъ словѣ вообще, яко благороднѣйшемъ по разумѣ дарованіи, данномъ человѣку для сообщенія своихъ мыслей. Се сокращеніе общей его грамматики: Слово представляетъ мысли; орудіе слова есть голосъ; голосъ измѣняется образованіемъ или выговоромъ; различное измѣненіе голоса изображаетъ различіе мыслей; и такъ, слово есть изображеніе нашихъ мыслей, посредствомъ образованія голоса чрезъ органы, на то устроенные. Поступая далѣе отъ сего основанія, Ломоносовъ опредѣляетъ нераздѣлимыя части слова, коихъ изображенія называютъ буквами. Сложеніе нераздѣльныхъ частей слова производитъ склады, кои опричь образовательнаго различія голоса, различаются еще такъ называемыми удареніями, на чемъ основывается стихосложеніе. Сопряженіе складовъ производитъ рѣченія, или знаменательныя части слова. Сіи изображаютъ или вещь, или ея дѣяніе. Изображеніе

словесное вещи называется *имя*; изображеніе дѣянія *глаголь*. Для изображенія же сношенія вещей между собою и для сокращенія ихъ въ рѣчи, служатъ другія части слова. Но первыя суть необходимы и называются могутъ главными частями слова, а прочія служебными. Говоря о разныхъ частяхъ слова, Ломоносовъ находитъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ въ себѣ отмѣны. Вещь можетъ находиться въ разныхъ, въ разсужденіи другихъ вещей, положеніяхъ. Изображеніе такихъ положеній и отношеній именуется падежами. Дѣяніе всякое располагается по времени; оттуда и глаголы расположены по временамъ, для изображенія дѣянія, въ какое время оно происходитъ. Наконецъ, Ломоносовъ говоритъ о сложеніи знаменательныхъ частей слова, что производитъ рѣчи.

Предисловіе такое философическое разсужденіе о словѣ вообще, на самомъ естествѣ тѣлеснаго нашего сложенія основанномъ, Ломоносовъ преподаетъ правила Россійскаго слова. И могутъ ли быть они посредственны, когда начертавшій ихъ разумъ водимъ былъ въ грамматическихъ терніяхъ свѣтильникомъ остроумія? Не гнушайся, великой мужъ, сея хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебѣ славу. Заслуги твои о Россійскомъ словѣ суть многообразны; и ты считаешься въ малоприятельномъ семъ своемъ трудѣ, яко первымъ основателемъ истинныхъ правилъ языка нашего, и яко разыскателемъ естественнаго расположенія всяческаго слова. Твоя грамматика есть преддверіе чтенія твоея риторики, а та и другая руководительницы для осязанія красотъ изрѣченія твореній твоихъ. Поступая въ преподаваніи правилъ, Ломоносовъ вознамѣрился руководствовать согражданамъ своимъ въ стезяхъ тернистыхъ Гелликона, показавъ имъ путь къ краснорѣчію, начертывая правила

риторики и поэзіи. Но краткость его жизни допустила его изъ подъятаго труда совершить одну только половину.

Человѣкъ, рожденный съ нѣжными чувствами, одаренный сильнымъ воображеніемъ, побуждаемый любочестіемъ, исторгается изъ среды народныя. Восходитъ на лобное мѣсто. Всѣ взоры на него стремятся, всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ его произрѣченія. Его же ожидаетъ плесканіе рукъ, или посмѣяніе горше самаы смерти. Какъ можно быть ему посредственнымъ? Таковъ былъ Демосѣенъ, таковъ былъ Цицеронъ; таковъ былъ Питъ; таковы нынѣ Буркъ, Фоксъ, Мирабо и другіе. Правила ихъ рѣчи почерпаемы въ обстоятельствахъ, сладость изреченія въ ихъ чувствахъ, сила доводовъ въ ихъ остроуміи. Удивляясь толико отмѣннымъ въ словѣ мужамъ, и раздробляя ихъ рѣчи, хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумію и воображенію, думали, что путь къ прелестямъ проложить можно томными предписаніями. Сіе есть начало риторики. Ломоносовъ, слѣдуя, не замѣчая того, своему воображенію, исправившемуся бесѣдою съ древними писателями, думалъ также, что можетъ сообщить согражданамъ своимъ жаръ, душу его исполнявшій. И хотя онъ тщетный въ семъ предпріялъ трудъ, но примѣры, приводимые имъ для подкрѣпленія и объясненія его правилъ, могутъ несомнѣнно руководствовать пускающемуся вслѣдъ славы, словесными науками стяжаемой.

Но если тщетный его былъ трудъ въ преподаваніи правилъ тому, что болѣе чувствовать должно, нежели твердить, Ломоносовъ надежнѣйшіе любящимъ Россійское слово оставилъ примѣры въ своихъ твореніяхъ. Въ нихъ сосавшія уста сладости Цицероновы и Демосѣеновы растворяются на велерѣчіи. Въ нихъ на каждой строкѣ, на каждомъ препинаніи, на

каждомъ слогѣ, почто не могу сказать при каждой буквѣ, слышенъ стройной и согласной звонъ столь рѣдкаго, столь мало подражаемаго, столь свойственнаго ему благогласія рѣчи.

Пріявъ отъ природы право неощенное дѣйствовать на своихъ современниковъ, пріявъ отъ нея силу творенія, поверженный въ среду народныхъ толщ, великій мужъ дѣйствуетъ на оную, но и не въ одинаковомъ всегда направленіи. Подобенъ силамъ естественнымъ, дѣйствующимъ отъ средоточія, которыя, простирая дѣйствіе свое во всѣ точки окружности, дѣятельность свою присну вездѣ содѣловають. Тако и Ломоносовъ, дѣйствуя на согражданъ своихъ разнообразно, разнообразныя отверзалъ общему уму стези на познаніи. Повлекши его за собою во слѣдъ, расплетая запутанный языкъ на велерѣчіе и благогласіе, не оставилъ его при тощемъ безъ мыслей источникѣ словесности. Воображенію вѣщаль: лети въ безпредѣльность мечтаній и возможности, собери яркіе цвѣты одушевленнаго, и вождаяся вкусомъ, украшай оными самую неосязательность. И се паки, гремѣвшая на Олимпическихъ играхъ Пиндарова труба возгласила хвалу Всевышняго во слѣдъ Псалмопѣвца. На ней возвѣстилъ Ломоносовъ величіе Предвѣчнаго, возсѣдающаго на крылѣ вѣтренней, предшествуемаго громомъ и молніею, и въ солнцѣ являя смертнымъ свою существенность жизни. Умѣряя гласъ трубы Пиндаровой, на ней же онъ воспѣлъ брэнность челоуѣка и близкой предѣлъ его понятій. Въ безднѣ міровъ безпредѣльной, какъ въ морскихъ волнахъ малѣйшая песчинка, какъ во льду, не тающемъ николи, искра едва блестящая, въ свирѣпѣйшемъ вихрѣ, какъ прахъ тончайшій, что есть разумъ челоуѣческой?.. Се ты, о Ломоносовъ, одежда моя тебя не сокроеть.

Не завидую тебѣ, что слѣдуя общему обычаю

ласкати царямъ, нерѣдко недостойнымъ не токмо похвалы, стройнымъ гласомъ воспѣтой, но ниже гудочнаго бряцанія, ты льстилъ похвалою въ стихахъ Елисаветѣ. И еслибы можно было, безъ уязвленія истины и потомства, простилъ бы я то тебѣ, ради признательныя твоя души ко благодѣяніямъ. Но позавидуетъ не могущій во слѣдъ тебѣ итти писатель оды, позавидуетъ прелестной картинѣ народнаго спокойствія и тишины, сей сильной ограды градовъ и сель, царствъ и царей утѣшенія, позавидуетъ безчисленнымъ красотамъ твоего слова; и если удастся когда либо достигнуть непрерывнаго твоего въ стихахъ благогласія, но доселѣ не удалось еще никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своимъ сладкопѣніемъ, пускай потомкамъ нашимъ покажешься ты нестроенымъ въ мысляхъ, избыточенымъ въ существенности твоихъ стиховъ!... Но воззри: въ пространномъ ристалищѣ, коего конца око не досязаетъ, среди толпящейся многочисленности, на возглавіи впереди всѣхъ, се врата отверзающъ къ ристалищу, се ты. Прославиться всякъ можетъ подвигами, но ты былъ первый. Самому Всесильному нельзя отъять у тебя того, что далъ. Родилъ онъ тебя прежде другихъ, родилъ тебя въ вожди, и слава твоя есть слава вождя. О! вы, доселѣ бесплодно трудившіеся надъ познаніемъ существенности души, и какъ сія дѣйствуетъ на тѣлесность нашу, се трудная вамъ предлежитъ задача на испытаніе. Вѣщайте, какъ душа дѣйствуетъ на душу, какая есть связь между умами? Если знаемъ, какъ тѣло дѣйствуетъ на тѣло прикосновеніемъ, повѣдайте, какъ не осязаемое дѣйствуетъ на неосязаемое, производя вещественность; или какое между безвещественностей есть прикосновеніе. Что оно существуетъ, то знаете. Но если вѣдаете, какое дѣйствіе разумъ великаго мужа имѣетъ надъ общимъ разумомъ, то вѣдайте еще, что великій

мужъ можетъ родить великаго мужа; и се вѣнецъ твой побѣдоносный. О, Ломоносовъ, ты произвелъ Сумарокова!

Но если дѣйствіе стиховъ Ломоносова могло размашистой сдѣлать шагъ въ образованіи стихотворческаго понятія его современникомъ, краснорѣчіе его чувствительнаго или явнаго ударенія не сдѣлало. Цвѣты, собранные имъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ, и столь удачно въ словахъ его пресажденные, сила выраженія Демосѳенова, сладкорѣчіе Цицероново, бесплодно употребленныя, повержены еще во мракъ будущаго. И кто? онъ же, пресытившися обильнымъ велерѣчіемъ похвальныхъ твоихъ словъ, возгремитъ не твоимъ хотя слогомъ, но будетъ твой воспитанникъ. Далекъ ли время сіе, или близко, блудящій взоръ, скитаяся въ неизвѣстности грядущаго, не находитъ подножія остановиться. Но если мы непосредственнаго отъ витійства Ломоносова не находимъ отродія, дѣйствіе его благогласія и звонкаго препинанія безстопной рѣчи было однако же всеобщее. Если не было ему послѣдователя въ витійствѣ гражданскомъ, но на общій образъ письма оно распространилось. Сравни то, что писано до Ломоносова, и то, что писано послѣ его: дѣйствіе его прозы будетъ все въ внятнѣ.

Но не заблуждаемъ ли мы въ нашемъ заключеніи? Задолго до Ломоносова находимъ въ Россіи краснорѣчивыхъ пастырей церкви, которые, возвѣщая слово Божіе пастбѣ своей, ее учили, и сами словомъ своимъ славились. Правда, они были; но слогъ ихъ не былъ слогъ Россійской. Они писали, какъ можно было писать до нашествія татаръ, до сообщенія Россіянъ съ народами европейскими. Они писали языкомъ Славенскимъ. Но ты, зрѣвшій самого Ломоносова и въ твореніяхъ его поучаяся, можетъ быть, велерѣчію, забвень мною не будешь. Когда Россійское воинство,

поражая гордыхъ Оттомановъ, превысило чаяніе всѣхъ, на подвиги его взирающихъ окомъ равнодушнымъ или завистливымъ, ты, призванный на торжественное благодареніе Богу браней, Богу силъ, о! ты въ восторгѣ души твоей, къ Петру вzywавшій надъ гробницею его, да придетъ зрѣти плода своего насажденія: «*Возстани, Петръ, возстани*», когда очарованное тобою ухо очаровало по чредѣ око, когда казалось всѣмъ, что приспѣвый ко гробу Петрову, воздвигнути его желаешь, силою вышею одаренный; тогда бы и я вѣщалъ къ Ломоносову: зри, зри и здѣсь твое насажденіе. Но если онъ слову могъ тебя научить... въ Платонѣ душа Платона, и да восхититъ и увидитъ насъ, — тому учило его сердце.

Чуждый раболѣпствованія не токмо въ томъ, что благоговѣніе наше возбуждать можетъ, но даже и въ любленіи нашемъ, мы, отдавая справедливость великому мужу, не возмнимъ быти ему Богомъ всезидущимъ, не посвятимъ его истуканомъ на поклоненіе обществу, и не будемъ пособниками въ укорененіи какого либо предразсужденія, или ложнаго заключенія. Истина есть высшее для насъ божество, и если бы Всесильный восхотѣлъ измѣнить ея образъ, являясь не въ ней, лицо наше будетъ отъ него отвращенно.

Слѣдуя истинѣ, не будемъ въ Ломоносовѣ искать великаго дѣписателя, не сравнимъ его съ Тацитомъ, Реналемъ или Робертсономъ; не поставимъ его на степени Маркграфа или Ридигера, зане упражнялся въ химіи. Если сія наука была ему любезна, если многіе дни житія своего провелъ онъ въ изслѣдованіи истинъ естественности, но шестіе его было шестіе послѣдователя. Онъ скитался путями проложенными, и въ нечисленномъ богатствѣ природы не нашелъ онъ ни малѣйшія былинки, которой бы не зрѣли лучшіе его очи, не соглядалъ онъ ниже грубѣйшія пружины въ

вещественности, которую бы не обнаружили его предшественники.

Ужели поставить его близъ удостоивавшагося наилестнѣйшія надписи, которую человекъ низъ изображенія своего зрѣть можетъ? Надпись, начертанная не ласкательствомъ, но истиною, дерзающею на силу: *«Се исторгнувшій громъ съ небеси и скипетръ изъ руки царей»*. За то ли Ломоносова близъ него поставимъ, что преслѣдовалъ электрической силѣ въ ея дѣйствіяхъ; что не отвращень былъ отъ изслѣдованія о ней, видя, силою ея, учителя своего пораженнаго смертно. Ломоносовъ умѣлъ производить электрическую силу, умѣлъ отвращать удары грома, но Франклинъ въ сей наукѣ есть зодчій, а Ломоносовъ руководѣль.

Но если Ломоносовъ не достигъ великости въ испытаніяхъ природы, онъ дѣйствія ея великолѣпныя описалъ намъ слогомъ чистымъ и внятнымъ. И хотя мы не находимъ въ твореніяхъ его, до естественныя науки касающихся, изящнаго учителя естественности, найдемъ однакоже учителя въ словѣ, и всегда достойный примѣръ на послѣдованіе.

И такъ, отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова въ достойную его лучезарность, мы не ищемъ здѣсь вмѣнить ему и то въ достоинство, чего онъ не сдѣлалъ или на что не дѣйствовалъ, или только распложая неистовое слово, вождаемся изступленіемъ и пристрастіемъ. Цѣль наша не сія. Мы желаемъ показать, что въ отношеніи Россійской словесности, тотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ въ приобрѣтеніи славы, хотя бы онъ войти во храмъ не могъ. Бэконъ Веруламскій не достоинъ развѣ напоминовенія, что могъ токмо сказать, какъ можно размножать науки? Не достойны развѣ признательности мужественныя

писатели, возстающіе на губительство и всесиліе для того, что не могли избавить челоѣчества изъ оковъ и плѣненія? И мы не почтемъ Ломоносова для того, что не разумѣлъ правилъ позорищнаго стихотворенія и томился въ эпопеѣ, что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности, что не всегда проникателенъ въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ одахъ своихъ вмѣщаль иногда болѣе словъ, нежели мыслей. Но внемли: прежде начатія время, когда не было бытію опоры и все терялося въ вѣчности и неизмѣримости, все Источнику силъ возможно было, вся красота вселенныя существовала въ его мысли, но дѣйствія не было, не было начала. И се рука всемошная, толкнувъ вещественность въ пространство, дала ей движеніе. Солнце возсіяло, луна пріяла свѣтъ и тѣlesa крутящіяся горѣ образовались? Первый махъ въ твореніи всесилень былъ; вся чудесность міра, вся его красота суть только слѣдствія. Вотъ какъ понимаю я дѣйствіе великія души надъ душами современниковъ или потомковъ; вотъ какъ понимаю дѣйствіе разума надъ разумомъ. Въ стезѣ Россійской словесности, Ломоносовъ есть первый. Бѣги, толпа завистливая, се потомство о немъ судить: оно нелицемѣрно.

Но, любезной читатель, я съ тобою закалякался... Вотъ уже Всесвятское... Если я тебѣ не наскучилъ, то подожди меня у околицы, мы повидаемся на возвратномъ пути. Теперь прости... Ямщикъ, погоняй!

МОСКВА! МОСКВА!!!!...

Объяснительныя статьи.

1. АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАДИЩЕВЪ.

Биографическій очеркъ Н. А. Радищева.

Александръ Николаевичъ Радищевъ родился въ Москвѣ 1749 г. 20-го августа. Стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ послужило къ тому, что онъ получилъ хорошее воспитаніе. Дѣдъ его, бѣдный калужскій дворянинъ, былъ въ потѣшныхъ Петра Великаго, былъ его деньщикомъ, служилъ въ гвардіи, и, наконецъ, женившись въ сорокъ лѣтъ на богатой и весьма молодой дѣвушкѣ, въ царствованіе императрицы Анны, сдѣлался полковникомъ и командиромъ одного изъ малороссійскихъ драгунскихъ полковъ, почему и проживалъ долго въ Глуховѣ. Онъ своему сыну, отцу Александра Николаевича, судя по тогдашнему времени, когда просвѣщеніе едва проникало въ Россію, далъ хорошее воспитаніе; молодой человекъ зналъ языки: латинскій, французскій, нѣмецкій и польскій; имѣлъ свѣдѣнія богословскія и историческія, и любилъ сельское хозяйство, о коемъ читалъ много. Бывъ, самъ по себѣ и по женѣ своей, довольно богатъ, онъ хотѣлъ и своему сыну доставить свѣдѣнія. Впрочемъ, начала русскаго языка преподаны были Александру Николаевичу обыкновеннымъ тогдашнимъ способомъ, то-есть посредствомъ часослова и псалтири; но когда ему минуло шесть лѣтъ, то у него былъ уже учитель-французъ, оказавшійся въ послѣдствіи бѣглымъ солдатомъ.

Сіе домашнее ученіе продолжалось недолго, ибо Александръ Николаевичъ отданъ былъ въ домъ

родственника матери своей, Михаила Ѳеодоровича Аргамакова, человѣка умнаго, богатаго и просвѣщеннаго, бывшаго кураторомъ московскаго университета. Тутъ вмѣстѣ съ дѣтьми своего родственника и другими молодыми людьми (въ числѣ коихъ былъ гр. Аркадій Ивановичъ Марковъ) Александръ Николаевичъ воспитывался подъ надзоромъ француза, совѣтника руанскаго парламента, по политическимъ причинамъ удалившагося изъ отечества, и пользовался уроками профессоровъ и учителей университетскихъ. Во время коронаціи императрицы Екатерины, г. Аргамаковъ записалъ Александра Николаевича въ пажи и, по возвращеніи двора въ С.-Петербургъ, отправилъ его туда, гдѣ онъ продолжалъ ученіе въ пажескомъ корпусѣ.

Въ 1765 году, императрица Екатерина II, видя недостатокъ въ Россіи, въ самыхъ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, въ людяхъ знающихъ законоискусство и чувствуя, сколько бы такіе люди были для отечества полезны, приказала избрать 12 молодыхъ людей, въ томъ числѣ шестерыхъ пажей, для отправленія ихъ учиться правовѣдѣнію въ лейпцигскій университетъ. Пажей приказано было избрать лучшихъ, отличившихся въ корпусѣ какъ поведеніемъ, такъ и успѣхами въ наукахъ. Александръ Николаевичъ былъ въ числѣ сихъ избранныхъ пажей. Императрица ничего не жалѣла, дабы отправленные молодые люди могли представиться въ иностранномъ университетѣ достойными званія ея питомцевъ. Всѣ приуготовленія были сдѣланы щедрою рукою, содержаніе молодымъ людямъ назначено болѣе, чѣмъ достаточное (по осмисотъ рублей на человѣка въ годъ), но выборъ наставника сдѣланъ былъ неразборчиво.

Александръ Николаевичъ, описывая жизнь товарища своего Ѳ. В. Ушакова, изобразилъ маіора

Бокума, отправленнаго для надзора за молодыми людьми, назначенными къ важному служенію отечеству: онъ не имѣлъ не только хорошихъ свойствъ руководителя юношества, но никакихъ свѣдѣній; былъ корыстолюбивъ, золъ и хотѣлъ образовать питомцевъ своихъ палкою. Такое обращеніе наставника едва не ввергло молодыхъ людей въ погибель, а семейства ихъ въ вѣчную горестъ.

Юноши, бывъ въ безпрестанной ссорѣ съ своимъ наставникомъ, хотѣли, дабы избавиться отъ угнетеній Бокума, бѣжать въ Сѣверную Америку, гдѣ тогда начались и вскорѣ вспыхнули распри съ Англіей, отдѣлившія навѣкъ сіи колоніи отъ отечества. Благоразумныя увѣщанія и мѣры, принятыя россійскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ, кн. Бѣлосельскимъ, который отрѣшилъ Бокума, остановили отчаянное предпріятіе молодыхъ людей; они одумались и продолжали учиться. Еще должно замѣтить странность при отправленіи ихъ на долгое время въ чужую землю: имъ не дано было учителя русскаго языка, такъ что, въ пять лѣтъ пребыванія своего въ Германіи, они почти забыли свой языкъ и, въ разговорахъ на немъ, вмѣшивали многія латинскія, нѣмецкія и французскія слова.

Между тѣмъ курсъ ученія молодыхъ людей кончился; они возвратились въ отечество, обогащенные разнообразными познаніями, потому что, исключая правовѣдѣніе, всякій изъ нихъ слушалъ курсы тѣхъ наукъ, къ которымъ имѣлъ болѣе склонности. Александръ Николаевичъ слушалъ философію у Платнера, начинавшего тогда ученое свое поприще, на которомъ онъ впослѣдствіи прославился. Сверхъ сего, Александръ Николаевичъ пристрастился къ медицинѣ, и постоянно, въ теченіе пяти лѣтъ, учась ей, могъ бы выдержать экзамень докторскій; но, слѣдуя своему назначенію, не искалъ сего званія; однакожь, во все

теченіе жизни своей, практиковаль медицину съ довольнымъ успѣхомъ.

По возвращеніи въ отечество, только трое изъ молодыхъ людей, назначенныхъ быть юристами, поступили въ сенатъ въ званіи протоколистовъ, съ чинами титулярныхъ совѣтниковъ. Въ числѣ сихъ трехъ былъ Александръ Николаевичъ и всегдашній другъ его Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ. Служба ихъ въ сенатѣ была непродолжительна; незнаніе русскаго языка, товарищество съ приказными и обхожденіе высшихъ чиновниковъ, не отличавшихъ ихъ отъ прочихъ приказнослужителей, сдѣлали имъ сей родъ служенія противнымъ. Первый Кутузовъ вышелъ въ армію капитаномъ, и успѣлъ быть на сраженіи при Ларгѣ и Кагулѣ, подъ предводительствомъ безсмертнаго Румянцева. За нимъ вслѣдъ вышелъ изъ сената и Александръ Николаевичъ также капитаномъ, въ штатъ тогдашняго главнокомандующаго въ Петербургѣ гр. Брюса, и отправлялъ при немъ должность оберъ-аудитора.

Служба сія была самая пріятная эпоха въ жизни Александра Николаевича. Бывъ любимъ своимъ начальникомъ, онъ, посредствомъ его, сдѣлался вхожъ въ лучшія Петербургскія общества; вкусъ его образовался и онъ получилъ ловкость и пріятность въ обхожденіи. Хотя въ то время молодые свѣтскіе люди мало занимались русскимъ языкомъ, но Александръ Николаевичъ не придерживался вреднаго сего отвращенія; онъ съ самой молодости любилъ свое отечество, а любя его, можно ли было пренебрегать языкомъ своей родины. Первый наставникъ его въ русскомъ языкѣ былъ Александръ Васильевичъ Храповицкій, тогда еще гвардіи офицеръ, и подъ его руководствомъ Александръ Николаевичъ перевелъ изъ Монтескье «Разсужденіе о величій и упадкѣ римлянъ».

Книжка сія была напечатана Н. И. Новиковымъ.

Пробывъ три или четыре года при гр. Брюсъ, Александръ Николаевичъ вышелъ въ отставку секундъ-майоромъ и женился въ 1775 году. Въ женитьбѣ своей онъ не искалъ богатства; хотя бывъ членомъ многочисленнаго семейства (оно состояло изъ семи братьевъ и четырехъ сестеръ), не могъ надѣяться на большое состояніе, несмотря на то, что родители его имѣли около двухъ тысячъ душъ. Жена его, дочь члена придворной конторы, была не богата; но имѣла все то, что могло составить счастье хорошаго человѣка. Александръ Николаевичъ женился въ Москвѣ; жена его лишилась отца недолго до замужества, бывъ уже помолвлена, и Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ нею возвратился въ Петербургъ, чтобы снова вступить въ службу.

Въ 1776 году онъ былъ опредѣленъ ассессоромъ въ коммерцъ-коллегію, коей президентомъ былъ тогда гр. Александръ Романовичъ Воронцовъ. Сей умный вельможа принялъ сначала молодого сотрудника своего весьма сухо и, полагая, несмотря на извѣстную его ученость, что онъ ничто болѣе какъ человѣкъ свѣтскій и разсѣянный, не надѣялся найти въ немъ способностей къ дѣлу. Но А. Н., принявъ должность, принялъ и твердое намѣреніе отправлять ее сколько можно лучше. Цѣлый годъ онъ занимался единственно чтеніемъ журналовъ и опредѣленій коммерцъ-коллегіи, чтобъ вникнуть въ существо и образъ теченія дѣлъ ея, стараясь всѣ встрѣчающіяся въ сихъ бумагахъ обстоятельства соображать съ законами и при томъ приложилъ къ изученію русскаго языка, руководствуясь священными книгами, почему и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ придерживался славянскихъ оборотовъ, и даже употреблялъ много славянскихъ словъ.

Вникнувъ, наконецъ, въ дѣло коммерцъ-

коллегіи, онъ началъ показывать непреклонную твердость характера въ защитѣ правыхъ дѣлъ. Между прочими, встрѣтилось дѣло пеньковыхъ браковщиковъ, несправедливо обвиняемыхъ въ упущеніяхъ по должности. Президентъ, вице-президентъ и всѣ члены были того мнѣнія, что люди сіи виноваты и присуждали ихъ къ наказанію. Одинъ А. Н., будучи младшимъ членомъ коллегіи, осмѣлился принять на себя ихъ защиту. Онъ подалъ въ пользу ихъ голосъ, совершенно противный ясно изложенному мнѣнію президента, противъ котораго никто не смѣлъ спорить. Вице-президентъ Беклемишевъ, утраченный смѣлостью Александра Николаевича, представлялъ ему, какъ дерзко молодому человѣку, не имѣющему ни связей, ни покровителей, спорить такъ упорно противъ сильнаго вельможи, и доказывалъ, что если и точно голосъ его справедливъ, то все-же должно сообразоваться съ мнѣніемъ знатнаго начальника. Но А. Н. остался непреклоненъ и объявилъ, что если президентъ будетъ его гнать за голосъ, чего онъ, однакоже, никакъ не предполагаетъ, то онъ, оставя службу, уѣдетъ въ деревню къ отцу своему, и цѣлый вѣкъ проживетъ въ неизвѣстности, но не отступитъ отъ мнѣнія, которое почитаетъ справедливымъ, и незаконно не подпишетъ приговора совершенно невиннымъ людямъ.

Долго никто изъ членовъ и секретарей коммерцъ-коллегіи не осмѣлился доложить президенту о неслыханномъ упорствѣ молодого человѣка, младшаго члена, не искусившагося ни въ судебныхъ рѣшеніяхъ, ни въ порядкѣ приказномъ. Наконецъ, вице-президентъ, употребившій всевозможные способы къ преклоненію Александра Николаевича, и почитая его погибшимъ, доложилъ президенту, какъ о дѣлѣ, такъ и объ упорствѣ младшаго ассесора. Гр. Воронцовъ сначала подсадовалъ, полагая, что А. Н. защищаетъ

браковщиковъ по какимъ нибудь корыстнымъ видамъ; но, прочитавъ голосъ его со вниманіемъ, захотѣлъ, чтобъ упорный молодой человѣкъ самъ предъ нимъ защищалъ свое мнѣніе. А. Н. былъ призванъ, и слѣдствіемъ продолжительнаго разговора его съ гр. Воронцовымъ было то, что начальникъ, совершенно согласясь съ мнѣніемъ своего подчиненнаго, приказалъ, сообразно оному, передѣлать все дѣло; прежде приготовленное рѣшеніе было отмѣнено, браковщики были оправданы, а А. Н. сдѣлался домашнимъ человѣкомъ и, можно сказать, первымъ совѣтникомъ по дѣламъ коммерческимъ у г. Воронцова и скоро послѣ сего происшествія получилъ чинъ надворнаго совѣтника, а гр. Воронцовъ навсегда остался его покровителемъ.

Кажется, въ 1780 году, открылась С.-Петербургская губернія, по новому образованію, изложенному въ учрежденіи объ управленіи губерній. Дѣла, до таможенъ относящіяся, да и самыя таможни, отданы были въ вѣдѣніе совѣтника таможенныхъ дѣлъ, который какъ третій членъ, присутствовалъ въ казенной палатѣ. Въ сію должность (былъ) опредѣленъ дѣйств. статскій совѣтникъ Даль, образовавшій рижскую таможню, человѣкъ умный, ученый, свѣдущій въ порученной ему должности, но старый и совершенно не знавшій рускаго языка. Ему данъ былъ въ помощники А. Н. съ званіемъ совѣтника казенной палаты. Г. Даль, узнавъ его, полюбилъ какъ сына; они вмѣстѣ устроили С.-Петербургскую таможню и, наконецъ, когда здоровье г. Даля стало ослабѣвать, онъ совершенно предоставилъ всю власть свою Александру Николаевичу, а самъ по одному разу въ мѣсяцъ по дѣламъ таможеннымъ докладывалъ императрицѣ.

Александръ Николаевичъ, вступя въ управленіе С.-Петербургской и всѣхъ таможенъ сей губерній, исключая ученаго латинскаго языка, зналъ совершенно

нѣмецкій и французскій, на коихъ, какъ въ разговорахъ, такъ и на письмѣ, объяснялся правильно, съ легкостью и пріятностью. Но въ новомъ званіи своемъ увидѣлъ, что какъ главная торговля Россіи производится съ Англією, то назначеніе англійскаго языка можетъ подвергнуть его непріятности быть нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ своего переводчика; и потому, несмотря на многотрудныя свои по должности занятія, а особливо въ лѣтнее время, когда приходятъ иностранные купеческіе корабли, началъ учиться по-англійски, имѣя уже болѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Черезъ годъ ему переводчикъ былъ уже ненуженъ. Употребленіе англійскаго языка по дѣламъ внушило А. Н. любопытство узнать англійскую словесность, и онъ въ свободные часы занимался ею; наконецъ, сей языкъ сдѣлался ему такъ-же знакомъ, какъ французскій и нѣмецкій; онъ не могъ выговаривать его совершенно свободно и правильно. Между тѣмъ онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и скоро потомъ, недавно учрежденный, орденъ св. Владимира 4-й степени. Но домашнее его благополучіе разстроено было смертью нѣжно-любимой супруги.

Императрица Екатерина, видя необходимость новаго тарифа какъ для привозныхъ, такъ и для отпусковыхъ товаровъ, учредила комиссію для составленія онаго, сообразно настоящему времени и обстоятельствамъ. Президентомъ сей комиссіи назначенъ былъ гр. Воронцовъ, а въ числѣ членовъ былъ г. Даль. Алекс. Никол., хотя ни въ какомъ званіи къ сей комиссіи причисленъ не былъ, но вмѣстѣ съ г. Далемъ составилъ тарифъ, а такъ какъ трудился надъ нимъ частно, то и не участвовалъ въ наградахъ. Однакожь, г. Даль обратилъ на него вниманіе начальства, и онъ получилъ перстень.

Сей благородный старецъ, удрученный лѣтами и болѣзнями, вышелъ въ отставку, а Алекс. Никол. опредѣленъ былъ на его мѣсто, но не пользовался

неоцѣненной выгодою г. Даля; онъ не докладывалъ самъ императрицѣ по дѣламъ таможеннымъ; доклады сіи шли уже черезъ гр. Воронцова. Между тѣмъ императрица имѣла довѣріе къ непоколебимой честности и совершенному безкорыстію Александра Николаевича. По ея повелѣнію, ему поручены были весьма щекотливыя дѣла, напримѣръ, при началѣ войны съ шведами, арестованіе и опись шведскихъ купеческихъ кораблей, и обыскъ запрещенныхъ товаровъ во всѣхъ лавкахъ и магазинахъ въ С.-Петербургѣ. Всѣ современники отдали Алекс. Николаевичу справедливость въ томъ, что онъ совершенно былъ чуждъ корыстолюбія. Начальствуя таможняами С.-Петербургской губерніи, онъ могъ нажить милліоны, но онъ не нажилъ ничего и оставилъ дѣтямъ своимъ небольшое родительское наслѣдство и честное имя.

Все свободное время отъ службы Ал. Никол. посвящалъ ученію и трудамъ. Онъ написалъ «Исторію російскаго сената», которую уничтожилъ впоследствии, имѣлъ философическую переписку съ другомъ и товарищемъ своимъ А. М. Кутузовымъ, однимъ изъ первыхъ мартинистовъ. Кутузовъ желалъ привлечь въ сіе общество друга своего, но Ал. Никол. никогда на то не соглашался, изъ чего произошла пространная и занимательная переписка, которая могла бы составить важную книгу; но изъ сей переписки не осталось ничего. Потомъ написалъ онъ «Жизнь Фёдора Васильевича Ушакова», и приобщилъ къ ней нѣкоторыя изъ его сочиненій. Г. Ушаковъ былъ товарищъ Александру Николаевичу въ лейпцигскомъ университетѣ, и умеръ тамъ не старѣе 25-ти лѣтъ. Въ жизни сего молодого человѣка замѣчательна пламенная страсть къ ученію. Онъ уже былъ коллежскимъ ассессоромъ и секретаремъ одного знатнаго человѣка. Узнавъ о предполагаемомъ отправленіи двѣнадцати дворянъ въ Лейпцигъ, Ушаковъ

оставилъ службу и черезъ своего покровителя исходатайствовалъ позволеніе быть въ числѣ отправляемыхъ молодыхъ людей, хотя и былъ всѣхъ ихъ гораздо старѣе. Жизнь его, описанная Алекс. Николаевичемъ, есть описаніе успѣховъ всѣхъ посланныхъ тогда въ Лейпцигъ для обученія правовѣдѣнію. Книга сія была напечатана въ 1786 или 1787 году и теперь сдѣлалась столь рѣдкою, что едва ли и отыскать ее можно *. Въ ней Алекс. Николаевичъ съ откровенностію описываетъ все, что было съ нимъ и его товарищами въ Лейпцигѣ, похваляетъ хорошее, но не утаиваетъ и дурного. Потомъ занимался онъ сочиненіемъ своего «Путешествія въ Москву», которое, по излишней свободности мыслей и слишкомъ рѣзкому образу сужденій о правительствѣ, вовлекло его въ несчастіе. Въ 1790 г., онъ, вскорѣ послѣ напечатанія «Путешествія», посаженъ былъ подъ стражу, судимъ уголовнымъ порядкомъ и сосланъ на десять лѣтъ въ Иркутскую губернію, въ безуѣздный городъ Илимскъ, откуда возвращенъ государемъ императоромъ Павломъ I, съ позволеніемъ жить въ деревнѣ.

Время, въ заточеніи проведенное, Алекс. Никол. употребилъ на воспитаніе младшаго своего сына и дочери; при томъ не забывалъ и о старшихъ сыновьяхъ своихъ, жившихъ у дяди въ городѣ Архангельскѣ. Онъ написалъ для нихъ «разсужденіе о чловѣкѣ, о смертности его и о безсмертіи души». Тамъ же написалъ онъ «Письмо о китайскомъ торгѣ», и началъ «Исторію покоренія Сибири» и историческую повѣсть «Ермакъ»; но ни того, ни другого сочиненія не кончилъ, а послѣдняго остались только небольшіе отрывки. Живучи въ Илимскѣ, онъ упражнялся въ практической

* Она вошла въ «Полное собраніе сочиненій Радищева», изданное Планомъ Бекетовымъ.

медицинѣ, лѣчилъ сибиряковъ, и къ нему ѣздили изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ лѣчиться. Препжній начальникъ и покровитель его, гр. Воронцовъ, не оставлялъ его и въ заточеніи, писалъ къ нему, доставлялъ ему книги и многія нужныя въ сихъ пустынныхъ странахъ для жизни вещи.

По вступленіи на престолъ государя императора Александра I, Алекс. Николаевичу возвращено было прежнее его званіе и совершенная свобода. Онъ воспользовался ею, чтобъ тотчасъ ѣхать въ Петербургъ благодарить великодушнаго монарха и, по весьма краткомъ тамъ пребываніи, опредѣленъ былъ членомъ комиссіи о составленіи законовъ. Послѣ священнаго обряда коронаціи, Ал. Ник. отправился изъ Москвы въ Петербургъ и ревностно приступилъ къ отправленію своей должности; но здоровье ему измѣнило, онъ сталъ чувствовать безпрестанно увеличивающуюся слабость и, наконецъ, къ неописанной горести семейства своего, скончался 1802 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, имѣя 53 года отъ рожденія.

Оставшіяся послѣ него сочиненія были напечатаны въ шести небольшихъ томахъ, въ Москвѣ, въ типографіи Бекетова; къ нимъ приложенъ довольно схожій портретъ его. Въ сихъ шести книжкахъ заключаются сочиненія Александра Николаевича, писанныя во время пребыванія его въ Сибири и въ деревнѣ. Конечно, слогъ ихъ устарѣлъ, но смѣлость и здравость мыслей чистая, и глубокая философія никогда не старѣются. Въ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ, въ отрывкахъ повѣсти «Бова» и «О Тредьяковскомъ», много веселости.

Алекс. Николаевичъ былъ нрава прямого и пылкаго; всѣ горести сносилъ съ стоическою твердостью, никогда не изгибался и былъ врагъ лести и подобострастія. Въ дружбѣ былъ непоколебимъ, а

оскорбленія забываль скоро; честность и безкорыстіе были отличительными его чертами. Обхожденіе его было просто и пріятно, разговоръ занимателенъ, лицо красиво и выразительно, ростъ средній. Исключая «жизни Ушакова», послѣ него не осталось никакихъ записокъ касательно собственной его жизни.

2. АЛЕКСАНДРЪ РАДИЩЕВЪ.

Ст. А. С. Пушкина.

Il ne faut pas qu'un honnête
homme mérite d'être pendu ².

Слова Карамзина 1879 г.

Въ концѣ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II, нѣсколько молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, отправлены были, по ея повелѣнію, въ Лейпцигскій университетъ, подъ надзоромъ одного наставника, и въ сопровожденіи духовника. Ученіе пошло имъ не въ прокъ: надзиратель думалъ только о своихъ выгодахъ; духовникъ, монахъ добродушный, но необразованный, не имѣлъ никакого вліянія на ихъ умъ и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились въ Россію, гдѣ службы и заботы семейственныя замѣнили для нихъ лекціи Геллерта и студенческія шалости. Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ на чредѣ замѣтной обнаружилъ совершенное безсиліе и несчастную посредственность (О. П. Козодавлевъ, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ), другой прославился совѣмъ иначе.

Александръ Радищевъ родился около 1750 года. Онъ обучался сперва въ пажескомъ корпусѣ и обратилъ на себя вниманіе начальства, какъ молодой человѣкъ, подающій о себѣ великія надежды. Университетская

² Честному человѣку не должно подвергать себя висѣлицѣ (франц.). – Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. – *Примѣчаніе издателя.*

жизнь принесла ему мало пользы. Онъ не взялъ даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и нѣмецкому языку, чтобы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Безпокойное любопытство болѣе, нежели жажда познаній, была отличительная черта ума его. Онъ былъ кротокъ и задумчивъ. Тѣсная связь съ молодымъ Ушаковымъ имѣла на всю его жизнь вліяніе рѣшительное и глубокое. Ушаковъ былъ немногимъ старше Радищева, но имѣлъ опытность свѣтскаго человѣка. Онъ уже служилъ секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ Тепловѣ, и его честолюбію открыто было блестящее поприще. Такъ оставилъ онъ службу изъ любви къ познаніямъ и вмѣстѣ съ молодыми студентами отправился въ Лейпцигъ. Сходство умовъ и занятій сблизило съ нимъ Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его пошлой и безплодной метафизики. Гриммъ, странствующій агентъ французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою «О разумѣ» и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было бы для васъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей, пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемые закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытнымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же дѣтскія, другія мечты, столь же несбыточныя, замѣнили мысли и мечты учениковъ Дидро и Руссо, и легкомысленный поклонникъ молвы видитъ въ нихъ

опять и цѣль человѣчества, и разрѣшеніе вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь онѣ замѣнятся другими.

Радищевъ написалъ Житіе *Θ. В. Ушакова*. Изъ этого отрывка видно, что Ушаковъ былъ отъ природы остроумень, краснорѣчивъ и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца. Онъ умеръ на 21-мъ году своего возраста отъ слѣдствій невоздержности жизни; но на смертномъ одрѣ онъ еще успѣлъ преподать Радищеву ужасный урокъ. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей. Радищевъ тому воспротивился, но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій.

Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу, не переставая между тѣмъ заниматься и словесностью. Онъ женился. Состояніе его было для него достаточно. Въ обществѣ онъ былъ уважаемъ, какъ сочинитель. Графъ Воронцовъ ему покровительствовалъ. Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную свою канцелярію. Слѣдуя обыкновенному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней государственныхъ. Но судьба готовила ему иное.

Въ то время существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ мартинистовъ. Мы еще застали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ этому полуполитическому, полурелигіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философическаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить

мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступныя политическія виды. Императрица, долго смотрѣвшая на ученія французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцовъ, и сама ихъ ободрявшая своимъ царскимъ рукоплесканіемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на русскихъ мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ, но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франъ-масонскихъ ужинахъ. Радищевъ попалъ въ ихъ общество. Тайнственность ихъ бесѣдъ воспламенила его воображеніе. Онъ написалъ свое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» — сатирическое воззваніе къ возмущенію, напечаталъ въ домашней типографіи и спокойно пустилъ его въ продажу.

Если мысленно перенесемся мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства, если представимъ себѣ силу нашего правительства, наши законы, не измѣнявшіеся со времени Петра I, ихъ строгость, въ то время еще не смягченную двадцатипятилѣтнимъ царствованіемъ Александра I, самодержца, умѣвшаго уважать челоуѣчество; если подумаемъ, какіе суровые люди окружали престолъ Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствіемъ сумасшедшаго. Мелкій чиновникъ, челоуѣкъ безо всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противъ общаго порядка, противъ самодержавія, противъ Екатерины! И замѣтьте: заговорщикъ надѣется на соединенныя силы своихъ товарищей; членъ тайнаго общества, въ случаѣ неудачи или готовится извѣтомъ заслужить себѣ помилованіе,

или, смотря на многочисленность своих соумышленниковъ, полагается на безнаказанность. Но Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ не успѣха, — а какого успѣха можетъ онъ ожидать? — онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закона. Мы никогда не почитали Радищева великимъ человѣкомъ. Поступокъ его всегда казался намъ преступленіемъ, ничѣмъ не извиняемымъ, а «Путешествіе въ Москву» — весьма посредственною книгою, но со всѣмъ тѣмъ не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ; политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью.

Но, можетъ быть, самъ Радищевъ не понялъ всей важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его безпечность и странную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ, между прочимъ, къ Державину, котораго поставилъ онъ въ затруднительное положеніе! (Извѣстно, что Державинъ вывернулся изъ этого положенія, представивъ книгу императрицѣ). Какъ бы то ни было, книга его, сначала не замѣченная, вѣроятно потому, что первыя страницы чрезвычайно скучны и утомительны — вскорѣ произвела шумъ. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Нѣсколько дней сряду читала она эти горькія, возмутительныя сатиры. «Онъ — мартинистъ», говорила она Храповицкому (смотри его записки); онъ хуже Пугачева — онъ хвалитъ Франклина». Слово, глубоко замѣчательное: монархія, стремившаяся къ соединенію воедино всѣхъ разнородныхъ частей государства, не могла равнодушно видѣть отторженія колоній отъ владычества Англіи. Радищевъ преданъ былъ суду. Сенатъ осудилъ его на смерть (см. Полное собраніе

законовъ). Государыня смягчила приговоръ. Преступника лишили чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослали въ Сибирь.

Въ Илимскѣ Радищевъ предался мирнымъ литературнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ большую часть своихъ сочиненій; многія изъ нихъ относятся къ статистикѣ Сибири, къ китайской торговлѣ и проч. Сохранилась его переписка съ однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ, который, можетъ быть, не вовсе былъ чуждъ изданію «Путешествія» (графомъ А. Р. Воронцовымъ). Радищевъ былъ тогда вдовцомъ. Къ нему поѣхала его свояченица, чтобы раздѣлить съ изгнанникомъ грустное его уединеніе. Онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній упоминаетъ объ этомъ трогательномъ обстоятельстве:

Воздохну на томъ я мѣстѣ,
Гдѣ Ермакъ съ своей дружиной,
Сядясь въ лодки, устремлялся
Въ ту страну ужасну, хладну,
Въ ту страну, гдѣ я средь бѣдствій —
Но на лонѣ жаркой дружбы —
Былъ блаженъ, и гдѣ оставилъ
Души нѣжной половину (Бова. Вступленіе).

Императоръ Павелъ I, вступивъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противнаго духу правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово. Онъ во все время царствованія императора Павла I не писалъ ни одной строки. Онъ жилъ въ Петербургѣ, удаленный отъ дѣлъ и занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Смиранный опытностью и годами, онъ даже перемѣнилъ образъ мыслей, ознаменовавшій его бурную и кичливую молодость. Онъ не питалъ въ сердцѣ своемъ никакой

злости къ прошедшему и помирился съ славной памятью великой царицы.

Не станемъ укорять Радищева въ слабости и непостоянствѣ характера. Время измѣняетъ человѣка, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ или съ улыбкою отвергаетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и моложавое лицо, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Одинъ глупецъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опытъ для него не существуетъ. Могъ ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время ужаса (terreur)? Могъ ли онъ безъ глубокаго омерзенія слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сентиментальнаго тигра.

Императоръ Александръ I, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ и, извиняя въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ «Путешествія» отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину, и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ

было Сибири?» Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный и который онъ самъ себѣ напроорочилъ.

Сочиненія Радищева въ стихахъ и прозѣ (кромѣ «Путешествія») изданы были въ 1807 году. Самое пространное изъ его сочиненій есть философическое разсужденіе «О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи». Умствованія его пошлы и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противъ матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго атеизма. Между статьями литературными замѣчательно его сужденіе о Телемахидѣ и Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній. Въ стихахъ лучшее произведеніе его есть «Осьмнадцатый вѣкъ» — лирическое стихотвореніе, написанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь замѣчательные подъ его перомъ:

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Урна временъ часы изливаетъ каплямъ подобно.
Капли въ ручьи собрались; въ рѣку ручьи возрасли,
И на дальнѣйшемъ берегу изливаютъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море; а тамъ нѣтъ ни предѣла, ни береговъ...
Не возвышается островъ, ни dna тамъ лотъ не находитъ:
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣдъ;
Но знаменито во вѣки, своею кровавой струею,
Съ звуками грома течетъ наше столѣтье туда;
И сокрушивъ наконецъ корабль, надежды несущій,
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.

Счастіе и добродѣтель и вольность пожралъ омутъ ярый.
Зри: всплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.
Нѣтъ! ты не будешь забвенно, столѣтье безумно и мудро!
Будешь проклято во вѣкъ, въ вѣкъ удивленіемъ всѣхъ.
Крови — въ твоей колыбели, припѣваніе — громы
сраженьевъ;
Ахъ, омоченный въ крови вѣкъ, ниспадаешь во гробъ!...
Но зри: двѣ вознеслися скалы во средѣ струй кровавыхъ —
Екатерина и Петръ, вечности чада! и Россѣ.

Первая пѣснь Бовы имѣетъ также достоинства. Характеръ Бовы обрисованъ оригинально, и разговоръ его съ Каргою забавенъ. Жаль, что въ Бовѣ, какъ и въ Алешѣ Поповичѣ, другой его поэмѣ, исключенной, не знаемъ почему, въ собраніи его сочиненій (потому, что она написана сыномъ Радищева, а не имъ), нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода; но Радищевъ думалъ подражать Вольтеру, потому что онъ вѣчно кому-нибудь да подражалъ. Вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою. Въ ней не имѣлъ онъ образца, а Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Костровъ успѣли уже обработать нашъ стихотворный языкъ.

«Путешествіе въ Москву», причина его несчастія и славы, есть, какъ мы уже сказали, очень посредственное произведеніе, не говоря уже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованіе на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны. Мы бы могли подтвердить сужденіе наше множествомъ выписокъ. Но читателю стоитъ открыть его книгу на удачу, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ нами сказаннаго.

Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидро и Реналя; но все въ

нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частыя поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему — вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Отнимите у него честность — въ остаткѣ будетъ Полевой. Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ? Онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, которыми долженъ руководствоваться законодатель, чтобы съ одной стороны, сословіе писателей не было притѣснено, и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой бессмысленной и своенравной управы; а съ другой, — чтобы писатель не употреблялъ этого божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна; ибо правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ, не пугаясь ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностью.

Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На эти вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что

въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчливья и напыщенныя выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсю пошлаго и преступнаго пустословія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностью и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви.

Оглавление

Предисловіе. 3

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ

Посвященіе А. М. Кутузову.	7
Выѣздъ.	9
Софія.	11
Тосна.	14
Любани.	17
Чудово.	21
Спасская полѣсть.	31
Подберезье.	52
Новгородъ.	59
Бронницы.	67
Зайцово.	70
Крестцы.	87
Яжелбицы.	108
Валдаи.	112
Едрово.	115
Хотиловъ.	127
Вышній-Волочокъ.	143
Выдропускъ.	148
Торжокъ.	153
Мѣдное.	178
Тверь.	183
Городня.	196
Завидово.	208
Клинъ.	211
Пешки.	216
Черная грязь.	219
Слово о Ломоносовѣ.	220

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ

1. А.Н. Радищевъ. Біографическій очеркъ *Н. А. Радищева*..... 237
2. А.Н. Радищевъ. Ст. *А. С. Пушкина*. 249

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы с часовней в Язвищах (<https://xgam-v-yazvichax.ru>), занимающегося реставрацией храма, расположенного в селѣ Язвищи Боровенковского сельскаго поселения Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человекъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человекъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человекъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобных сель и деревень.

Сейчас в близлежащих к храму деревнях вместо семисот человек, о чем сказано выше, проживает около тридцати. Лишь летом съезжаются дачники и местность как-то оживает.

В Язвицах остался только один дом, в котором проживали священнослужители, да и тот давно непригоден для жилья.

А храм стоит – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждет...

Почему такое произошло? Как вернуть в те прекрасные места людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположений, но мы считаем, что сначала надо приступить к реставрации храма. И затем все вернется, т. е. в тех местах появится вера, без которой не может жить ни теист, ни атеист.

С 2011 года мы начали реставрировать наш храм. За это время вынесли мусор, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что здание церкви является памятником архитектуры, приступили к разработке научно-проектной документации.

Если Вы имеете возможность помочь нам в деле восстановления храма, то просим Вас перечислить посильное пожертвование на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счет получателя: 40703810655100000343 в
Съверо-Западном банке ПАО «Сбербанк России»,
Санкт-Петербург.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фонд восстановления церкви Святой Троицы
в Язвицах.

Счет Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначение платежа: Благотворительное пожертвование.

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвования). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орфографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для ценителей русского языка.

Приобрѣсти книги вы можете перейдя по адресу:
<https://pravopisanie.xram-v-yazvichax.ru>, а также въ Интернетъ-магазинѣ OZON.

Доступны на

Человѣка, добротой дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнить

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]